

**КОМПЬЮТЕР
ПРИХОДИТ
В ШКОЛУ**

**ТВОРЧЕСКАЯ
ПЕДАГОГИКА.**

*Отечество.
Великолепие
Кускова.*

**ЗНАКОМЬТЕСЬ;
ТОТО КУТУНЬО.**



СМЕНА

№ 17 (1399) СЕНТЯБРЬ 1985

ISSN 0131-6656

Воспитание бережливости и приобщение к современной вычислительной технике, проблемы самовоспитания и формирование личности в семейном кругу, осознание себя как патриота и интернационалиста и преодоление с помощью взрослых, комсомола негативных привычек, нездоровых увлечений — об этом рассказывают сегодня материалы, объединенные рубрикой «Творческая педагогика». В начале нового учебного года, в канун Дня знаний мы хотим еще раз привлечь внимание читателей к творческому поиску в деле формирования юной личности. Идея гармоничного воспитания юного поколения приобретает в наши дни, дни подготовки к XXVII съезду КПСС, особую значимость, она требует единения усилий всех, кому небезразличен завтрашний день страны, кто сегодня должен приложить усилия для того, чтобы время юности было временем открытий нового, светлого, временем подлинного становления души, взросления чувств, мужания разума.

Электронно-вычислительная техника все шире и шире входит в нашу жизнь. Наука и производство уже немислимы без участия компьютеров, без АСУ и робототехники. Компьютеры скоро появятся у нас дома, станут привычными на наших рабочих столах. Компьютеризация названа одним из главных направлений научно-технического прогресса. Новая общегосударственная программа, посвященная этому направлению, обсуждена и одобрена Политбюро ЦК КПСС.

Ученые назвали компьютеризацию второй грамотностью. Намечено развертывание курсовой подготовки учителей для ведения нового предмета, создаются кабинеты вычислительной техники в учебных заведениях. ЭВМ будут широко применяться и во внеклассных формах работы, при организации технического творчества учащихся, в деятельности молодежных клубов, домов пионеров, дворцов культуры.

Конечно, объем предстоящей работы огромен. По оценке ученых, уже теперь требуется оборудовать не менее 50 тысяч школьных кабинетов вычислительной техники, поставить более миллиона персональных ЭВМ. Важнейшую роль в выполнении этой задачи государственной важности должен играть Ленинский комсомол. В конце прошлого года ЦК ВЛКСМ, Госкомитет СССР по науке и технике, президиум Академии наук, Минвуз, Минпрос и Госкомитет СССР по профессионально-техническому образованию приняли совместное постановление «Об участии комсомольцев и молодежи в развитии, эффективном применении вычислительной техники и изучении основ ее использования».

В рамках Международного года молодежи в начале мая в болгарском городе Варна состоялась международная конференция на тему «Дети в информационный век: завтрашние проблемы сегодня».

Один из советских участников конференции, вице-президент Академии наук СССР академик Е. П. Велихов, поделился своими мыслями по затронутым проблемам: «Вот уже восемь лет, как у нас, в Советском Союзе, осуществляется экспериментальная работа по внедрению компьютеров, которую ведут ученые и специалисты Академии наук и ряда других институтов. У нас в стране имеется несколько сотен экспериментальных школ, где мы стремимся к тому, чтобы ученик чувствовал себя с компьютером как со своим другом, помощником. Наша задача — превратить школьные классы в кабинеты по 40 рабочих мест в каждом. Нам еще предстоит включить в этот учебный процесс учеников даже из первых классов, распространить использование компьютеров на все учебные дисциплины... Для решения общих задач, стоящих перед всеми странами мира, нашим детям требуется и говорить на одном общем языке — компьютерном. Темпы, какими микроэлектроника развивается и входит во все сферы человеческой деятельности, заставляют нас брать на вооружение эту новую грамотность. Без нее человек окажется не только неподготовленным, но и ненужным обществу...»

Наша задача сегодня — не просто многое знать о современных компьютерах, а главное — научиться пользоваться ими, применять их в своей работе.

ВТОРАЯ ГРАМОТНОСТЬ

Андрей ЕРШОВ,
академик АН СССР,
заведующий
отделом информатики
Вычислительного Центра
Сибирского отделения
АН СССР

— Андрей Петрович! Вполне обоснованно мнение, что ЭВМ — это двигатель современной научно-технической революции, как паровая машина — индустриальной революции прошлого века. Наш интерес к вычислительной технике понятен. Но как объяснить его внезапность? Ведь микропроцессору скоро уже исполнится пятнадцать лет...

— И все эти годы идет его непрерывное совершенствование; так что массовое применение микропроцессоров началось совсем недавно. А вообще внезапность, о которой вы говорите, — это тоже объективное следствие научно-технического прогресса.

— Значит, человек просто не успел подготовиться ко встрече с компьютером?

— Да, наверное, можно сказать так. На сегодняшний день наша способность создавать вычислительные машины несравненно богаче, чем способность передавать им знания, то есть программировать. Если трудоемкость изготовления микропроцессора измеряется человеко-часами, то программ для него — как минимум человеко-месяцами. А ведь каждое новое применение ЭВМ требует новых программ. Сравнительно быстрый рост производства компьютеров с физическими возможностями человека-программиста, легко убедиться, что в недалеком будущем программированием должно будет заняться чуть ли не все взрослое население Земли! И совершенно очевидно, что успех нашего сотрудничества с ЭВМ полностью зависит от того, насколько быстро и хорошо мы научимся программировать.

— Вы полагаете, что все скоро станут программистами?

— Из того, что все умеют писать, не следует, что все стали писателями; при этом, однако, никто не сомневается в пользе всеобщей грамотности. Сравнение это далеко не поверхностное. Печатный станок — одно из величайших достижений человечества — в свое время открыл путь к массовой грамотности, к массовому знанию. Развитие книгопечатания и вычислительной техники обнаруживает много сходных черт, обусловленных глубокой аналогией: и книга, и компьютер — носители информации. Книга несет пассивные, описательные знания; ЭВМ же воплощает в себе знания активные, переходящие в действие; получается, что книжные и компьютерные знания дополняют друг друга и одинаково требуются для формирования гармоничной личности. Вычислительная техника порождает вторую грамотность.

— Итак, навык работы с ЭВМ становится таким же элементом культуры современного человека, как знание языков, математики или истории. Из этого, видимо, следуют важные выводы для всей системы образования?

— Да, и первый вывод уже принят к исполнению. С сентября этого года в

средних школах вводится курс основ информатики и вычислительной техники. В рамках этого курса старшеклассники познакомятся с устройством и принципами работы вычислительной машины, изучат общие свойства алгоритмов и методы их записи, попрактикуются в работе с микрокалькулятором. В недалекой перспективе предполагается создать кабинеты вычислительной техники, где на партах будут установлены персональные ЭВМ. Тем самым школьники получат доступ к машине и смогут овладеть программированием не в меньшей мере, чем сегодня студенты технических вузов.

Однако курс, о котором идет речь, — это только начало внедрения компьютера в школе. Опыт работы кабинетов вычислительной техники в наших и зарубежных школах убедительно свидетельствует: нет такого возраста, в котором рано было бы приобщать детей к машине! Совершенно несостоятельными оказались опасения, что, дескать, компьютер, берущий на себя некоторые функции человеческого разума, будет воспитывать в детях пассивность и ленность ума. Наоборот, непринужденное, свободное общение с машиной развивает пытливость, активность, исследовательский дух, а значит, и способности ребенка практически во всех областях. Накоплен весьма обнадеживающий

опыт применения ЭВМ не только на уроках математики и физики, но и языков, истории, музыки. Компьютер дает детям именно то, чего им так остро не хватает в нашем взрослом, жестко регламентированном мире: поле для самостоятельных действий, для исследований и открытий.

— Но имеется один довод скептиков, от которого трудно отмахнуться: изучение вычислительной техники в школах начинается с нынешнего года, а сама эта техника упоминается не иначе, как в будущем времени. Машин в большинстве школ действительно пока нет...

— Довод в самом деле серьезный, и отмахиваться от него не следует. Однако начинать можно и с безмашинного курса информатики и программирования. И вот почему.

С развитием вычислительной техники люди постепенно осознали, что программы пишутся не только для машины, но и для человека. Понимание это родилось из практики: из необходимости модифицировать программы, исправлять ошибки, распределять работу между программистами, повторно использовать фрагменты старых программ. Современные стандарты на подготовленную программу требуют, чтобы ее текст был понятен человеку без дополнительных пояснений. Более того, разработаны методы проверки и доказательства правильности программы по мере ее создания, то есть до передачи компьютеру. Так что сегодня, когда контакт человека и машины расширяется и облегчается, «внемашинная» жизнь программы вовсе не обнаруживает склонности к свертыванию.

Вообще разговор о программировании нужно вести несколько шире. Компь-

только преодолеть ведомственные и бюрократические барьеры, проявить настойчивость и заинтересованность в деле. Думаю, месячная практика на базовом предприятии под руководством опытных программистов окажется прекрасным дополнением к безмашинному школьному курсу.

Вернемся к аналогии между писателем и программистом. Ясно, что далеко не каждый, кого мы сегодня учим программированию, в жизни будет активно пользоваться полученными знаниями; профессионалами станут и вовсе единицы. Но, как хороший словесник дает любому из своих питомцев хоть на минуту ощутить себя Достоевским, математик — Гауссом, историк — Цезарем, а географ — Колумбом, так и в курсе информатики учащиеся должны постичь основные черты профессии программиста. До недавнего времени она проходила по разряду экзотических. А между тем эта профессия воплощает в себе едва ли не самые ценные свойства человеческого разума. Глядя, как программист царапает карандашом бесконечную простыню распечатки или щурит усталые глаза перед экраном, можете ли вы представить, что происходит с ним? Какие битвы кипят в его мозгу, какие сокрушительные терпит он поражения и какой ценой добивается победы? Какие компромиссы принимает и от каких соблазнов уходит? Как горячо надеется на успех и как за два шага до цели находит в себе мужество отказаться от сомнительной удачи и начать все сначала? Какое воображение порождает эти однообразные строки и какая горькая расплата ждет его за малейшую допущенную неточность? Нет, не выговор, не лишение премии, не осуждение коллег; критерий истины — в нем самом, в его беспощадной профессиональной самооценке, в высочайшей требовательности к качеству своего изделия.

О профессии программиста можно сказать очень много интересного. На мой взгляд, наиболее важная и специфическая сторона программирования — это воссоздание в неодушевленной машине своего собственного интеллекта, сотворение разума в самом непосредственном смысле. Каждому программисту знакомо ощущение чуда: подчиняясь его воле, машина начинает вести себя разумно. Приобщить молодежь к этому чуду, дать ей ощутить силу своего разума — задача уже философского, мировоззренческого уровня.

— Будем надеяться, что сегодняшние школьники испытают это в полной мере. А что можно посоветовать тем, кто уже перешел за грань юношеского возраста, но еще не встретился с компьютером?

— В самом деле, наша добрая традиция велит в первую очередь заботиться о молодом поколении. Правда, в данном случае это диктуется и самой необходимостью: хотя тотальное вторжение ЭВМ в нашу жизнь уже началось, лет через 10—15 его масштабы будут несравненно большими.

А распространение компьютерной грамотности среди взрослых должны, на мой взгляд, взять на себя общество «Знание», народные университеты, лектории, дома научно-технической пропаганды и, конечно, средства массовой информации. Те же, кто не проявит к этому интереса своевременно, будут вынуждены в одиночку наверстывать упущенное, чтобы по крайней мере не ударить лицом в грязь перед собственными детьми.

Беседу вел
М. МИХАЙЛОВ.



Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 17 (1399) СЕНТЯБРЬ 1985

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»



Наша обложка:
коллаж
Олега ГРАЧЕВА.

- 1 НАВСТРЕЧУ XXVII СЪЕЗДУ КПСС.
ТВОРЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА.
Андрей ЕРШОВ, академик АН СССР.
«ВТОРАЯ ГРАМОТНОСТЬ».
- 5 Никита НИКОЛАЕВ. «УРОК ВЕДЕТ «ШКОЛЬНИЦА».
- 6 Орозбек АЙТЫМБЕТОВ. «БЕРЕЧЬ КАК ЖИЗНЬ».
- 8 Рассказ Отара ДЕМЕТРАШВИЛИ «СЛАДКИЙ ПРИЗ».
- 11 «У СЕМЕЙНОГО ОЧАГА».
- 12 Альберт ЛИХАНОВ. «ЗНАМЯ МИРА, ЗНАМЯ ДЕТСТВА».
- 14 ФУТБОЛЬНЫЙ КЛУБ «НАДЕЖДА».
Сергей МИКУЛИК. «ФАНАТЫ? НЕ ТОЛЬКО...»
- 16 ОТЕЧЕСТВО.
«РУССКИЙ ПАРНАС». Фотоочерк Александра БАСМАНОВА
и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
- 20 МОЛОДЕЖНАЯ МОДА.
Светлана АНИЧКИНА. «НОВЫЙ НАРЯД СТРАНЫ КИМОНО».
- 21 КЛУБ «МУЗЫКА С ТОБОЙ».
- 22 С ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРИБУНЫ XII ВСЕМИРНОГО.
Андрей ГРАЧЕВ. «ЭКСТРЕМИСТЫ? ПРОВОКАТОРЫ?».
- 24 «ОГОРОД ПОД ВОДОЙ».
Фоторепортаж Сергея ЖОЛУСА.
- 26 ЛИТЕРАТУРНЫЕ УРОКИ.
«АНДРЕЙ ДЕМЕНТЬЕВ: «НЕ ЖАЛЕЙТЕ ДОБРОТЫ».
- 28 Повесть Сергея УСТИНОВА
«МОЖЕТЕ НА МЕНЯ ПОЛОЖИТЬСЯ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНОКУРОВ, Б. Л. ДАНИУШЕВСКИЙ (ответственный секретарь), В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. П. КУЛЕШОВ, И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. СЛЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантросов. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда». «Смена», 1985 г.

ОСТЬ

ютерная программа — это не что иное, как записанный по специальным правилам алгоритм, исполнителем которого является вычислительная машина. Но ведь есть и другие исполнители! Машиностроитель, например, при слове «программа» видит скорее не ЭВМ, а станок с ЧПУ.

Алгоритм — понятие значительно более универсальное и, кстати, весьма древнее. По существу, любые закономерные действия человека или машины могут быть выражены в алгоритмической форме. ЭВМ всего лишь исполнитель наших алгоритмов, быстрый, удобный, надежный, универсальный, но далеко не единственный. Так что безмашинный курс информатики и программирования вовсе не абсурд, не «школа сухого плавания», как это подчас именуется.

Но, конечно, наличие машины лучше, чем ее отсутствие, поэтому желательнее уже сегодня изыскать способ приобщения ребят к ЭВМ. Хотя в школах машин еще, как правило, нет, оснащенность предприятий и организаций средствами вычислительной техники быстро возрастает, причем загрузка машин часто отстает от роста их численности, и обеспечить хотя бы временный доступ школьников к ЭВМ вполне под силу базовым предприятиям и местным органам народного образования. Нужно

История ЭВМ

Первую простейшую суммирующую машину изобрел в XVII веке французский философ и математик Блез Паскаль. Эта настольная механическая вычислительная машина, названная арифмометром, предназначена для выполнения сложения, вычитания, умножения и деления, причем установка чисел и приведение в действие счетного механизма осуществляются вручную. Кстати, праправнуками арифмометра можно назвать обыкновенные счеты. Недавно при раскопках на небольшом острове в Эгейском море археологи обнаружили счеты, чей «возраст» датирован четвертым тысячелетием до нашей эры...

Еще в середине прошлого века английский математик Джордж Буль заложил основы современной математической логики, а его соотечественник Ч. Бебидж вскоре предпринял первую попытку создать автоматический цифровой вычислитель — прообраз нынешней ЭВМ. Затем были созданы первые образцы электромеханических счетно-аналитических машин.

Шаг за шагом в начале XX века появились дифференциальные анализаторы, давшие быстрое развитие аналоговым вычислительным машинам, были заложены основы современной теории алгоритмов. И вот, наконец, в начале сороковых годов наступил период создания непосредственно электронно-вычислительных машин. Началось тесное сотрудничество многочисленной армии математиков, логиков, физиков, химиков... Первая советская ЭВМ (и, кстати, первая в Европе) появилась в 1951 году.

За сорок с небольшим лет в развитии вычислительной техники различают четыре поколения ЭВМ. В компьютерах первого поколения (40—50-е годы) использовались электронные лампы, второго (50—60-е годы) — полупроводники, третьего (60—70-е годы) — интегральные микросхемы, и, наконец, четвертого (с 70-х годов) — большие интегральные микросхемы. Их мощности росли из поколения в поколение, а размеры — благодаря успехам микроэлектроники — непрерывно уменьшались. Первая ЭВМ занимала площадь 140 квадратных метров, потребляла 150 тысяч ватт электроэнергии, совершая всего пять тысяч операций в секунду. Новейшие компьютеры с лучшим программным обеспечением имеют быстроедействие от сотен тысяч до нескольких миллионов операций в секунду.

Сегодня ученые уже приступили к работе над созданием компьютеров пятого поколения. Компактные устройства памяти — как внутренней, так и внешней — значительно повысят возможности ЭВМ. Недавно американская фирма «Интернэшнл бизнес мэшинс», контролирующая более половины мирового капиталистического производства компьютеров, объявила о создании элемента памяти объемом один миллион бит. Речь уже идет о машинах с так называемым «искусственным интеллектом». В перспективе ЭВМ научатся говорить на нашем естественном языке, нам же придется изучать их логику и законы, их способы и формы выражения мысли.

КТО СКАЗАЛ,
ЧТО МАШИНА
ДУМАЕТ ЗА ЧЕЛОВЕКА?..

ХОРОШО, КОГДА РЯДОМ
УЧИТЕЛЬ.

НАРИСУЙ, МАШИНА, ДОМ!..

ПРЕЖДЕ
ЧЕМ СЕСТЬ
К КОМПЬЮТЕРУ,
НУЖНО ПОСТИЧЬ
ТЕОРИЮ.

ПОРАЗМЫШЛЯЕМ
ВМЕСТЕ
НАД НОВОЙ
ПРОГРАММОЙ.

Фото Сергея ВЕТРОВА

Азбука ЭВМ

Объекты, которыми оперирует ЭВМ (сведения о рейсах, билетах, книгах, химических соединениях и т. д.), выражаемые в символической форме в виде чисел, слов, специальных обозначений, можно назвать одним словом **ИНФОРМАЦИЯ**.

Информацию важно запомнить и сохранить, послать нужному адресату и перевести из одной формы представления в другую, в необходимый момент разыскать нужные сведения и отпечатать их. Для хранения информации в каждой электронно-вычислительной машине есть запоминающее устройство, или **ПАМЯТЬ**.

ОПЕРАТИВНАЯ ПАМЯТЬ сохраняется на то время, которое уходит у машины на решение задачи, связанной с обработкой этой информации. Если информацию надо запомнить надолго, ее передают во **ВНЕШНЮЮ ПАМЯТЬ** (запоминающее устройство вне машины, которое может хранить информацию сколь угодно долго).

Наука о структуре информации и методах ее обработки на ЭВМ называется **ИНФОРМАТИКОЙ**.

Дисциплина, исследующая методы формулирования решаемых с помощью ЭВМ задач обработки информации, называется **ПРОГРАММИРОВАНИЕМ**.

Задание для ЭВМ, написанное в понятной ей форме, называют **ПРОГРАММОЙ**.

ЯЗЫК ПРОГРАММИРОВАНИЯ — это совокупность правил, соблюдаемых при написании программ.

Первый закон программирования звучит так: **ПРОГРАММЫ СОСТОЯТ ИЗ ПРЕДПИСАНИЙ**.

«Знаете ли вы, который час?» — вопрос. «Скажите точное время» — предписание. Человек на этот вопрос отреагирует одинаково и сообщит время. Машина же, если и воспримет первое из этих предложений, то ответит на него в лучшем случае «Да». Не стоит ставить ее в тупик, следует использовать только предписание.

Для того, чтобы написать программу для конкретной машины, надо знать, какие предписания она может выполнять.

СИСТЕМА ПРЕДПИСАНИЙ ЭВМ — это множество предписаний, которые понимает и умеет выполнять машина.

КОМАНДА — это закодированное предписание.

Программа, хранящаяся в памяти и имеющая имя, по которому она может из памяти быть вызвана, называется **ПРОЦЕДУРОЙ**.

Предписания, которые выполняются сразу после нажатия клавиши «Конец сообщения», называются **ДИРЕКТИВАМИ**. Те, которые не исполняются непосредственно вслед за предписанием, а только запоминаются, называются **ОПЕРАТОРАМИ**.

Машина умеет принимать запросы и указания о необходимых действиях и отвечать на них, выдавая сообщения, то есть ведет **ДИАЛОГ** одновременно с несколькими людьми, пользователями системы. Техническое средство диалога — **ТЕРМИНАЛ** — устройство оперативного ввода и вывода информации, пульт связи с машиной. Широко распространенным терминальным устройством является **ДИСПЛЕЙ** — устройство с клавиатурой и экраном. На экране пользователь может прочитать тот текст, который он набирает на клавиатуре для того, чтобы ввести в память ЭВМ. На нем же появляются выдаваемые машиной сообщения.

Машина выполняет поиск необходимой информации (например, регистрацию проданных билетов, внесение изменений в расписание и т. п.). В этом состоит **ОБРАБОТКА** информации. Ее выполняет **ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ПРОЦЕССОР**.



В двух средних школах, № 609 и № 719 Зеленоградского района Москвы, девятые классы вот уже год как экспериментально изучают «Основы информатики и вычислительной техники». Своими наблюдениями и размышлениями делится сегодня с нашими читателями преподаватель физики школы № 609 Нинель Михайловна Гафинович.

Этот маленький первоклашка ходит на переменах за мной по пятам и, словно выпрашивая на мороженое, канючит: «Ну, когда можно будет еще туда пойти, а?» И заискивающе заглядывает мне в глаза. «Туда» — это значит в машинный зал. Дело в том, что однажды мы взяли его на урок и дали «пообщаться» с ЭВМ. Он очень быстро освоился в «разговоре» с машиной, и до того ему это понравилось, что теперь от него просто нет отхода...

Совершенно прав академик Ершов, считающий, что «нет такого возраста, для которого было бы рано начинать заниматься с ЭВМ».

Дети не боятся ЭВМ. Ни этого таинственного для многих термина, ни самой «сверхмощной» машины с ее фантастическими возможностями. Мы, взрослые, восхищаемся немалым, казалось бы, быстродействием компьютера (подумать только: миллион операций в секунду!), а школьника этим не сильно-то и поразит, он считает: так и должно быть, все это естественно. У детей еще не накоплена та степень инерции мышления, присущая взрослому, которая вооружает наш мозг опасениями перед чем-то новым.

Когда мы, преподаватели физики и математики, еще только приступали к занятиям на полугодовых курсах, чтобы впоследствии вести «Основы», то, честно говоря, было немножко страшновато: вдруг что-то не получится, ведь в свое время в институте мы ничего подобного не проходили... Перед первым уроком тоже волновались: предмет-то необычный, непривычный, как примут его девятиклассники?..

Но ребята были настроены совсем по-другому — не только не боялись, но и с первых же занятий увлеклись в такой степени, что оторвать их от машин было почти невозможно. Звонит звонок, а они словно и не слышат его.

Когда их теперь спрашивают, сложен ли новый предмет, они отвечают

примерно так: «В шестом классе мы впервые показали ЭВМ и сказали: «Представляете, как это сложно?!» А теперь мы знаем: все очень просто!» А мои «корифеи», так те вообще говорят: «Мы уже можем представить, какие процессы происходят там, внутри машины».

Самым трудным для нас, педагогов, ведущих «Основы», стало то, что мы оказались первыми в этом деле, опыта преподавания подобных предметов в школе пока еще нет. Если в каких-то школах и существовали кружки, то там занимались ребята с определенными наклонностями, те, кого особо интересовали вопросы электронно-вычислительной техники. А в школе, когда предмет становится обязательным для всех, — это совсем другое дело, это уж не кружок, не факультатив. В Новосибирске, например, в качестве эксперимента преподавание в школе вели опытные программисты. Но это годится, видимо, только для экспери-

дач; задаешь компьютеру условия задачи, а он сам уже подбирает нужные формулы, ведет расчеты — и все это мгновенно. Машина развивает у ребят умение систематизировать информацию, логически мыслить, помогает понять какие-то сложные моменты теории физики. Вот, к примеру, электрическое поле шара — его не увидишь, не потрогаешь; как представить, какова напряженность его в различных точках? Задаешь машине радиус шара, расстояние до данной точки и тут же получаешь результат в цифрах. Без долгих расчетов ученик может все это себе представить.

Но чтобы получить какие-либо результаты, прежде всего надо точно знать, чего ты хочешь от машины. То есть ЭВМ может многое сделать за тебя, но ты (в данном случае школьник) должен хорошо знать материал.

Очень скоро ребята стали сами писать программы для машин. Постепенно мы обрастали оригинальными,

компьютер станет помощником. Сиди с ним, упражняйся, пока не запомнишь, к примеру, когда родился Петр Первый. На уроках химии машина тоже очень полезна. Вот только нужно вначале программу составить на весь курс... Скорее бы выходили учебники с готовыми программами. Однако, думаю, не стоит использовать ее там, где, к примеру, можно обойтись обыкновенным микрокалькулятором.

Нашей школе повезло — у нас прекрасные машины. С такими же ЭВМ ребята встретятся и на производстве. Как-то приезжали к нам заведующие

кафедрами вычислительной техники из разных вузов страны, так у них потом даже настроение испортилось. «Эх, — говорят, — нам бы хоть по одной такой машине в институт!»

К началу 1985/86 учебного года у нас будет сорок машин (сейчас двенадцать), и мы сможем одновременно посадить за них весь класс.

У меня, преподавателя, тоже ЭВМ; я могу, когда захочу, подключиться к любой машине, за которой работает школьник, — подсказать, проверить. Раньше на уроке мы десять минут занимались физикой, а остальное время — расчетами. Когда наши шефы стали выпускать микрокалькуляторы и предоставили их нам, время на расчеты значительно сократилось. А что говорить о том, когда на помощь нам пришли компьютеры! За пять минут с помощью ЭВМ я могу проверить все тетради...

Большое значение имеет новый предмет для профориентации. Я уже сейчас четко могу сказать, кто из моих нынешних девятиклассников прочно свяжет свою жизнь с ЭВМ. Вот, к примеру, Валера Лось. Его и раньше интересовала вычислительная техника, теперь же он один из лидеров класса в этом предмете, собирается поступать в Московский институт электронной техники (который, кстати, у нас же, в Зеленограде), на факультет электроприборов, где готовят разработчиков ЭВМ.

Есть в нашей школе одна любопытная традиция. После уроков в определенные часы в специальном кабинете все ученики от пятого до восьмого класса занимаются сборкой микрокалькуляторов. Это у нас называется производственный труд. Школа выполняет настоящие производственные заказы, получая за это деньги. Работают ребята без ОТК: придирчивость самих школьников превзойдет, наверное, строгость любого контролера. Конечно, собирают ребята не микросхемы, они вставляют «нутро» приборов в корпуса, все запаивают — до полной готовности. Так с пятого класса школьники у нас привыкают держать в руках микроЭВМ, видят, из чего они состоят, узнают, как с ними обращаться, в дальнейшем это поможет им быть с машиной на «ты».

Я думаю, и у этих ребят по «Основам информатики и вычислительной техники» будет, как и у нынешних моих девятиклассников, только «пятерки»!

Записал Юрий РАГОЗИН.

ТОЛЬКО
«ДЛЯ ПЕРЖКИ»!

серьезными программами. Возможно, именно практическая основа занятий и увлекла школьников. Если вести обучение на чисто логическом, абстрактном материале, по-моему, могло и не быть такой активной реакции. В итоге обратная связь: физика помогает программированию, программирование — физике.

Работа с ЭВМ не только не усыпляет творчество, а, напротив, побуждает к поиску. Составление программы — процесс творческий. Приятно наблюдать, как у ребят рождаются идеи при написании оригинальных программ. Многие стремятся поскорее постигнуть премудрости программирования, впитывают в себя все доступные им знания. Когда кто-либо из учеников составляет программу по определенному разделу физики, то потом уж знает этот раздел идеально. И что характерно — если освоение физики в классе все же идет по-разному, то «Основы» ребята преодолевают примерно одинаково.

Меня как-то спросили, ставлю ли я «двойки». Нет, не ставлю. Просто некому. После окончания урока вывести ребят из зала невозможно, упрашивают: «Ну, еще хоть минуточку!» А когда из других школ к нам приезжают перенимать опыт, ребята с огромным удовольствием садятся за машины после уроков, в дополнительное время.

Думаю, уже скоро ЭВМ найдет применение при изучении и других предметов. Нелишней будет она даже на уроках иностранного языка (я планирую с одной из наших школьниц написать программу для английского языка). Машина терпелива, она не выйдет из себя, если ты не выучил урока, может хоть десять раз спокойно объяснить тебе одно и то же, не возмущаясь твоей непонятливостью. Учителя она, конечно, не заменит, однако «двойки» ставить тоже умеет.

И на уроках литературы и истории

Ярко-красные корпуса цветных «Шилиясов» до неузнаваемости меняют привычную обстановку школьного класса. Вот красота, включай телевизор и смотри! Действительно, ученики целый урок смотрят на экраны, причем гораздо с большим интересом, чем дома. Удивляются именитые гости со всех концов Союза: в классе два десятка машин, каждой из которых в недавнем прошлом хватало бы для целого НИИ. Не удивляются лишь те, кому довелось здесь учиться. Для них кабинет вычислительной техники с «АГАТАМИ» на каждом столе — такая же реальность, как спортзал, библиотека или столовая. Достаточно увидеть, как бегают по клавиатуре их пальцы, меняя изображение экрана, чтобы убедиться: это хозяйка современной вычислительной техники.

У десятиклассников новосибирской средней школы № 166 сегодня день трудового обучения. Пока не включены машины, на столах разворачиваются распечатки программ, и бригады из двух-трех человек, склонившись над ними, вполголоса обсуждают планы предстоящей работы. Из шкафа извлечен ящик с магнитными дисками: каждая бригада должна найти диски с требующимися ей программами. Шуршат конспекты, листы отчетов. Но вот включен рубильник, и один за другим зажигаются цветные экраны. Тихо щелкают дисковые накопители, на экранах появляются тексты программ...

Со стороны очень сложно следить за работой программиста, проникнуть в существо его действий за пультом машины. Женя Зыбарев, мой сосед по столу, полностью поглощен экраном и клавишами, и я, не решаясь оторвать его от дела, пытаюсь самостоятельно разобраться в происходящем. Курсор, светлый мерцающий прямоугольник, подчиняясь нажатию клавиш, бежит по экрану, оставляя за собой изменения в тексте. Вот строки раздвигаются, освобождая место для какого-то дополнения, вот они уже бегают по экрану и скрываются за его верхней кромкой. Снова щелкает дисковод — это Женя записывает на диск отредактированный программный модуль и вызывает следующий для редактирования. Затем еще и еще... Я даже не замечаю, в какой момент он дал команду исполнения своей программы. Экран вдруг преобразился: в ярких, сочных цветах на нем возникает знакомая картинка из учебника физики: два груза на наклонной плоскости, нить, блок. Нажатие клавиши — и картинка превращается в мультфильм: подчиняясь закону Ньютона, грузы приходят в движение.

Женя откидывается на спинку стула; кажется, он вполне доволен результатами. Я решаю, что пришло время обратиться к нему за разъяснениями.

— Эта учебная программа «Наклонная плоскость», — начинает он, — предназначена для уроков физики в восьмом классе. Показывает, как движутся тела по наклонной плоскости. Вы выбираете углы наклона, массы тел, коэффициенты трения, и на экране видите результат.

— Значит, демонстрация физического эксперимента?

— Да, но не только. Программа может еще и выполнить расчет, подсказать формулы и проверить, как усвоен материал.

— Как же твоя программа узнает, что ей делать?

— Вы сами ей это подскажете. Вот, смотрите, — и Женя пододвигает мне клавиатуру своего «АГАТА», — вам нужно только отвечать на ее вопросы.

На экране появляется заголовок: «Учебная система ШКОЛЬНИЦА. Программа НАКЛОННАЯ ПЛОСКОСТЬ» и первый вопрос: «Хотите ли вы изучить теоретический материал (1), провести опыт (2), проверить свои знания (3)?» Нажимаю клавишу «2», и передо мной новый запрос: «Укажите углы наклона». Так, беседуя с машиной при помощи экрана и клавиш, я вновь добираться до движущихся грузов.

— Сложно, наверное, запрограммировать такую подвижную картинку?

— Не слишком. В языке «Рапира» есть очень удобные графические процедуры, так что графика обычно хлопот не причиняет. Самое сложное, моему, это диалог; его надо организовать так, чтобы человеку было легко и удобно. Да еще предусмотреть проверку всех ответов и выдачу сообщений об ошибках: программа должна быть готова к любому, даже бессмысленному ответу. С ней ведь будут работать совсем неопытные пользователи. Да и вообще от

ошибки никто не застрахован. Вот, например, хотели вы ввести угол в 15 градусов, а вместо «1» случайно нажали клавишу «—». Что получится? «—5». При таком значении угла наклона программа, конечно, работать не может. Если она просто будет прервана, вы даже не успеете сообразить, что случилось. Значит, надо выдать сообщение: «Ошибочное значение угла. Повторите ввод». Поэтому с диалогом приходится основательно повозиться, прежде чем сдать программу. То есть окончательно проверить, испытать, оформить к ней всю документацию. После этого программа считается принятой в систему «Школьница». Мы обязательно должны сдать эту программу, чтобы получить зачет.

— С кем над ней работаешь?

— С Виктором Емельяновым. Женя указал на склонившегося за соседней машиной одноклассника, — у нас с ним бригада!

На экране перед Виктором разворачивается совсем другая картина: электроны и «дырки» весело бегут навстречу друг другу, гонимые электрическим полем.

— Это еще одна наша программа: «Полупроводниковые приборы», — поясняет Виктор. — Первая часть — «Диод» — уже почти готова, но надо еще сделать вторую — «Транзистор». Это будет посложнее.

— Вы сами себе выбрали такие задания?

— Вообще-то сами. Преподаватель, конечно, помог составить техническое задание, посоветовал.

Позвольте, а где же преподаватель? Добрых полчаса прошло, а его и не видно. Оказывается, он здесь, в классе, с самого начала занятий. Только место его не у доски, а рядом с учениками, за пультами их машин. Потому-то его и не сразу заметишь.

Знакомимся: Юрий Первин, старший научный сотрудник Вычислительного Центра СО АН СССР, он же — мастер производственного обучения. Школьной информатикой занимается уже давно: многие сегодняшние программисты знакомы со своей будущей профессией по его книге «Основы Фортрана».

— Да, была такая книжка, — вспоминает Первин, — но сколько воды утекло с тех пор! Тогда сама мысль о всеобщей компьютеризации средней школы была бы сочтена абсурдной, а сегодня мы фактически решаем именно эту задачу.

— При помощи «АГАТОВ»?

— «АГАТ», пожалуй, один из самых подходящих кандидатов на должность школьной ЭВМ. Буквально с первых минут он завоевывает симпатии ребят и учителей своей простотой и компактностью, красочными картинками на цветном экране, звуковым «сопровождением». Но, конечно, для него необходимо специальное программное обеспечение. Так что вместо доброго старого «Фортрана» мы работаем со школьниками на «Рапире» — созданном в нашем ВЦ учебно-производственном языке программирования.

— В чем принципиальная разница между ними?

— Профессионалы оценивают языки программирования совсем с иных позиций, чем новички, в особенности дети. Если для первых важны сложность, богатство изобразительных средств и сервисных возможностей, то для вторых главное в простоте, в близости к естественному языку. Никакие условности не должны мешать живой мысли ребят.

— Каковы же результаты?

— Наше главное направление не столько поиск талантов, будущих программистов и математиков, сколько обучение «средних учеников», которые после

школы пойдут в техникум или втуз, встанут к станку или сядут за руль. В этом-то весь интерес нашей работы со старшеклассниками! Теперь уже можно считать доказанным, что в рамках курса трудового обучения практически весь класс способен овладеть программированием на вполне профессиональном уровне.

— Профессию программиста как-то привычно ассоциировать с высшим образованием...

— Во-первых, уже давно существуют техникумы, готовящие математиков-программистов. Во-вторых, специалист определяется тем, что он умеет делать, а вовсе не тем, какую «корочку» хранит в столе. Это главное. Наши ребята, конечно, не на одно лицо. Одни делают программы интереснее, богаче содержанием, другие — попроще, поскромнее; кто-то успевает сдать три программы, пока другой справится лишь с одной. Но в любом случае это реальные, действующие программы, снабженные исчерпывающей технической документацией в соответствии с ГОСТом. Словом, товарная продукция, чего не скажешь об иных студенческих дипломных работах.

— Женя и Витя показывали мне программы, которые они подготовили для системы «Школьница». Что представляет собою эта система? Разве она еще не готова?

— «Школьница» относится к тем программным системам, которые создаются, как бы постоянно продолжаясь. Потому что предназначена она для работы на уроках практически по всем дисциплинам. Ее сердцевина — интерпретатор языка «Рапира» — действительно уже готова и скоро будет адаптирована ко всем распространенным у нас типам ЭВМ. Но наполнение «Школьницы» конкретным материалом — учебными программами, вроде тех, что вы видели, — только начинается. Сейчас у нас есть всего лишь несколько десятков таких программ для уроков математики, физики, химии, соловьиной, французского и русского языков. Почти все они, кстати, созданы школьниками. Четыре наиболее удачных работы мы даже решили опубликовать...

Звенит звонок. Те, кто работал, продолжают работать, а в дверь то и дело проскальзывают любопытные мальчишки и девчонки. Кое-кто из них норовит занять пустующие места за пультами «АГАТОВ», если таковые найдутся. На моих глазах паренек в пионерском галстуке набирает на клавишах небольшую программу, запускает ее, и... «АГАТ» начинает петь! Тонким, прерывистым голосом, меняя высоту и ритм звука. Я не успеваю ни о чем расспросить автора: кончается перемена, а он, видимо, недовольный своей программой, все время что-то меняет в ней и, хмурясь, слушает переливчатое пение. Затем, махнув рукой и выключив машину, убегают — очевидно, до следующей перемены.

— Как видите, у нас бывают не только старшеклассники, — поясняет Первин, — здесь работают школьники начиная с четвертого класса. Разумеется, занятия с ними проходят иначе, скорее по кружковому принципу.

— Стало быть, кабинет вычислительной техники в вашей школе — это тот образец, по которому в скором времени будет оборудована каждая школа страны?

— Правильнее сказать «предварительный вариант». Как ни мала микроЭВМ, она все же занимает место на столе; так что планируется выпуск специальной мебели для школьных вычислительных кабинетов, где сама машина вместе с кабелями питания и связи будет спрятана в стол, а на поверхности останутся лишь экран да клавиатура. Особо оборудуется пульт учителя. Сейчас все «АГАТЫ» у нас, по существу, одинаковы: только вот этот, на первом столе, оснащен печатающим устройством и называется «учительским». К нему должны добавиться дополнительный дисковод или магнитофон, графопостроитель, большой экран на возвышении, обращенный в сторону класса, и самое главное — сеть связи с ученическими машинами. Такая сеть открывает совершенно новые возможности для работы на уроке: оперативный контроль каждого ученика в отдельности, автоматическая выдача индивидуальных заданий, организация двусторонней связи между любыми пультами, с тем чтобы учащиеся могли контролировать друг друга, помогать друг другу.

И вновь звенит звонок, собирая школьников в класс. Начинается новый урок, новая ступенька познания, которую сегодня должны преодолеть эти ребята.

Урок
ведет

«ШКОЛЬНИЦА»

тоже плакала и почему-то утешала и жалела его. Потом, когда он ушел, она сказала нам, что дедушка Чыныке потерял на войне всех своих троих сыновей. Несколько дней мы не ходили на ток.

А когда семенную пшеницу увезли, мы за целый день нашли в мусоре только два зернышка... Одно мама положила в суп, другое, завернув в платок, спрятала. «Пусть отец ваш попробует это зерно, когда вернется». Отец, отец, ты никогда не попробуешь его. Но это зернышко и сейчас, завернутое в чистый платок, висит в маленькой кожаной сумочке на стене в нашем доме. Оно — как наш амулет, отец. Мать постарела, сохраняя его для тебя. Мы с моим братом Буудайчи повзрослели, сохраняя его для тебя.

Я достаю одно из писем моего брата и читаю. «Как соскучился я по моей родной земле! Дорогой брат, передай ей привет от меня. Передай привет широкому полю, где зреет и наливаются силой пшеница, высоким горам, дающим ей вдоволь воды, синему небу, откуда льет свои лучи наше солнце. Обнимаю и люблю тебя, родная земля!»

Милый брат мой, Буудайчи! Серый воробышек, разгребаящий мусор в поисках зернышка...

Кто родился и вырос в селе, кто всю жизнь связан с землей, тот совершенно по-особенному любит весну. Мне кажется, что только он способен по-настоящему ценить ее приход.

Долгими зимними днями и ночами мы ждем тебя, весна хлебороба, крестьянская весна.

И ты приходишь.

Сначала пробивается робкая зелень, и на склонах предгорий начинают то здесь, то там светиться маленькими огоньками подснежники. Но еще раньше в небе слышен голос жаворонков. И кажется, что именно они своим пением вызывают к жизни и траву, и первые полевые цветы, и первый весенний дождик — веселый, проливной. Воздух наполняется запахами трав и цветов, горы покрываются пестрым ковром, а с появлением белоснежных лебедей оживает и озеро. Нежные ивы по его берегам отзываются на легкое дуновение теплого ветерка. Далеко-далеко раздвигаются горизонты нашего края...

Ты помнишь эту пору, отец?

Поля оживают от шума работы. Ведь без него нет настоящей весны. Поля, луга, горы и даже озеро пахнут весенней землей. В нее — мягкую, теплую, пушистую землю — ложатся зерна, чтобы потом, пробившись нежным ростком к небу и солнцу, впитать в себя всю доброту этого мира и одарить людей, нежно и бережно заботящихся о них, тяжелым, налитым колосом. А в колосе зерна — как жемчуг! Ты помнишь это, отец?

Жизнь нескончаема — как песня. Люди поют о своих печалях и радостях... Да, мертвые не могут петь, но за них — и о них! — поют живые. Жизнь продолжается.

Вот за околицей под теплым ветром волнуется желтое поле, желтое море. И слышится песня. Слова ее одновременно и древние, и новые: о жизни и смерти, о любви и ненависти, о счастье и горе, о добре и зле. Работают в поле люди. Работают и поют. И от этого меньше становится на земле черных мыслей, предательства, несчастий и зла. Вот какая сила у песни, которую поют люди, работающие на хлебном поле! Ты помнишь эту песню, отец?

Но прошло время посева, прошли времена поливов. Благословенная земля кланяется людям спелыми колосьями. Желтое поле перекликается с желтым солнцем. И под легким ветерком вместо прежнего зеленого «шу-шу-шу» поле зовет к себе людей твердым, сильным и блестящим звуком: «чис-чис-чис»... Золотым зерном отдает свою любовь к людям мать-земля.

И снова звучит песня — вечная песня на мелодии вечной, древней и юной земли, нашей Родины.

Я вспоминаю отца. Ведь это твой праздник, отец! Ведь День урожая — великий праздник Человека-Крестьянина.

Хлеб нового урожая пахнет землей и солнцем. Я помню, отец, твои слова: «Как вкусен, как сладок хлеб, добытый своим трудом!» Я теперь знаю это. Дела отцов переходят к детям, и на поле моего отца теперь работаю я. И я помню тебя, отец. Твое поле тоже помнит тебя, как помнит оно твоего отца, отца твоего деда...

Я выхожу за аил и среди океана пшеницы — там, далеко, на самом горизонте, — вижу твой взлетающий к небу кетмень. Ты снова за своей привычной тяжелой работой: ты поливаешь пшеницу. Поле шумит и волнуется в ожидании воды, которую ты приведешь за собой.

...Но тебя нет, отец.

Есть поле, которое ты завещал мне. Оно тянет навстречу свои желтые колосья и, раскрыв объятия, зовет и ждет меня. Будто сейчас подхватит меня на руки и скажет: «Здравствуй, малыш! Здравствуй, дорогой мой!»

Авторизованный перевод
с киргизского А. ТЕБЕНЬКОВА.

Феликс ЧУЕВ

После детства

*После детства школьного, в июле, —
вроде и не жил еще совсем —
словно обсчитали, обманули,
а сказать неловко
и зачем.*

*Все равно не сможешь, не докажешь,
ничего никто не возместит.*

*«Это, братец, лучшая пропаша», —
день салфеткой неба шелестит.*

*Все ушло в копилку урожая
жизни общей.*

*Толай поскорей.
И тебя ухмылкой провожает
некто у распахнутых дверей.*



*Я себя не ценил,
я привык быть в истрепанном, старом.*

*Это жадность, наверно,
а может быть, просто нужда,*

*потому что, когда
по залатанным шел тротуарам,*

*удивленно глядел
на одетых по моде тогда.*

*А сейчас я могу
и купить, и одеться как будто,*

*но совсем почему-то
мечтаю сейчас не о том*

*и с улыбкой смотрю
на ничтожную удаль минуты —*

*ну а завтра, а после,
а десять столетий потом?*

*Не забыл, что умру,
но, однако, есть мерка другая,*

*есть история наша,
которую цепко храня*

*и не зная еще,
но в душе молодой присягая,*

*от нее не отрекся:
Отечество выше меня.*

*Я себя не щадил,
изнуря работой мечтанья,*

*я всегда рисковал
и на риск заработал права,*

*словно мне предстоит
воплотиться в отца очертанья,*

*словно в тыл к партизанам
мне завтра лететь на У-2...*

Леваневский

*Леваневский,
таинственный летчик,
все летит вдоль высоких широт,
и сквозь волны тирешек и точек
пробивается дальний полет.*

*Леваневский, летящий сквозь время,
человек нераскрытой судьбы,
он смеется над слухами всеми
и над всеми «ах, если, кабы».*

*Мне рассказывал сам Водопьянов:
«Леваневский, мол, сбит над Москвой.
И лежал, окаймленный бурьяном,
ас немецкий с крестом и звездой.*

*Я глядел. Оpoznать пригласили.
Постоял я с десяток секунд.
Да, похож, уяснил без усилий.
Даже слишком.
Но не Сигизмунд».*

*Аккуратов рассказывал так-то:
«Что тогда мы, в тридцатых, смогли?»*

*Есть в Якутии новые факты,
там над холмиком надпись нашли».*

*Да не вышла разгадочка — накось! —
потому что среди новостей
вдруг сгорела дощатая надпись
вопреки непреложности всей.*

*Где же тайна?
Во льдах ли, в бруснике?
Обрывается фраза с лица,
перед стартом, на том фотоснимке:
— В этот раз полечу до конца!*

*Над Москвой, что морозно клубится,
над Кремлем в корабельных парах
возникает полярная птица
белой грудью о красных крылах...*



*Снова в зеркальце потертом
над рулем,
над головой
будет сжатый рот шофера
с папиросою кривой.*

*Снова будут горы, горы
по бокам и впереди,
снова наши разговоры
оборвутся на пути.*

*К морю выползет автобус,
как букашка на ладонь.
Море, небо —
синий глобус,
солнцепад и ветрогонь.*

*Клуб районный по субботам
в белых зарослях девиц.
Стон исходит,
как зевота,
от усталых половиц.*

*Под железом лампы сгусток
тенью мечет непокой,
оробелое искусство
замирает под рукой.*

*А за клубом жесткий ветер
рвет бессонницу рубах.
Хватит жить на этом свете
просто так.*



*Ты красивая, невезучая,
замечательная — зачем?
Скольких в юности ты помучила,
а теперь и сама ни с чем.
Не наступит «потом», не сбудется
то, что мыслилось на потом.
В золотых босоножках улица
превращается в снежный ком,
тот, что катится под метелями
и рассыплется пред тобой
голубыми искрами смелыми,
словно новой любви прибой.
Даже вроде не все потеряно
и насквозь далеко видать,
словно сказка тебе доверена,
чтобы дочери передать.*



*— Я когда тебя увижу?
— Приезжай с утра, родной,
захвати с собою лыжи:
выходной так выходной!*

*Но, однако, перемены,
десять,
двадцать,
тридцать лет —
быстро, словно у антенны
позывных растаял след.*

*И одна в сарае лыжа
сохраняется года...
— Я когда тебя увижу?
— Никогда.*

Второгодник в седьмом классе, Чарлик сразу задрал нос. С усмешкой затаился, пустил из ноздрей дым и сказал:

- Если придете еще, играть будем на деньги!..
- Через дырки в крыше на чердак просочились лучи осеннего солнца.
- Когда мы должны играть?—глухим голосом спросил Ило.
- Послезавтра.
- А сколько у них денег?
- Семьдесят рублей. По червонцу на каждого игрока.
- Будем играть по семь человек?
- Да.

Прозвенел звонок. Начинались уроки третьей смены. До войны уроки в нашей школе были в одну смену. Началась война, и нас перевели на двухсменную учебу.

Когда враг подошел к Кавказу, еще какую-то тбилисскую школу передали под госпиталь. Учеников распределили по другим школам, в том числе и в нашу. Мы стали учиться в три смены.

Надо было спешить.

Опоздавшие на занятия ученики имели привычку собираться на крыше. Стояли, курили и от безделья совали свои носы в чужие дела, поэтому надо было спешить...

— Выиграем?—Ило с надеждой посмотрел на нас.

Ираклий просунул палец в колечко дыма, пущенного Гией, кашлянул и необычно низким голосом начал:

— Выиграем или проиграем, все требует логического обоснования. Чернышевский говорил...

— Что говорил Чернышевский, расскажешь своей бабушке Сидонии Эсебуа!

Ираклий пропустил мои слова мимо ушей и невозмутимо продолжал:

— Каждое действие имеет свою причину и индифферентное кредо... А еще что имеет?

— То, чего ты не имеешь!—Он отмахнулся от меня, запустил пятерню в волосы и опять продолжал:

— Для выигрыша необходим оптимизм... оптимизм и урбанизм... Нет, не урбанизм, а альтуизм...

— Он опять выпендривается!

— Не выпендривается, его давно пора лечить!—поправил Гия и подмигнул Джондо.

Ираклий от возмущения покраснел и засопел.

— Кого и куда отправлять, укажет логика!..

Первой ласточкой оказался Энрико Карузо, невысокий, коренастый восьмиклассник с давно не стриженными вьющимися волосами.

Дверь на чердак он открыл пинком. Расплылся в улыбке. Приветствовал нас поднятой рукой и устроился в углу.

Положив на колени учебник, он уткнулся в него и стал про себя что-то бурчать, не обращая на нас никакого внимания.

— Наш выигрыш был логически обоснован,—Ираклий постепенно понизил голос,—первую и вторую игры мы должны были выиграть и выиграли.

— Это почему же?—поинтересовался Джондо.

— Да лучше мы играем, вот почему!

— Ираклий прав!—Гия сел на корточки прямо перед Ило.—Чарлик тогда не жульничал. Первые два раза играли только ребята из его класса. И судья честно судил.

3 ачинщиком этого дела был Гия. Однажды во время большой перемены он собрал нас, пятерых одноклассников, и повел на школьный чердак. Внимательно оглядел каждого и сказал:

— Надо достать семьдесят рублей!

Гия облизнул два пальца правой руки, сплюнул и продолжал уже громче:

— Срок нам дали два дня. Послезавтра будем играть. Понятно?

Еще бы было непонятно!

Все, что сказал Гия, мы и так знали.

— А деньги?—спросил Ираклий.

— У Антимоза.

— У кого?

— У отчима Ило Антимоза.

Гия сплюнул сквозь зубы. Приосанился и, подражая нашему косноязычному историку, с трудом выговорил:

— Все дороги ведут не в Рим, а в желтый чемодан косоглазого Антимоза! Действительно, все так и обстояло...

После уроков мы снова поднялись на чердак. Нас уже было семеро. Ило сидел в углу на перевернутом дырявом ведре. Он прилежно сложил руки на коленях и изумленно смотрел на нас.

Слабеньким мальчиком был Ило. С постоянно взерошенными волосами, невысокого роста, хилый и сутулый. Год назад, когда мы были в шестом классе, вдовая мать Ило второй раз вышла замуж и привела в дом какого-то косоглазого портного Антимоза. Смешалось все в чинном монастыре. Болтливый до этого Ило постепенно онемел. Нахмурился. Стал необычайно пугливым, замкнутым и скрытным. Нас избегал. Прятал свои опечаленные глаза. Садился обычно в углу, клал руки на парту и ронял на них голову. Ни тебе прежних шуток, ни песен. Даже карие, бездонные глаза Тинатин Изашвили, казалось, перестал замечать...

Однажды вдруг Ило вприпрыжку прибежал в школу. Крутился возле нас. Терпел, терпел и наконец не вытерпел.

Поманил нас в угол. Гордо поднял голову, весело присвистнул, как бывало прежде, и хихикнул:

— Ребята, в желтом чемодане Антимоза я деньги нашел!..

Никогда больше к этому разговору не возвращались. Ило о деньгах больше не заикался, да мы и не расспрашивали, какое нам было дело до того, где и как прячет свои деньги косоглазый Антимоз...

СПЛАДЖИИ

Моросило. Дул порывистый ветер. Он то и дело со свистом врвался к нам на чердак через щели и дырки в крыше.

— Подымим!—Гия сел рядом с Ило, достал из нагрудного кармана окурки, слегка помял между пальцев и обвел взглядом чердак.

Ираклий стоял. Гиви сидел на корточках. Джондо отбивал ногой какой-то ритм. Я и Нодари сидели на сваленных в углу старых партах.

— Слушайте,—начал Гия и посмотрел на Ило.—сегодня видел ребят из тридцать четвертой школы. Они шли к нам.

— Что им нужно было?—спросил Ило.

— У них есть деньги, и они хотят договориться.

— О чем?

— Ты что, с луны свалился? Помнишь?—Гия пустил колечки дыма и просунул в них оттопыренный указательный палец.—Помнишь ведь, что сказал их капитан Чарлик после нашей последней игры?

— Что он сказал?

— После этого будем играть на деньги. Говорил он или не говорил?

— Говорил...

Не только Ило, но и весь наш класс знал про то, как вертопрах Чарлик сказал нам надменно: мол, после этого будем играть с вами только на деньги...

Последнее время мы повадились таскаться в Сололаки.

Пропускали уроки. Собирались за школой и шагали в Марутаанский квартал. Как снег на голову, обрушивались на ребят тридцать четвертой школы.

— Пришли?

— Пришли.

— Сыграем?

— Сыграем.

И играли. С гиканьем гоняли наполовину спущенный мяч и носились за ним до полного изнеможения.

Хороший у них был двор. Ухоженный. Не маленький и весь в рытвинах, как в нашей школе, а просторный, ровный, в солнечную погоду всегда тщательно полить.

Первую игру мы выиграли. Но ребята из тридцать четвертой не унимались.

Вторую мы тоже выиграли. Они разозлились.

Чарлик развил бурную деятельность. Нашел где-то новый мяч, заменил хавбека, а в ворота поставил верзилу старшеклассника.

Мы проиграли.

— Поэтому мы и выиграли.

— Да!—Ираклий согласно кивнул.—Когда же Чарлик стал химичить, поставил играть против нас несколько старшеклассников, то логическая цепь нарушилась...

Неожиданно мы услышали приглушенное пение.

Пел Энрико Карузо.

Так случалось каждый раз: собирались старшеклассники вокруг нашего Карузо и начинали упрашивать спеть. Хотел он того или нет, но в конце концов петь приходилось всегда.

Сейчас он сидел, поджав под себя ноги, руки по-прежнему держали раскрытый учебник, и, закатив глаза, приглушенным голосом пел.

Ребята на чердаке прибавилось. Они стояли, прислонившись друг к другу, курили и молча слушали пение.

Только Энрико Карузо закончил вторую прощальную арию Каварадоси из оперы Пуччини «Тоска», как мы услышали голос Гии:

— Ило, Антимоз по-прежнему копит деньги в желтом чемодане?

У Ило отвисла челюсть.

— Послушай меня.—Гия загасил папиросу о каблук и посмотрел Ило в глаза.—Мы играем лучше, чем ребята Чарлика? Это во-первых... Проиграем или выиграем? Выиграем! Это во-вторых...

— А в-третьих?

— Что в-третьих, скажи ты.

— У высказывания есть своя субстанция!—Ираклий привычным движением поправил очки.—Мы играем на деньги. Всякий компромисс исключается. Ставить в команду чужих ребят мы Чарлику не позволим.

— Это в-третьих. А в-четвертых?

— Говори опять ты.

Гия запнулся. Он затруднялся завести разговор о главном. Несколько секунд молчал и затем с трудом выдавил из себя:

— Ило, ты должен взять у Антимоза из желтого чемодана семьдесят рублей.

Энрико Карузо уже пел арию дона Хозе.

— Деньги Антимоза нам нужны всего на час.

— На два.

— На два!—согласился Гия с Гиви.—Принесем... покажем Чарлику, что у нас есть деньги, и...

— И вручим их судьбе в залог.

— Правильно!— Теперь с Нодари согласился Гия.— Когда закончится игра, возьмешь семьдесят рублей... Побежишь и положишь на место... и снова к нам... Согласен?

Мы все посмотрели на Ило.

Он сидел сгорбившись. Рваным носком туфли чертил какие-то круги и беззвучно плакал. Ило никогда не был плаксою. Мы с первого класса учились с ним и никто не видел его слез. А сейчас он плакал.

Для того, чтобы взять на два часа деньги из чемодана Антимоза, нам казалось, особого геройства не нужно. А Ило плакал.

— Ребята...— Ило отвел от нас взгляд и вытер глаз рукавом перешитого отцовского солдатского кителя.— Ребята... не обижайтесь... ну что мне делать... не могу я взять эти деньги...

От неожиданности мы замолкли. Долгое молчание опять нарушил Гиви:

— Что ты сказал?

Ило молчал.

— Я тебя спрашиваю... что ты сказал?

— Не могу я деньги принести...

— Почему?

— Потому...

У Ило глаза снова наполнились слезами.

Ираклий снял очки, подышал на стекла, достал из нагрудного кармана белоснежный платок и протер их. Потом, как бы сам себе, тихо проговорил:

— Если сказал «а», то говори и «б».

— Правильно!

— Говори!

— Скажи и проваливай отсюда!

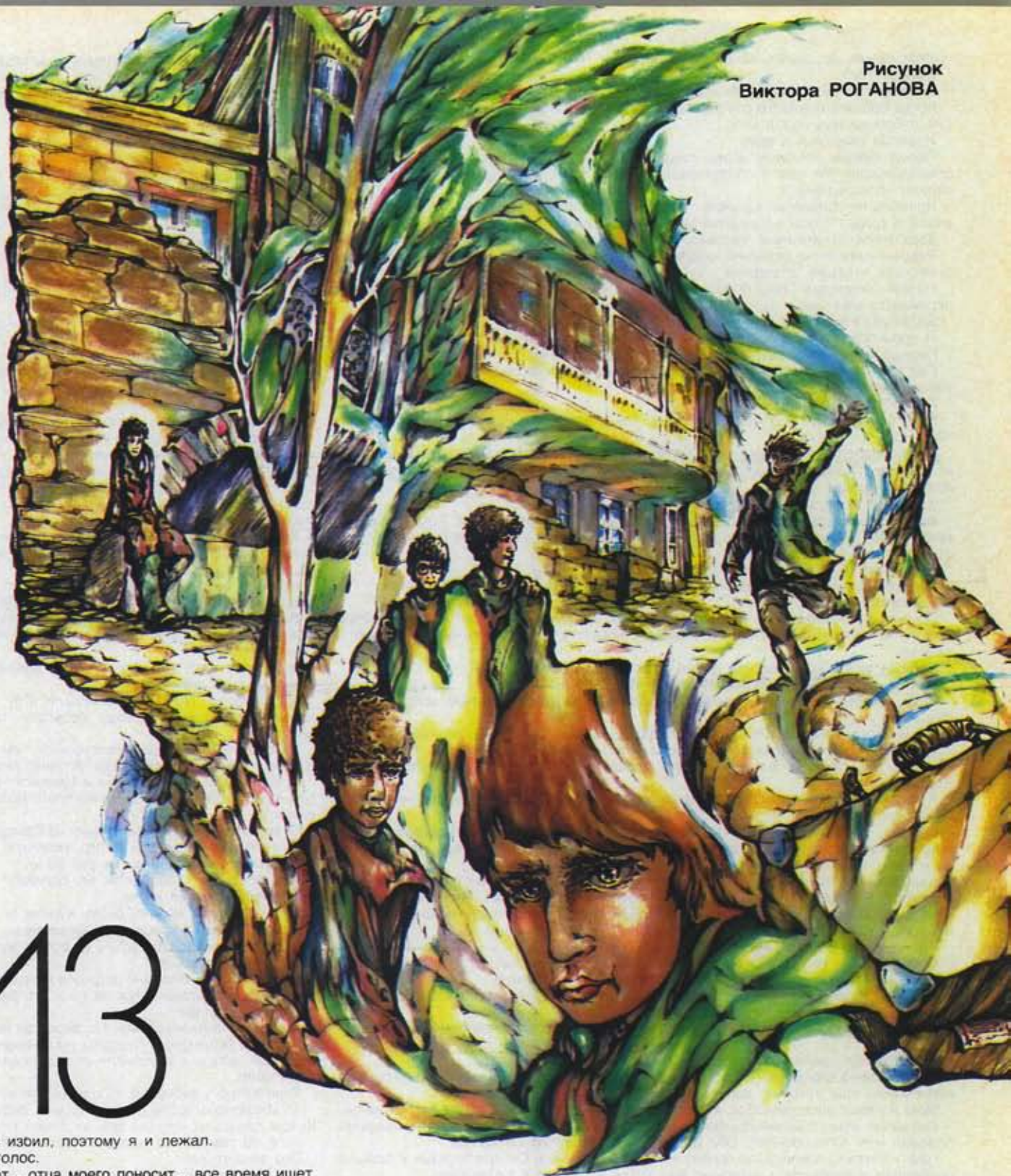
Молчать Ило больше не мог. Он видел, что не на шутку рассердил нас, расстроив наши планы, и мы не отвяжемся от него.

— Антимоз свой чемодан не закрывает... меня испытывает... если я возьму деньги, он меня забудет...

Мы примолкли, пристыженные.

— Помните?...— всхлипывал Ило.— Когда началась учеба, я заболел и две недели не ходил в школу.

— Помним.



ПРИЗ

— Я тогда не болел... Меня Антимоз избил, поэтому я и лежал. У Ило понемногу перестал дрожать голос.

— Бьет он меня... чуть что, сразу бьет... отца моего поносит... все время ищет повод, чтобы избить меня...

— А твоя мать?— спросил кто-то из нас глухо.

— Мать плачет...

Мы сидели, пораженные услышанным. Молчали и не могли поднять глаза на Ило.

— Мама мне говорит,— продолжал Ило после тяжелой паузы,— чтоб я остерегался чемодана... не терял головы...

Дверь на чердак с грохотом распахнулась.

— Атанда! Чкония идет!— самоотверженно прокричал кто-то и, прежде чем мы его узнали, исчез.

Ученики третьей смены, подгоняя друг друга пинками и тычками, бросились к двери.

Мы же не особенно торопились.

Нам-то что! Уроки второй смены уже закончились. Если бы даже завуч нас и застал на чердаке, мы без особого труда сочинили бы ему какую-нибудь сказку...

В назначенный день, незадолго до того часа, когда мы должны были встретиться с Чарликом, в школу примчался запыхавшийся Ило с деньгами, стянутыми из желтого чемодана Антимоза.

Времени оставалось в обрез.

Мы сбежали с последнего урока и направились в Марутаанский квартал.

Окрестные вершины гор были окутаны облаками.

Еще издали мы увидели, как вооруженный автоматами патруль у витрины бакалейного магазина проверял документы у какого-то бородатого верзилы.

Впереди шли Гия, Ило и Ираклий. За ними Гиви и Джондо. Я и Нодари трусили сзади.

Ветер усилился. С крыши дома сорвало две черепицы, и они вдрызг рассыпались по мостовой. А ветер все свистел, бесился, швырял нам в лицо песок, потом вдруг закружил и неожиданно стих.

Я посмотрел на ребят.

Они шли нахихлившись от холода, подняв воротники старых, поношенных пальто, из которых давно выросли, засунув руки в карманы.

Кроме Ираклия и Джондо, мы все были сиротами. Сиротами без отцов. Сиротами, оставшимися в военное лихолетье и голод на попечении наших матерей.

И шли мы, возможно, на первый в своей жизни самостоятельный заработок.

Истосковавшиеся по сытной и вкусной пище, шли мы игрою в футбол добыть денег на какую-нибудь прикормку.

Быстро прошли изрытый бомбоубежищами сквер, улочку и вот уже гордо вошли в переполненный ребятами двор тридцать четвертой школы.

Чарлик был смышленным парнем. Он сразу сообразил, что никакие его замены не пройдут, и привел на игру только ребят своего класса.

Обговорили все: и то, и это, и другое, только вопрос с судейством не могли уладить.

— Вам не угодись!— Чарлик подбросил вверх свою кепку, поймал, снова надел на голову и встал перед Гией.— А кого вы хотите судьей?

Гия даже ничего не успел ответить, Чарлик сам его опередил:

— Нугзара. Девятиклассника Бродягу-Нугзара?.. Устраивает?! Лучшего судьи вы не найдете... Кроме всего прочего, двоюродный брат Бродяги-Нугзара Сандрик учится в вашей школе.

— Кто?

— Сандрик... Его еще зовут Энрико Карузо... Знаете?

Чарлик щелчком сбил с плеча упавший лист, приосанился, уперся руками в бока.

— Ну что, идет?

Гия лизнул языком два пальца, сплюнул (такая у него была привычка) и подмигнул нам весело.

— Идет!

У футбола есть свои неписанные законы.

Выйдешь на поле, коснешься мяча, сделаешь первый пас, а игра иногда не получается. Вроде и стараешься, прикладываешь все силы, а игра не получается. Кто-то замешкается, кто-то не дотянется до мяча, кто-то промахнется... Нападающий, получив мяч, вместо атаки вдруг повернет назад да еще и попадет в окружение противников. Начнет мотаться, водить попусту, возиться, ковыряться и в конце концов вернет мяч вратарю.

Темп падает. Жажда, неутомимая жажда победы, с которой выходил на поле, постепенно уменьшается. Азарт игры гаснет. Вера в собственные силы трещит по швам.

Кончено дело!

Игра может до самого конца не ладиться.
Бывает так?
С самого начала нас будто кто околдовал.
Когда Бродяга вложил в рот два пальца и, словно зурнач, раздув щеки, свистнул, Гия отбросил нам назад мяч.
Ираклий рванулся к нему.
Перед самым началом игры дождь перестал, даже солнце сквозь облака проглядывало. Но земля по-прежнему была мокрой, и во время бега ничего не стоило поскользнуться.
Ираклий не соизмерил прыжок, проскочил мяч, поскользнулся. Очки слетели и упали в грязь. Чтобы не растянуться, он ткнулся в землю коленом и рукой.
Загоготали болельщики Чарлика.
Рассчитывая легко овладеть медленно катящимся мячом, противники с гиканьем понеслись к нашей штрафной.
Но всех опередил Гиви. Ловко проскочил с мячом между двумя игроками, успел перекинуть мяч мне и тут же, поскользнувшись, растянулся на земле.
Да, неудачным было для нас начало!
Я тронулся с мячом вперед. Пробежал несколько шагов и остановился.
Передо мной сразу вырос веснушчатый хавбек Вахо.
Гия тем временем проскочил вперед, занял выгодную позицию у боковой линии и махал мне рукой: подавай, мол, быстрее.
Попробуй тут подай!
Вахо был начеку. Я глянул в сторону. Так и есть: справа ко мне уже подбегал Чарлик.
Пойти вперед я не рискнул. Одна маленькая ошибка могла испортить все дело, и я не рискнул. Повернул назад, без толку поводил мяч и наконец откатил его нашему вратарю Нодари.
Кто-то из болельщиков свистнул.
Но это были только цветочки! По-настоящему нас освистали, когда Нодари, махнув нам рукой, мол, идите все вперед, разбежался, ударил сильно по мячу... и отправил его прямо в аут.
Только этого нам не хватало!
Ребята Чарлика постепенно наладили игру. Наладили и дали нам жару.
Удивительно!
Почему эти «ковырялы» именно против нас вдруг разыгрались? Именно сейчас вдруг стали великими мастерами? Именно сейчас стали проявлять чудеса техники и энергии?
Первый мяч в наши ворота забил Чарлик.
Все случилось очень неожиданно.
Вахо, который двинулся с центра поля, заметил в штрафной никем не прикрытого Цинцкала.
Он не стал мешкать. Рванулся и подал Цинцкалу высокий, закрученный пас.
Гиви и Цинцкал одновременно выпрыгнули на мяч. Нодари закрыл угол ворот. Помогая защитникам, во вратарскую площадку ворвался Ило и встал перед Чарликом.
А когда перед воротами образовалась куча мала и все смешалось, Чарлик сделал свое дело.
Присел, просунул ногу между наших стоп, дотянулся до мяча, пнул, и тот медленно вкатился в наши ворота. Отквитать этот «корявый» гол мы сумели только во втором тайме.
Как только началась игра, Джондо откатил Гиви полученный от меня мяч. Гиви рванулся вперед. Уже на половине противника пробежал несколько шагов, жонглируя мячом. Ловким дриблингом оставил позади себя защитника Вахо и тут же подал вырвавшегося вперед Ираклию высокий крученный пас.
Ираклий превзошел самого себя!
Обернувшись, он остановил мяч ногой, быстро пробросил его самому себе и пробил над самой головой выбежавшего навстречу вратаря.
Все как по команде обернулись к Бродяге. Мяч был забит по всем правилам. Судья указал на центр поля.
Забитый гол окрылил нас. Вселил уверенность в наши действия. Игра выровнялась.
Территориальное преимущество постепенно перешло к нам.
Гол, который забил Гия Пирцхалава в конце второго тайма, навеки вошел бы в не написанную еще историю дворового футбола.
Мог в этом поклеститься! Все, кто был свидетелем этого гола, согласятся со мной.
Гия начал атаку с нашей половины поля. Он не стал торопиться. Некоторое время поводил мяч. Остановился. Оба фланга были надежно прикрыты.
Наш капитан сорвался со своего места неожиданно. Он все больше и больше прибавлял в скорости и, наконец, как вихрь ворвался в штрафную.
Перед ним стоял бек. За беком — вратарь. С правого фланга уже бежал другой бек, с левого — запыхавшийся Чарлик.
Гия неожиданно изменил направление, двинулся в сторону второго бека. Приблизившись к нему, резко повернулся, сделал обманное движение и вдруг, ловко проскочив между набегающим Чарликом и первым беком, оказался один против оторопевшего вратаря.
Прыжок долгового вратаря оказался напрасным. Удар был сильный и точный, нацеленный в «девятку»...
А время игры между тем истекло. Ребята Чарлика словно взбесились. Обозлились и пошли ва-банк. Атаковали широким фронтом с обоих флангов.
Они уже неслись очертя голову. Самоотверженно и грубо, не гнушаясь ни подножками, ни толчками.
Объективный до этого судья будто ослеп и оглох.
Ничего того, что было не в пользу ребят из его школы, он уже не замечал.
Мы выбивались из сил. Защищаться было все труднее. Гия нас ободрял. Кулаком тер покрасневшие глаза, поминутно сплевывал и бегал то назад, то вперед, словно заведенный.
Гиви запыхался. Джондо сопел как паровоз. Ираклий на бегу поправлял очки. Ило подвернул ногу, но с поля не ушел. С большим трудом ковылял за мячом и, как это ни удивительно, везде поспевал. Успевал и к атаке подключиться, и вовремя уйти в защиту, и товарищей подстраховать. Двужильным оказался наш Ило...
Самое неприятное случилось на последней минуте.
Чарлик воспользовался моей оплошностью. Перехватил мяч и рванул к воротам. Нодари выскочил навстречу, самоотверженно бросился Чарлику в ноги и забрал мяч. Быстро вскочил на ноги, поскользнулся, снова упал и выронил прижатый к груди мяч.
Чарлик на сей раз опередил его. Опередил и пробил.
В воротах оказался Гиви, который секунду назад примчался подстраховать вратаря.
Мяч, звеня, летел к Гиви. Летел вёрхом. Остановить его ногой было невозможно. Головой — трудно. Выпрыгнуть и принять на грудь — безнадежно. Оставалась единственная возможность — остановить мяч рукой.

Гиви сделал прыжок, вытянулся в воздухе, как заправский вратарь, и в последний миг обеими руками поймал мяч, летящий под верхнюю перекладину.
На миг все замерло. И в этой тишине, словно выстрел, прозвучал радостный крик Бродяги:
— Пенальти!
Мы кинулись к ручным часам Джондо.
Время игры уже вышло.
Но что-либо доказывать судье было бесполезно. Нахмутив брови, он молча отсчитал от наших ворот одиннадцать шагов. Поставил мяч. Поправил его. Отстранил подошедших болельщиков, поднял руку и хрипло повторил:
— Пенальти!
Дело пахло керосином!
Забьют пенальти, сравняют счет — будет назначено дополнительное время, и тогда...
— Да как же это? — в четвертый или пятый раз спрашивал у судьи обозлившийся Джондо.
— А вот так! — в третий или четвертый раз отвечал ему вместо судьи присевший на корточки у мяча Чарлик. — Правила есть правила! Если пенальти назначен, он должен быть пробит даже после того, как выйдет время.
— Да?! Откуда ты такой умный выискался?
— Не всем же быть дураками, как ты!
— Дураков ищи в своей семье!..
До драки не дошло. Разбуянившихся ребят успокаивал Ило.
— Ребята! — Ило присел у мяча, потер ногу, оглядел нас и тихо сказал: — Чарлик прав... пенальти должен быть пробит... такое правило... я в журнале читал...
Прежде чем ударить, Чарлик долго поправлял мяч, затем отступил далеко назад. Мы замерли в напряжении. Посмотрели на Нодари. Он стоял посреди ворот, пригнувшись, собрав руки перед грудью и сощурился глазами. Старая, застиранная рубашка выбилась из брюк.
Бродяга свистнул. Чарлик начал разбег. Странно он как-то бежал, зигзагами, с высоко поднятой головой, размахивая руками. Пробил. Мяч полетел в дальний верхний угол.
Именно после взятия этого летящего в верхний угол «мертвого» мяча мы, ошалевшие от счастья, прозвали Нодара «Котом»...
Ветер снова усилился. Погнал по небу тяжелые тучи. А ведь всего три дня назад в Тбилиси было почти по-летнему. Сейчас уже дальние вершины гор оделись в белые, снежные шапки.
Нас было шестеро. Ило убежал домой, чтобы положить в чемодан Антимоза семьдесят рублей.
Мы спорили, галдели, разбирали игру до мелочей. Не забыли ни о чем: все хорошее похвалили, плохое поругали, спорное оспорили, а кое-кого от души обругали...
В Сололаки, на улице Давиташвили, там, где сейчас большой гастроном, во время войны с самого раннего утра устраивалось какое-то подобие рынка.
Крестьяне из Коди, Телети и Цавкиси продавали зелень. Хотя панта — это сорт груши, но жители села Пантиани груши продавали редко, чаще они привозили тощих цыплят.
Степенные, добрые крестьянки из Самадло открывали свои корзинки, и горожане будто только и ждали этого момента. Шумной толпой окружали женщин и прямо-таки вырывали из их рук яйца.
Из Цхети и Табахмели на осликах привозили мацони. Конные кодзорцы продавали дрова и уголь.
Иногда здесь можно было купить и фрукты и бог знает каким образом сохранившуюся с конца лета ежевику...
— Что будем покупать? — Гия отодвинул привязанную к акации белую ослицу и прислонился к стволу.
Мы заспорили. Спорили долго и в конце концов решили купить инжир. Он сладкий, вкусный, питательный. Кроме того, его было легко разделить поровну на семерых голодных пацанов.
Купили два килограмма. Оставшийся червонец припрятали для курева.
Хотя мы были очень голодны, но к инжиру никто не прикоснулся. Сложили его в газетный кулек и положили под дерево. Сами в ожидании Ило устроились на портфелях.
Гиви хитро улыбнулся и повернулся ко мне.
— Интересно, если бы уважаемая бабушка Ираклия Сидония видела взятый Котом пенальти, что бы она по этому поводу сказала?
— А то самое, что говорил Чернышевский.
Все захохотали.
— Оболтус! — Ираклий с упреком посмотрел на меня. — Когда болтаешь, нужно хотя бы знать, что и болтовня должна иметь свою логику. Персификация... нет... погоди-ка... означает... — белая ослица громко заревела... — уберите осла!
Под наш хохот Гия отодвинул ослицу.
— Постскриптум! Я хочу сказать...
Ираклий осекся на полуслове. Сорвал с глаз очки и оторопело усталился на ствол акации.
Мы оглянулись. Инжира под деревом не было.
Вверх по асфальтовой дорожке, ведущей к Комсомольской аллее, убежал Джондо.
— Подождите! — Гия жестом остановил нас, вскочивших на ноги и готовых к погоне. Тихим, спокойным голосом, который у меня стоит в ушах до сего дня, голосом, в котором звучал металл, он сказал: — Не бегите за ним... Пускай унесит!.. — Лизнул два пальца и презрительно сплюнул.
Гия был на несколько месяцев старше нас. Но не это было главное: его ранняя зрелость, спокойствие, умение держаться с достоинством, четко различать хорошее от плохого вызвали наше уважение к нему.
Мы повиновались.
А Джондо опасался, что мы его догоним, и бежал изо всех сил. Бежал, сутулясь, вобрав голову в плечи, одной рукой прижимая к себе кулек с инжиром. Спешил, хватал из кулька сразу по несколько ягод, запихивал в рот и, наверное, глотал, не прожеывая...
Белая ослица опять заревела.
К рынку подкатила новая волна покупателей.
Мы стояли молча.
Стояли изнуренные пацаны, истосковавшиеся по добру. Стояли в своих коротких истертых пальто. Стояли и тоскливо смотрели на асфальтовую дорожку.
— Ребята! Все в порядке!
Все повернули головы. По крутой улочке повыше гастронома, прихрамывая на ушибленную ногу, к нам бежал веселый, с улыбкой от уха до уха, Ило.

Перевел с грузинского
Элгуджа ГАГИШВИЛИ.

Вот уже несколько лет Средне-Уральское книжное издательство выпускает серию книг под общим названием «Библиотека семейного чтения». Предназначены эти книги широкому кругу читателей, в основном молодежи. В самом этом факте на первый взгляд ничего необычного нет. «Библиотек» и «библиотечек» всяких у нас выходит много. Но эта непохожа на другие. Хотя бы потому, что сразу после выхода в свет первых книг уральской «Библиотеки» ее неофициально стали называть «Энциклопедией семейной жизни». Казалось бы, можно ли объять необъятное? Ведь в рождении и жизни семьи, особенно молодой, столько таинственного, очень личного, неповторимого, а часто и невыразимого. Так неужели же все это можно разложить по полочкам, подвергнуть беспристрастному анализу? И можно ли в принципе поверить алгеброй гармонию семейной жизни? На вопросы корреспондента «Смены» отвечает директор Средне-Уральского книжного издательства заслуженный работник культуры РСФСР Николай ЕРЕМЕЕВ.

У СЕМЕЙНОГО

ОЧАГА

— Когда мы задумывали «Библиотеку семейного чтения», у нас, откровенно говоря, и в мыслях не было создавать энциклопедию. Просто хотелось, чтобы наши книги помогли отцу и матери, деду и бабушке, детям и внукам почувствовать себя полноправными жителями одной маленькой и хрупкой планеты — семьи. Чтобы с нашей книгой они могли сесть вечером за одним столом, у настольной лампы, почитать вслух и лучше понять друг друга. Понять всю меру своей ответственности за благополучие близких людей... Так появилась, кстати, и марка серии — изображение настольной лампы, старого символа домашнего очага.

— И еще это символ счастливого детства, счастливого дома. У многих юношей и девушек, что образуют сегодня свою семью, такой дом есть. Чаще всего это родительский дом. Счастливых с кооперативами среди молодоженов пока не так уж много. Областная молодежная газета «На смену!» привела недавно такие цифры: из 50 тысяч семей, которые ежегодно образуются в Свердловской области, 30—40 процентов снимают жилье, 10—15 — проживают в общежитиях, многие молодые семьи нуждаются в улучшении условий своего быта.

— У молодой семьи действительно много трудностей, особенно если рядом нет дедушек и бабушек. Надо отметить, что в нашей области различные проблемы молодежи решаются комплексно. Этим занимаются партийные и комсомольские работники, руководители предприятий, педагоги, строители, врачи. Да и сама молодежь не стоит в стороне. За три последних года руками молодых построено десять реальных многоэтажек, целый, по сути дела, микрорайон. Молодые строили для себя и для города, но важно, что квадратные метры не самоцель для них, ибо, прежде чем выкопать первый котлован, они поставили перед собой высокие цели.

— Председатель оргкомитета молодежного жилого комплекса-1 Евгений Королев говорит, что «мы ведь не квартиры строим, а создаем архитектурно-пространственную среду, условия для прорастания нового образа жизни и новых отношений между людьми, которые основаны на принципах коллективизма».

— Рождается новый тип социалистического общежития, новый опыт семейного воспитания. Мне кажется, скоро эмблемы смогут войти в число авторов нашей «Библиотеки». Их педагогическая работа — тому залог. Кстати, свердловский МЖК и наша «Библиотека» — ровесники. Пять лет назад, когда был заложен МЖК, редактор издательства Анна Агатицкая взялась за составление первой книги. Помогали ей советами все издательство, все редакции. Но только наших сил оказалось недостаточно. Тогда и возникла общественная редколлегия. В нее вошли лауреат Ленинской премии, член-корреспондент Академии медицинских наук СССР Р. К. Исламбеков, доктор медицинских наук В. И. Павлов... Самая первая книга серии рождалась трудно. Мы боялись, как бы сокровенный разговор о любви и семье не скатился на недостойный для такого предмета уровень. Ведь от утилитарности недалеко до примитивизма. А такое подчас встречается в переведенных на русский язык работах зарубежных авторов. Не сразу родилось и название первой книги. Составитель А. К. Агатицкая обратилась к поэтессе Римме Казаковой (в ее стихах «семейный» мотив — один из главных) с просьбой написать предисловие. Она ответила: «Хочется пожелать всем, кто открывает первую, самую жизненно ответственную, семейную страницу своей жизни, кто будет читать эту книгу, чтобы торилась чистая, единственная тропа счастья...» С этими словами Риммы Казаковой книга и обрела свое название «Будьте счастливы!». Она вышла тиражом 35 тысяч экземпляров и разошлась в один день.



— Популярность «Библиотеки», помимо всего прочего, можно объяснить и причинами глобального, если можно так выразиться, характера. В одной из последних книжек «Нового мира» С. Соловейчик замечает: «Вслед за демографическим взрывом, вслед за образовательным бумом середины нынешнего века идет третья волна — круто возрастает интерес к семейной педагогике... Небывалая потребность в педагогической помощи, в знании, в совете».

— Да, именно поэтому наши последние книги мы выпускаем тиражом 60—75 тысяч экземпляров, но и они исчезают с прилавков мгновенно. Это нас одновременно и радует, и тревожит. Тревожит, потому что книги именно этой серии стали неким дефицитом, для кого-то модным чтивом. А ведь мы хотели, чтобы они были настольными в каждой молодой семье, чтобы к ним обращались за добрым советом.

— На Среднем Урале есть небольшой рабочий город, ровесник первой пятилетки. — Красноуральск. В этом городе несколько библиотек, но лишь в одной из них, центральной, мне удалось взять книгу из серии «Библиотека семейного чтения». И то буквально из рук в руки. «Вам повезло, — сказала библиотечкарь. — Эта книга у нас одна на весь город».

— Сейчас выходит второе, переработанное и дополненное издание «Будьте счастливы!» тиражом 75 тысяч экземпляров. Но проблема тиража остается. Говорят об этом и ученые. Недавно мы получили отклик на «Библиотеку» с кафедры педагогики и психологии Уральского государственного университета имени Горького. Преподаватели пишут, что материалы из книги «Будьте счастливы!» используются при чтении лекций для студентов и учителей по темам семейного воспитания. Книга «Семья» включена в рекомендательный список литературы для студентов и школьников. Ведь курс семейного воспитания введен сейчас в 650 средних школах области. Просьба у преподавателей одна: увеличить тираж. «Острая нужда в ваших книгах, — пишут они, — особенно в связи с реформой общеобразовательной школы. Есть учебник издательства «Просвещение», но нет хорошей хрестоматийной литературы. Эту функцию выполняет «Библиотека семейного чтения».

Сейчас тираж «Библиотеки» — 50—70 тысяч. А сколько надо? Наш книготорг просит 250—300 тысяч. В Свердловской области около полутора миллионов семей. Значит, книг все равно всем не хватит.

Большой спрос на «Библиотеку» есть и в других областях. Откуда нам это известно? Из писем читателей. Наша серия еще далека от завершения, но у нее уже складывается своя интересная судьба. Только новая книга появляется в Свердловске, как через неделю-другую приходят письма из разных городов: где купить, пришлите. Вот, например, письмо из Воронежа от Зинаиды и Дмитрия Калинковых: «Нам посчастливилось приобрести книгу вашего издательства «Будьте счастливы!». Семья у нас молодая, и мы с удовольствием прочитали вместе с мужем эту книгу от корочки до корочки. Каждая глава в ней — это конкретный совет, помощь в житейских ситуациях. Вроде бы и нет тяжелых ситуаций в нашей семье, но все равно о многом мы поговорили после прочтения книги. Такие издания — большая помощь молодой семье, помощь в том, чтобы устоять, преодолеть трудности, понять любимого человека».

Кстати, в книгу «Семья» мы включили несколько читательских писем...

— Наряду с письмами Пушкина, произведениями Заболоцкого, Платонова, Паустовского?

— Да, работая над «Библиотекой», мы как бы заново открыли для себя, что русская литература давным-давно исследует жизнь семьи и способна ответить на многие вопросы молодых людей 80-х годов двадцатого века. Поэтому мы обратились и продолжаем обращаться в первую очередь к русской классике.

— Растет молодая семья, у нее появляются новые проблемы, новые вопросы. Вместе с семьей, как бы параллельно, растет и «Библиотека семейного чтения», торопится ответить на все самые трудные, самые наиболее важные на сегодняшний день вопросы. Скоро для «Библиотеки» понадобится, наверно, целая полка.

— Боясь, что лет через пять одной полки уже не хватит. Ведь мы сейчас выпускаем по четыре книги в год.

— Какой год стоит последним в издательском плане?

— 1994-й.

— Николай Дмитриевич, попробуем перенестись мысленно в этот год и представить себе, какой будет «Библиотека семейного чтения» на пороге третьего тысячелетия. Сегодняшняя молодая семья заметно постареет...

— Такой ход событий мы предвидим и потому уже сейчас беремся за подготовку книги под условным названием «Человек ушел на пенсию» — о проблемах пожилого человека в семье. Все книги «Библиотеки», что встанут на полку нынешней молодой семьи к 1994 году, перечислить трудно — их запланировано выпустить около сорока. Назову несколько ближайших изданий. В производстве находится пять книг серии. «Вы и ваши дети» — о проблемах воспитания. «Раздумья о здоровье» — дополненное переиздание книги академика Н. М. Амосова. «Мы — мужчины» — эта книга содержит сведения широкого диапазона: от рациона питания до атлетической гимнастики. «Будьте добры» — это рассказ о различных аспектах культуры поведения. «Секреты хорошей кухни» — это необычная поваренная книга. Автор ее В. В. Похлебкин ведет настоящее исследование истории и истоков русской национальной кухни, ратует за возрождение забытых блюд и рецептов и в то же время дает самые простые советы молодым хозяйкам. В будущем году выйдут книги «Ваше свободное время», «Дочки-матери», «Хозяин дома». Идет работа над составлением книг «Мать и дитя», «Семейная педагогика народов мира»... Впереди — много книг, и мы мечтаем, чтобы наша «Библиотека» служила не одному поколению, чтобы ее перечитывали, ею дорожили, передавали по наследству как семейную принадлежность.

Беседу вел Дмитрий ШЕВАРОВ.

Альберт ЛИХАНОВ

В самой этой формуле — знамя мира, — в одном только соединении слов заключен предельно высокий смысл, однако все-таки смысл зашифрованный, потому что прежде всего задаешься вопросом: что же достойно быть знаменем мира, что может стать символом, несомым всем человечеством, — ответственность? долг? решительность? мудрость? А когда узнаешь, что знаменем мира в высокой битве за мир наречено **детство**, восхищенно соглашаешься с всеобъ-

емлемой полнотой и гармоничным соответствием этих понятий, — ведь и ответственность, и долг, и решительность, и мудрость взрослых сливаются воедино, когда речь идет о защите детства, о детстве, высоко вскинута вверх, как наше общее и очень гуманное знамя.

Детство нарекли Знаменем мира в Народной Республике Болгарии, в стране зримого расцвета социализма, в государстве, достигшем гармонии в главных сферах человеческого бытия — трудовых, бытовых, культурных. Забота же о детстве, с первых дней народной власти вступившая в высокий сан государственной политики, давно уже достигла апогея в этой солнечной державе. А теперь, уже трижды, каждые три года, народная Болгария собирает под своей щедрой крышей детей разных стран на детскую Ассамблею, имя которой — Знамя мира, становясь всякий раз как бы еще и страной детства, столицей всемирного детства.

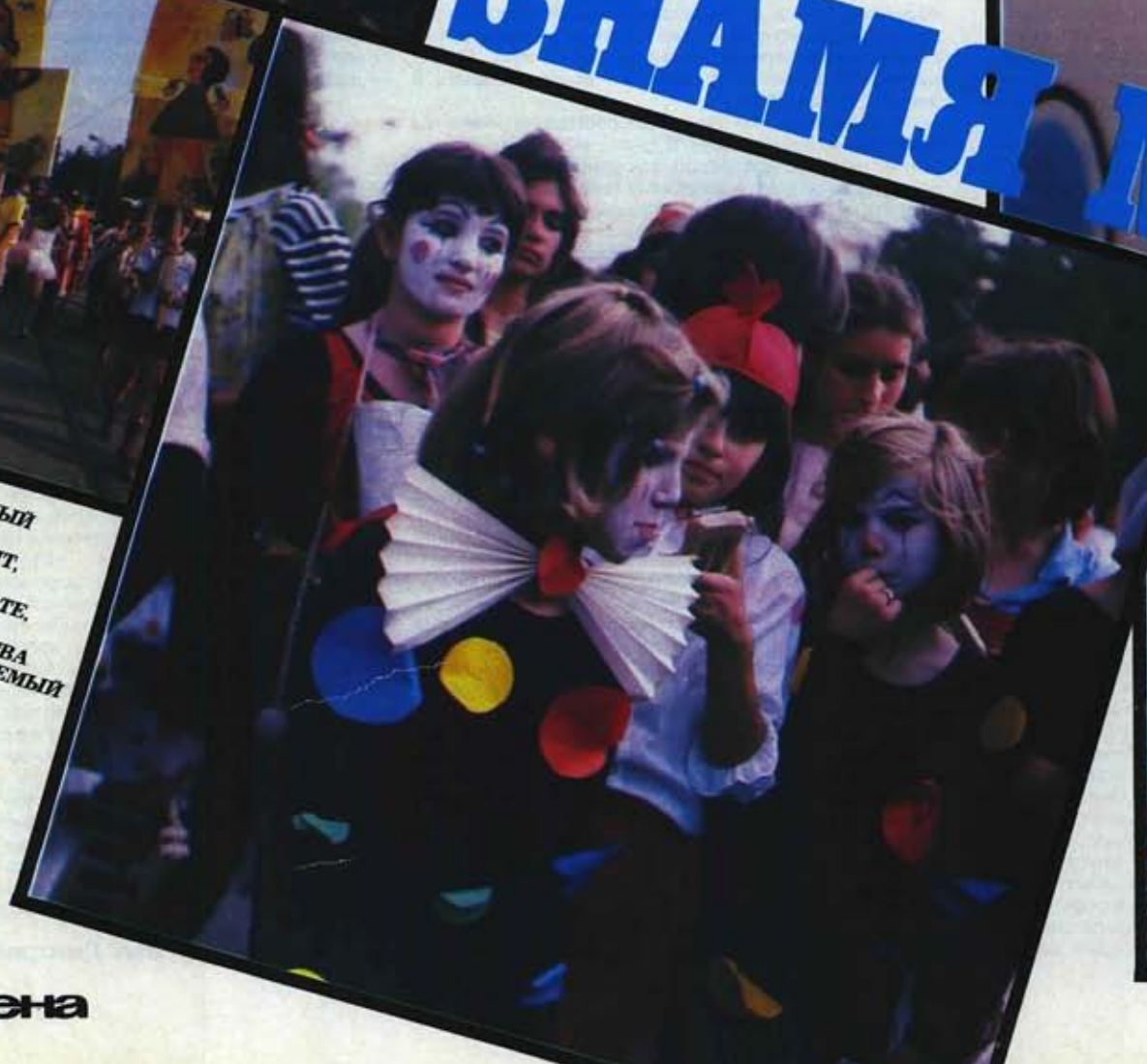
Дети всего мира съезжаются на фестиваль, на спортивное ристалище, на концерт, на беспредельно красочный праздник, и в этих детских встречах, лишенных дипломатии и опытности, в этих наивных и искренних дружбах вспыхивает великий огонь человеческого понимания, гарантирующего понимание завтрашнего дня, миролюбие будущего, эстафетность в таком пламенном и безмерно важном деле, как битва за мир. Собственно говоря, и само это понятие — борьба за мир — на детской Ассамблее в Софии обретает предельную ясность, ведь порой нам кажется, что в полную меру бороться за мир дано лишь политикам, государственным деятелям, подписывающим коммюнике и ответственные соглашения. Слов нет, может быть, последнее слово за ними, но ведь у кого-то есть и первое слово — так вот, не за этими ли детьми оно, первое слово дружелюбия, и есть ли такой возрастной пласт, который бы не волновало равновесие на весах мира?

Поездка на Ассамблею одарила меня множеством новых знакомств с людьми разными — по вкусам, верованиям, идеалам, — в числе новых моих знакомых генерал, министр строительства Нигерии и поэт Мамман Ватца, ректор Гамбургского университета, доктор теологии Петер Фишер-Альперт, директор школы искусств из Аргентины профессор Рамон Аравио, руководительница знаменитого педагогического общества из Индии «Бал Бхаван» Падма Сет — так вот все же главным в этих знакомствах была не духовная разность, а единство убеждений, среди

ЗНАМЯ МИРА,



**ВСЕМИРНЫЙ
ДЕТСКИЙ
ПАРЛАМЕНТ,
РИСУНКИ
НА АСФАЛЬТЕ,
ВСТРЕЧИ
И ЗНАКОМСТВА
ДЕТСКИЙ
КАРНАВАЛ...**





которых и восхищение счастливой мыслью дать возможность детям, не имеющим пока что личных средств, собираться вместе для первых политических и человеческих общений.

Как хорошо известно, счастливая мысль о детской Ассамблее принадлежит безвременно умершей Людмиле Живковой, ее именем назван Международный фонд, цель которого — способствовать развитию юных дарований. Стипендии для образования и специальной подготовки детей — это лишь одно из благих деяний нового фонда, а рядом — выставки детского творчества, созданные в болгарских городах и селениях, центры «Знамя мира», где рука об руку растут таланты художественные и научные. Организаторы Ассамблеи показали нам такой центр в Варне. Представьте себе целый квартал старых по кладке домов, с любовью реставрированных и обращенных в мастерские юных художников, галереи детского творчества, студии и кружки, где среди прочих компьютерный класс, и ребята создают там свои электронные программы. Кстати сказать, компьютерному образованию в Болгарии уделяется огромное внимание, при участии Фонда и Центра «Знамя мира» прошла серьезная международная конференция, выработавшая рекомендации, полезные всем, в том числе и нашей школе.

Детская восприимчивость, этот поразительный человеческий феномен, многие века лежит в фундаменте разных педагогических систем. Казалось бы, все известно в этой важной и весьма деликатной сфере. Но вот международные ассамблеи даруют нам еще одну грань детской восприимчивости — не только готовность, но и способность детства к международному сотрудничеству, пусть это и происходит на соответствующем возрасту детском уровне. Ясное дело, такое сотрудничество не обходится без доброго участия взрослых, еще точнее — без энергичного участия социальных сил социалистического государства. Ведь доброта, как всякое существенное понятие, имеет несколько ступеней, и доброта родительская вовсе не одно и то же, что доброта государственная. Эту доброту диктует социальная система, а не только лишь любовь. Поэтому, говоря о способности детства к международному сотрудничеству, говоря о фестивалях танцев и художественных галереях, о мастерских и студиях, где сходятся дети всего мира, о площадях, изрисованных цветными мелками, вовсе не лишне вспомнить о том, что возможности такого сотрудничества создаются народом Болгарии, его трудом, его благим, миролюбивым замыслом — научить человечество пониманию самого себя с самых ранних пор, с самых юных лет.

Одно из предельно впечатляющих событий, которое мне удалось увидеть, — Всемирный детский парламент. В зале заседаний Народного собрания Болгарии взрослым на сей раз отвели лишь балкон — для наблюдений. А дети разных стран

поднимались на трибуну самого удивительного из парламентов, которые когда-либо знало общество, — на трибуну детского парламента, и их речи обладали двумя завидными достоинствами: краткостью и яркостью. «Я люблю Болгарию за то, что она соединила нас, — сказал один из парламентариев, чья речь оказалась самой лалидарной. — Я люблю вас!» И эту речь зал встретил шквалом аплодисментов.

Что идет впереди другого — любовь или понимание? Не просто ответить на этот вопрос, когда речь идет об отношениях людей взрослых. Но вот в детском мире любовь шагает впереди. Я видел, как дети, не знающие языка своих товарищей, ухитрились все-таки объясниться — речью жестов, мимики, смеха, и видел, как плакали они, прощаясь, на пороге гостеприимного аэропорта.

Они разлетались на восток, на север, на запад, на юг, дети своих народов, дети своих матерей и отцов, и все же наши общие дети, жизнь и счастье которых мы, взрослые, не можем не защищать.

Они взмывали в воздух, и над нами реяло Детство — Знамя мира.



Фото
Зефира
ГАЛИБОВА



ЗНАМЯ ДЕТСТВА

ФУТБОЛЬНЫЙ КЛУБ
Выпуск 8-й
«Надежда»



Публикуемый материал — продолжение разговора о так называемых фанатах. Мы начали этот разговор в № 17 прошлого года, а затем возвращались к нему еще дважды (№ 21 в 1984 г. и № 4 в 1985 г.). По сей день в редакцию приходят письма, авторы которых справедливо возмущаются поведением фанатов на стадионах и за их пределами. «Нечленораздельный рев, лязг трещоток, топот оглушают, мешают восприятию игры, — пишет инженер Г. Свешников из Ленинграда. — Оскорбляя судей, игроков, зрителей, фанаты, фанаты, фанаты щедрой рукой не морально травмируют людей. Мало того. Едва ли найдется забор, на котором щедрой рукой не нанесены различного рода словечки, надписи, символика. А сколько возникает скандалов, спровоцированных фанатами!»

Есть письма более сдержанные, лейтмотив которых таков: может, надо дать подросткам выплеснуть энергию, но при этом стараться не допускать крайностей. Иные читатели вспоминают о недавних трагических событиях на брюссельском стадионе «Эйзель», предлагают запретить посещение футбольных матчей подросткам, хоть чем-то компрометирующим себя на трибунах.

Немало писем и от самих фанатов. «Мы не хулиганы, боление за любимую команду — это способ самовыражения, формы которого не всем по нраву, — пишут ребята. — Запретить нам поддерживать свой клуб неправильно, если хотите, непедагогично. Можно говорить лишь о формах этой поддержки. Ошибочно смешивать фанатов с примитивными хулиганами. Мы просто организованные болельщики». И почти в каждом письме — предложение о создании клубов любителей футбола, где болельщики могли бы обмениваться новостями, встретиться со спортсменами и тренерами, поспорить.

Словом, мнений множество. Одно безусловно — проблема организации болельщиков в числе молодежи под эгидой спортивного общества, клуба, стадиона существует. Наш корреспондент рассказывает о том, какой путь решения этой проблемы избрали в Краснодаре.

ФАНАТЫ? НЕ ТОЛЬКО...

Они просили, требовали победы от своих любимцев, буквально гнали их в атаку. Но матч не складывался, игра не клеилась. Более полутора сотен молодых людей, объединенных желанием поддержать свою команду, одетых в одинаковые желтые майки цвета своего клуба, готовы были грызть ногти от досады: ба, готовы были грызть ногти от досады: игра не шла! Стадион кипел от возмущения, тысячи болельщиков выражали свое отношение к безликой, безынициативной игре «Кубани» самым различным, далеко не всегда тактичным манером. Но те, в желтых майках, хотя и переживали происходящее много острее других, были сдержанны и предельно корректны. Потому что они были на стадионе не просто болельщиками, а полноправными членами футбольного клуба, нравственной опорой своей команды. И они понимали: надо уметь не только выигрывать, но и проигрывать со своей командой, уметь прощать ей неудачи, поддерживать ее в трудные минуты. Тогда они будут вправе сказать себе при хорошей игре: «Это и мой выигрыш!»

Помнятся Краснодару иные времена, когда «Кубань» играла в высшем эшелоне нашего футбола. Это был праздник для краснодарцев. Нынешний спад в игре клуба воспринимается почитателями «Кубани» с горечью. Три года для легендами бывшие доблестные команды, а новых пока не видно. Объезжают теперь Краснодар стороной «Спартак» и киевское «Динамо». Для возвращения «Кубани» в их компанию необходимо немало труда, умения, напора. Но это все дела сугубо футбольные, наш рассказ о другом. О болении.

Те, в желтых майках, и есть самые преданные болельщики, иначе говоря, фанаты. Так вот, с краснодарскими фанатами я впервые познакомился на том, не самом лучшем для «Кубани» матче с абовянским «Котайком».

Фанатов повидал на различных стадионах немало, и в общем-то они мало чем отличались друг от друга,

разве что цветом шапочек. Лозунги же, послематчевые шествия, неумелые стихи собственного сочинения, прославляющие свою команду и оскорбляющие команду соперников, которые на лексиконе самих фанатов называются «речевками», в принципе различались немногим. Чего можно было ожидать от встречи с юными поклонниками еще одной команды? Вариаций на тему «Кубань» — «чемпион», встречающих вас чуть ли не на вокзале? И все же я надеялся на что-то другое, ведь прошлой осенью в городе при стадионе «Кубань» был создан клуб любителей футбола!

Началось с того, что фанаты (будем и мы называть их так) завоевали себе стойкую негативную репутацию. Работать с этой категорией болельщиков общественные организации попросту побаивались. И тем более не решались брать на себя ответственность за последствия объединения фанатов под своей эгидой. Архитрудная это задача — управление неуправляемыми.

Несколько лет назад в Москве при Большой спортивной арене Лужников работала даже специальная бригада ученых-психологов и социологов, которая пыталась получить ответ на вопрос: чего, собственно, хотят фанаты? Чтобы им разрешили кричать погромче, расписывать стены домов поярче? Объединения под эгидой клуба? Утверждения авторитета их команд? Все соглашались с тем, что клуб болельщиков — это совсем не клуб крикунов. В остальном ответы фанатов были настолько полярны, что в итоге бригада опустила руки и вопрос повис в воздухе.

В Краснодарском горкоме комсомола отважились пойти дальше и попытаться довести дело до конца. Рассудив, что на первых порах и отрицательный результат — тоже результат. Были причины. В первых, из милиции постоянно поступали сигналы на поведение фанатов; во-вторых, вопрос организации молодежи при стадионе свободного времени юношей и девушек комсомольского возраста; в-третьих, в горкоме не считали вероятной попытку найти общий язык с ребятами. Ведь речь шла не о законченных хулиганах, а лишь о людях, не обладающих элементарной зрительской культурой.

Инструктор Краснодарского горкома ВЛКСМ по спортивной и оборонно-массовой работе Анатолий Книжников, сам футбольный болельщик, после одного из матчей подошел к облюбованной фанатами восточной трибуне и пригласил ребят зайти как-нибудь в горком поговорить. Фанаты отнеслись к предложению настороженно, предполагая очередную нотацию, но в горком все же пришли.

В первом же разговоре выяснилось, что фанаты хотя бы побольше знают о своей команде. «С «Кубанью» мы едины, и мы непобедимы!» — так звучал один из их многочисленных лозунгов. Но о каком единстве могла идти речь, если объективная информация о спортсменах, доходившая до ребят, была очень скудной и «кормиться» приходилось в основном слухами? Вот если бы с их кумирами можно было общаться свободно, а не караулить их у раздевалки, чтобы успеть на бегу задать свой вопрос, нередко так и остающийся без ответа, — это было бы здорово!

Работники горкома посоветовались со спорткомитетом, руководством ДСО «Урожай» и решили организовать для фанатов экскурсию на загородную тренировочную базу «Кубани». Вот что вспоминает по этому поводу председатель краевого ДСО «Урожай» Юрий Давыдович Любарский:

— В некоторых из ребят я узнал завсегдатаев стадиона, людей, живущих интересами «Кубани». Сразу захотелось им помочь. Организовали им встречу с футболистами и руководством команды. Вы бы видели глаза ребят в тот момент, когда старший тренер клуба Александр Петрович Кочетков подошел к ним и с каждым поздоровался за руку. Теперь, когда клубу исполнился год, наставник кубанцев считает, что подобные встречи, ставшие со временем традиционными, помогают команде ощущать ответственность за свои выступления перед зрителями. А тогда, год назад, ребята сразу предложили команде свою помощь, попросив разрешения провести на базе субботники. Фанаты засучив рукава работали на благоустройстве базы, сажали цветы, засыпали канавы, красили заборы. И все это с радостью: они наконец-то нашли форму конкретной помощи своей команде.

В следующий раз фанаты уже сами явились в горком с деловыми предложениями, им не хотелось терять контакт с людьми, увидевшими в них равных себе, уважающих их пристрастие к футболу. Ребята хотели уже по-другому поддерживать команду, с которой познакомились ближе, в делах которой



Фото Владимира ВЕЛЕНГУРИНА

таблице (редкое, прямо скажем, для фаната качество) создали ему среди сверстников авторитет болельщика-премьера. Кристя первым с благодарностью пожал протянутую фанатам руку помощи, и он же, лидер фанатов(!), предложил создать оперативный отряд из молодых болельщиков для поддержания порядка на спортивных мероприятиях. Тогда же фанаты открыто объявили о своей новой программе: — Кто с нами, тот не пьет. Любителей потасовок и низкопробных совместных с нами посещений стадиона.

Крутые меры были необходимы: инцидент, вызванный любым пьяницей либо хулиганом, прикрываемым цветами «Кубани», мог погубить на корню затем клубного объединения. Фанаты очень ревниво рассматривали тех, кто подсаживался к ним на трибунах покрывать за компанию, а «любителей», оказавшихся под хмельком, часто сами передавали в руки милиции. «Рисовальщики» по настоянию актива зарождающегося клуба тоже перешли на режим строгой экономии красок.

Нет, фанатов не принуждали сидеть на стадионе «руки по швам», чего они так боялись. В положении о краснодарском клубе любителей футбола сказано: «Обеспечить в ходе игры массовую поддержку своей команды, высокое спортивное уважение к сопернику, высокий уровень дисциплины и порядок на стадионе».

В этих трех строчках — разрешение конфликтов. Итак, поддержка и в то же время порядок на стадионе. Задачи, с точки зрения иных болельщиков, несовместимые, оказались решаемыми, если действовать сообща, согласуясь с элементарными требованиями зрительской культуры. Поддерживать — не значит выходить за рамки организованного скандирования. Что, кстати, эффективнее, чем иступленные возгласы и примитивный свист.

Когда идея о создании клуба созрела окончательно, встал вопрос о его председателе. Представляете себе восторг фанатов, когда они узнали, что в председатели предлагается человек к футболу равнодушный, известный и заслуженный, генерал-майор в отставке Александр Дмитриевич Лобода?!

Генерал во главе ИХ клуба!

Александр Дмитриевич рассказывает: — Когда в спорткомитете мне предложили возглавить клуб, я согласился не раздумывая. Стадион, футбольное единомыслие — прекрасные платформы для воспитательной работы с молодежью. Проблемы клуба быстро стали моими проблемами. На первых порах они росли как грибы после дождя: устав, финансы, помещение... Не скажу, что все они решены и сейчас, но если судить по тому, как в городе приняли нашу идею о клубе, в будущем мы с ребятами можем смотреть с оптимизмом.

Генерал остался доволен своим «войском» уже на первом же смотре, а с тех пор дисциплина среди фанатов заметно улучшилась. Впрочем, дисциплина должна быть осознанной, так считают сами ребята. И они делают все, чтобы не подвести «своего» генерала.

К примеру, Сергей Стрижаков, учащийся СГПТУ, раньше занятия в училище считал скучными паузами между матчами. Реализовывал неистраченные силы на стадионе, громогласно понося неудачливых игроков. Ему imponировало недоумение окружающих его людей, их протест, внимание милиции. Но вот Кристя (сам, кстати, успешно сдающий экзамены досрочно) начал налаживать контакты с экскурсионным бюро, и члены клуба могли теперь ездить на матчи с участием «Кубани» в другие города. Но в поездки брали лишь тех, кто отлучен с работы или с занятий с согласия администрации, официально. А для этого надо успевать по всем предметам и добросовестно трудиться. И тут выяснилось, что бывший лодырь Стрижаков может учиться не хуже других и быть человеком дисциплинированным во всех отношениях. Вот что значит для футбольного болельщика стимул.

К проблеме выездов фанаты повсюду относятся очень ревностно. Желание поддержать свою команду, играющую на выезде, очень велико. А вот средств поездки не всегда хватает. Тогда руководство клуба и горком комсомола договорились с предприятиями и учреждениями Краснодара, чтобы те предоставляли фанатам возможность законных дополнений к зарплате. Мало ли дел в городе — дороги, озеленение, продажа прохладительных напитков, несложные малярные работы. Выгодно и городу, и ребятам. Так у членов клуба появились средства для организации поездок в другие города.

Каждому выезду предшествует немалая подготовительная работа. Ребятам читают лекции о памятных местах города, в который они собираются. Валера Щетинин, студент техникума сахарной промышленности, еще недавно был равнодушен ко всем архитектурным сооружениям, кроме стадионов. Но вот представилась возможность съездить в Ростов-на-Дону на международный матч. Город понравился, а экскурсовод так интересно о нем рассказывал, что, вернувшись в Краснодар, Щетинин увлекся историей города всерьез. А потом была поездка в Волгоград, посещение

героического Мамаева кургана и, конечно, стадиона. Очень сильное впечатление произвели на ребят город-герой, его памятники, добрые и сильные люди.

Не так давно Краснодарский горисполком специальным постановением о выделении молодым болельщикам специального помещения для клуба. Правда, пока это всего-навсего подвал. Но инициативный Кристя уже сейчас видит его во всем великолепии: будет там и музей истории футбола, и справочная библиотека с календарями и матчевыми программками, полученные из других городов в обмен на местные. Ребята сами будут дежурить в клубе.

Создание клуба многое изменило в мировоззрении краснодарской молодежи. Футбол в городе сейчас с успехом отнимает поклонников у дискотеки. Даже девушек (и это при невыразительных пока выступлениях «Кубани»!).

А те надписи, что возвели на стенах домов преданности фанатов родной «Кубани», ребята смыли сами. Поняли, что их лозунги не более чем пачкотня, авторитета команде не прибавляющая. В связи с этим вспоминается еще один город — Каунас. Довелось побывать там в золотые для местных болельщиков дни баскетбола. «Жальгирис» выиграл тогда чемпионат страны. Болельщики устроили по этому поводу целый карнавал. Но ни единой надписи на стенах домов об этом событии не появилось.

Прошел год. Можно подвести некоторые итоги. Клуб в Краснодаре существует. У него есть свои сторонники, шефы, мощный актив. Можно говорить уже и о традициях. Клуб доказал свое право на существование, стал неотъемлемой частью духовной жизни городской молодежи. О нем говорят, членством в нем гордятся, авторитет клуба растет.

А теперь взглянем на проблему шире. Краснодарский клуб пока единственный в своем роде. Найдена удачная форма работы с молодежью. Как говорится, взаимоприемлемая. Но неорганизованных фанатов в стране десятки тысяч. И к ним пока отношение в большинстве своем негативное. Где-то на фанатов закрывают глаза, где-то активно борются с ними с помощью усиленных нарядов милиции.

Известный советский футболист и тренер М. И. Якушин рассказывал, как лет двадцать назад, присутствуя на играх чемпионата Великобритании, он наблюдал разгул болельщиков после матча Англия — Шотландия. Изумляла глухая, свирепая ярость проигравших и всеокрушающая радость победителей. Теперь, с горечью говорил Михаил Иосифович, нечто подобное приходится иной раз наблюдать и на наших стадионах.

Откуда это идет? Посмотрим на вещи реально. Не вникая в традиции отечественного футбола, не задаваясь целью перенять от взрослых любителей спорта нечто что-то от зрительской культуры, мальчишки, наблюдая трансляции матчей с европейских стадионов, начинают подражать западным растративающим, начинают подражать западной энергии растративающей, начинают подражать западной энергии растративающей, начинают подражать западной энергии растративающей...

Обидно смотреть, как молодая энергия растративается на бессмысленные шествия, беспочвенные споры, нелепые потасовки друг с другом. Но если это все-таки происходит, значит, что-то неблагополучно с организацией досуга молодежи, значит, мы в чем-то недорабатываем. Ясно одно — на фанатов, как на явление, нельзя закрывать глаза. И краснодарский комсомол, спортивные организации поступили верно и очень своевременно, взяв под свою опеку молодых болельщиков.

Молодые люди ищут общения друг с другом. Как мы помогаем им в этом? Если заполнить до отказа все кинотеатры, концертные залы, молодежные кафе того же Краснодара, они едва вместят десятую часть молодого населения города. А остальные? Их можно встретить на детских площадках с громко включенными магнитофонами, с гитарами в подъездах, у пивных ларьков.

Но, по признанию ребят, такое времяпрепровождение уже не удовлетворяет даже их самих. И потому исхода из личных наклонностей они изобретают способы заполнения свободного времени сами. Это может быть музыка, техника, искусство... А если молодежь избирает спортивное болельчество, мы должны ей в одной из форм проведения досуга, мы должны ей в этом помочь. Как конкретно это сделать? В какой-то мере ответ на этот вопрос дает пример Краснодара.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Обращаемся к городским и областным комитетам комсомола, всем болельщикам: напишите нам о мерах, принимаемых для наведения порядка на стадионах, о своем опыте работы с болельщиками.

Ждем ваших писем, уважаемые друзья!

приняли самое горячее участие. Они готовы были забыть некоторые свои стадионные «речевки». Так постепенно, исподволь, подходили и комсомольские работники, и темпераментные юные болельщики к идее создания в городе клуба любителей футбола.

Тот матч с «Котайком», с которого начались эти заметки, хозяева все же выиграли. Пусть единственная забитая мяч выглядел случайным, но в тогдашнем бедственном положении «Кубани» и такая победа была приятна. С довольными, сделавшими свое дело фанатами мы задержались на облюбованном ими «востоке». Мой первый вопрос несколько озадачил ребят. В самом деле, почему именно футболу отдают они свое свободное время?

Уже в ходе разговора я понял, что футбол для них — это прежде всего место встречи. Конечно, и дискотеки, и кино, и концерты ВИА присутствуют в их жизни, но все это как выход в гости. Футбол же — своя стихия, близкая, понятная, бесконечно дорогая. Танцевать они все худо-бедно умеют, но это так, между делом. Челентано может нравиться или нет, но судить о нем категорически они не любят. Иная ипостась — футбол.

Матчи для фанатов — спектакль, неповторимый по своей природе и непредсказуемый по сюжету. К тому же почти каждый из них играет сам — футбол оценивается уже не с созерцательских позиций, он пропущается через себя. Подсмотрен интересный скаклетс через себя. Подсмотрен интересный скаклетс через себя. Подсмотрен интересный скаклетс через себя...

С созданием же клуба любителей футбола перед нами открылся мир, та- красноречивыми фанатами открылся новый мир, та- красноречивыми фанатами открылся новый мир, та- красноречивыми фанатами открылся новый мир...

Знакомьтесь: Николай Кристя, пятикурсник Красно- дарского сельскохозяйственного института. Начитан- ный, умный собеседник. Умение аргументированно отстаивать свою точку зрения в спорах, способность хладнокровно оценить положение дел в турнирной

ТВОРЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА



ГОЛЛАНДСКИЙ ДОМИК.

НА ВСТРЕЧУ
С ВЕКОМ ВОСЕМНАДЦАТЫМ.

КУСКОВСКИЕ ЧЕРТОГИ.

Отечество

Александр БАСМАНОВ.

Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Собственно, сердце Гая было там, где теперь перекрестье железной дороги курско-орловского направления и вылетающей со Свободного проспекта бетонной эстакады: с нее — из окна автомобиля или из-под нее — из окна поезда, если вовремя повернуть голову, можно мельком увидеть некое подобие небольшой, прорезанной аллеей рощицы, всплеск рыжего старинного строения с каменной вазой на крыше. Строчение это — кусковская Оранжерея, а рощица — остатки знаменитого кусковского Гая, тенистого и прохладного английского парка, постепенно уходившего когда-то в дикий лес.

Кроме нескольких толстых, совсем уже почернелых лип, от Гая ничего не осталось: Кусково сейчас прочно лежит внутри Москвы, в цепкой оправе дорог, жилых корпусов и фабрик. Следует признаться: мало что сохранилось не только от Гая, но и от всех кусковских «регул» в целом: сильно разреженные вешки мраморных скульптур лишь напоминают о бывшем роскошном ковре партера между Большим домом и Оранжереей, стерты временем Пагоденбург и Бельведер, Манеж и Шомьер, Портретная и Храм любви, дом Уединения и великолепный Театр, исчезли Лабиринт и Зверинец, исчезла одетая в гранит набережная Большого пруда и опоясанная точеною балюстрадаю набережная пруда у Голландского домика. Если XVIII век строил Кусково, то XIX исправно разрушал чем мог: в 1812 году — руками бедовых кавалеристов маршала Нея, в 1899-м — руками не менее бедовых местных дачников, чувствовавших себя здесь совершенно раскованно и свободно. Дополняли дело ветры, дожди, туманы, снега, огонь, ржа, жуки-короеды и бурьян забвения.

Но XIX век дал Кускову прелестные легенды. Одна из них — о пруде, якобы вырытом в одну ночь. Пруд — пожалуй, самый древний элемент кусковской композиции. Он блестел тут, кажется, всегда, по крайней мере известно, что



Рус

уже более четырехсот лет назад на его берегах освятили деревянную церковь, выстроенную боярином Василием Шереметевым, а между 1751 и 1755 годами (вместо легендарного рытья в одну ночь) другой владетель кусковских земель, граф Петр Борисович Шереметев, очертания этих берегов полностью переименовал — вначале с помощью собственных крепостных, потом артели наемных землекопов, перекроивших маленький пруд в настоящее озеро удивительно красивой конфигурации.

Громадное водное зеркало было, наверное, центром картины, развернутой с юга на север, и птица, пересекавшая высь в этом направлении, могла видеть, как из-за матовой лесной изумрудной ряби вдруг выныривает колокольный шпигель вешняковской церкви, как бежит

**ВСЕ ЗДЕСЬ
ГАРМОНИЯ...**



ский Шарнас

от нее бархатной желтой лентой песчаная просека, как продолжает просеку муаровая маслянистая лента канала, привязанная к васильковому пруду со скользящей, словно по стеклу, яхтой, как вырастает за прудом колонный дом с крыльями, а за ним, чтоб не сбился от ветра, аккуратно прижатый к земле белыми фигурками статуй, стелется платок садового партера, затем солнечная вспышка оранжерейных окон, и снова песочный бархат линейной просеки, еще той, вешняковской, перепрыгнувшей через пруд и партер и теперь уже окончательно замыкаемой лесом:

*Там Флора, нежна мать лугов,
Рассыпала свою корзину,
Душистых полную цветов...*

Сегодня в Кускове все похоже и не похоже на самое себя: зыбки, как бы размыты очертания того, что с легкого

слова старинного декоратора Гонзаго названо в XVIII веке «музыкой для глаз». Есть сцена, где некогда разыгрывался придуманный пленительный спектакль, но ушли актеры, есть главные и даже вычищенные недавно, подновленные декорации — Большой дом, Оранжерея, Эрмитаж, домики Итальянский и Голландский, Грот, но растерялись по листкам оркестровая партитура и роли. И трудно, прогуливаясь теперь вдоль милого, элегически заросшего каналца, охраняемого несколькими по колено утонувшими в агатовой воде плакучими березами, услышать хруст гравево крошки под красным каблуком, увидеть, как опрометью бросился на пронзительный женский визг важный Карл Иванович Бланк к журчащей, с влажным вокруг себя радужным веером водопадной Каскаде. В чем же оказалась причина душераздирающих трелей? Все шутки-с. Комедиантка графовой труппы Маша

В БИЛЬЯРНОЙ.

ДВОРЦОВЫЙ СТРАЖ.

Черкасова, сбросив башмаки и шелковые чулки на зеленую мураву, сошла в бассейн замшелой гранитной Каскады и, подобрав юбки, розовея сквозь хрусталь холодной воды маленькими босыми ногами, перебежала, визжа, к другому берегу, где верхом на золоченом тритоне сидел в несколько растрепанном паричке певчий графовой капеллы Никифор Мыльников и почти беззвучно, заглушаемый водопадным шумом, наигрывал на флейте.

Такое вот виньеточное пейзажство.

Впрочем, пейзажство было не только виньеточное. Оно разрабатывалось весьма основательно, и его ведущие бутафоры, в том числе и Карл Бланк, с зари к заре надрывались трудом до полного изнеможения.



НА ПЛЕНЭРЕ
У ГРОТА.



английской школы ни один наш старинный дом или дворец, хоть многие из них возводились Растрелли, Жилярди, Тома де Томоно, Бове, Камероном, Росси,— легче по манере угадать художника, чем указать землю, где эта манера сложилась. Но главное— жесткие от мозолей руки, которые воплощали замысел, переводили его из идеи в реальную материю, были русскими. Часто они лепили на ощупь, не ведая, как следует лепить по нужной и проверенной методу, и так же часто желание сделать, как у других, при незнании, как это сделать, рождало неожиданно тонкие художественные открытия.

Именно здесь, а не в мнимой роскоши истинная цена Кускову, которое все— с его бесценными по совершенству искусства «музыки для глаз» Эрмитажем и Оранжереями, с его деревянным и небольшим Большим домом, гениальным в многоплановости интерьеров, наконец, с его божественно расчерченным парком— «стоит», наверное, в переводе на «экономические» затраты не больше, чем станция современного метро.

Чему учит Кусково? Понимать, что мы мало знаем. Вернее, что мы многое забыли. Мы почти разучились читать искусство старых годов, осознать его язык. Мы можем любоваться виртуозностью, колоритом и величием кисти старого живописца, но мы не знаем, кто изображен на его полотне, откуда возникли эти образы, как они соотносятся друг с другом и к чему приведут вот эти запечатленные их соотношения, ибо картина написана на мифологический сюжет, а мы не знаем мифологии. Вот так же мы, потерявшие словарь традиционных символов и эмблем, не умеем понимать значения дворцовых фасадов, рисунка парков, аллегорического значения цветов, деревьев, статуй, смысл их сцепления, и вообще часто их смысл, и редко кто, например, скажет, что фонтан, поставленный в точке смыкания крестообразно сходящихся аллей, есть рассказ о жертвенности, а лабиринт (хитросплетенные садовые дорожки лишь с одним выходом)— о человеческих страстях и противоречиях.

Кусково, как, впрочем, и всякое старинное классическое произведение, наполнено подобными символами, темами, мотивами и настроениями— это школа, в которой можно познакомиться с русской культурой и этикой XVIII века. Главная же особенность школы та, что она была учреждена не в столице, а в подмосковном лесу. Земля, трава, цветы, небо, солнце, облака, туманы входили в огромные окна кусковского дома, убранство которого— гобелены, орнаменты фризов, ткань шелков, закрывающих стены, и сюжет плафона над головой, зеркала— повторяло те же землю, траву, цветы, небо, солнце, облака и туманы. Созидать, не борясь с ними, но сливаясь,— вот еще чему учит Кусково.

Иногда приходится слышать: это все изумительно красиво и достойно восхищения, но это вчерашний день, и к сегодняшнему он не имеет никакого отношения. В таком случае, надо понимать, не имеет к сегодняшнему дню никакого отношения и Пушкин, и Моцарт, и Рафаэль. Однако каждый школьник знает, что это не так, что вчерашний день спаян с завтрашним, что сегодня мы ждем Пушкина, Моцарта и Рафаэля, как ждали его наши деды и как будут ждать наши внуки, что Пушкин, Моцарт и Рафаэль— это то, что должно быть, а не то, что уже было.

Однажды я видел Кусково как сквозь дымчатый топаз: в завесе дождя, летним, сиреневым, совсем ранним утром. На его темно-зеленом мокром паркете, который Большой дом безуспешно пытался обнять своими крыльями, не было ни души. Шепталась легкая липовая листва, мраморные, с прозрачными каплями на кончиках пальцев и носов, с серыми потеками столетней патины нагие статуи вели свою нескончаемую мимическую беседу. И в этом видении была как бы благая весть о том, что жизнь вечна, что бесследно ничто не проходит.

Юрий КОБРИН

Современнику

Свое недовольство ты брось, сомнений не надо невольных, хозяин ты в жизни, не гость, путей не ищи окольных. Живешь ты с огромной страной, испытан и счастьем, и болью. Судьбою с ней связан одной с поры детсадовской, школьной. Какие грядут времена! Нас в прошлом не переломила ни выдуманная вина, ни вражья недобрая сила. Остался законом закон, и сыну в глаза смотришь прямо. Ты все совершил, чтобы он от сердца страны не отпрянул. Ты нежен к стране и суров, в своих наблюдениях зорок. И ей отдаешь свою кровь и пот, что и солон, и горек. Какие грядут времена! Себе снисхожденья не просим у будущего. Страна, мы честно и строим, и косим. С тобою нам жить на земле, всё вынесли мы и стерпели. Мы видели звезды во мгле, когда погасить их хотели.



В Переделкине черемуха цветет, старый мастер в Переделкине живет. Плоть изранена, и голос болевой, самолет ревет над белой головой, соколиные прищурены глаза, пузырится холодоком в стекле нарзан. Одиночество приходит, как вина, выпить, что ли, итальянского вина... На пригорке фиолетова сирень, у Татьяны Алексеевны мигрень, бирюзовые прищурены глаза, говорит она: «Курить тебе нельзя... Жили разное мы, но розно— никогда, и на этот раз минует нас беда». Горьковато итальянское вино, вот такое получается кино... «Ту» взревел:

взрывной и рвущийся аккорд!

Жаль, нельзя перенести аэропорт... Золотятся купола. В беседке— тень. Вот бы выдумать от времени женьшень— разрушительной бы не было войны, замечательно б все было у страны.



Владимир КОНДРИЯНЕНКО

Августовская ночь

В корзине туч— холодная луна. И высыпали звезды, как опята. Ночь в августе для чувств обнажена, И обнаженность эта необъятна.

Горящую стрелой упал болид. Состав промчался, воздух накаляя. Сто тысяч звезд в твоих глазах горит. Сто тысяч звезд, и каждая— родная...



Юрий МЕЗЕНКО

Тревога

Сирена завоет окрест, натянется гулом дорога. Динамики рывкнут сквозь треск, застонут спросонья: тревога!..

И вот уже к полю бегут, холодной заваркой согреты, пилоты— сквозь темень и гуд, придерживая планшеты.

Морозный рассвет, синева! Ракеты ведут на подвеску... Холеная «Волга», едва шурша, подлетает к подъезду.

И к ней, будто вовсе не спал, папаху надвинув по чину, спокойно идет генерал, заранее зная причину.

Да стая грачей в вышине, роняя на снег оперенья, кричит и кричит о войне, не веря, что это— ученье!..

Конец хоккейного сезона

Видеозапись хоккея. В номере стонет экран. И, никого не жалея, к шайбе летит ветеран.

Сердце встревоженно бьется, зная уже наперед: он все равно промахнется, скорости не наберет...

Сердце сжимается, веря: мы еще вместе— увь, видеозапись потери кадрики крутит свои.

Видеозапись хоккея. Видеозапись любви. Но, понимать не умея, снова меня позови.

Настежь надежда рванется! Ахнет обманутый лед... Все-таки вдруг да вернется. Все-таки вдруг да забудет.

Взглядом упрямым вонзаюсь в тающий свет за стеклом: господи!— видеозапись: в ситчике летнем, цветном...

Игорь ХАЛУПСКИЙ



Я на ладонь взглянул и обмер: вдруг мне проступил на ней мой— в хлебной очереди— номер из детских, из военных дней.

В том далеке недостижимом, какое не переиграть, был номер выведен с нажимом, чтоб через сутки разобрать...

Мне в буднях нынешнего мира, где суета сильнее всего, казалось, что с ладони смыла река забвения его.

Но нет, возник вдруг номер снова на том, чего давно уж нет,— на детской той, моей ладони как знак страданий и побед.

И понял я: бывшее живо, оно приходит всякий раз, как жить ты начинаешь лживо— хотя бы день, хотя бы час...



И я преуспевающих любил. Одним из них я стать мечтал когда-то. Но тем благополучье уступил, кому больней была б его утрата. А ныне, вспомнив те бывшие дни, моллю: судьба меня храни от сытости и от самодовольства. Теперь я твердо знаю: эти свойства бесплодные— бездарности средни.

Юрий АЛЕКСАНДРОВ

Третий брат

Братьев нет. Один убит снарядом, И прошил другого пулемет. Тот— под Брестом, Тот— под Сталинградом. Нет двоих. А третий брат живет. И чем дальше, Тем священной память, Тем дороже скорбная земля... Вспоминает он За датой дату, Молодость отважную свою. И все чаще старому солдату Снятся братья, Павшие в бою.

Валерий КРАСКО



Завязав свои мили и версты Узелком на земных полюсах, Я люблю эту Землю и звезды— Над родимой землей— в небесах.

Я хочу, чтобы набело сразу— Без набросков и черновиков— Жизнь я прожил, но не по приказу, А по совести звездных веков.

Ведь надеждою мне и опорой— В одиночестве и на миру— Лишь родная земля, на которой Я родился, живу и умру.

Пережив в 60-х годах период копирования западных образцов, ныне японские модельеры сами приобрели многочисленных подражателей. Они сумели привнести в европейскую моду новую эстетику одежды, обратив особое внимание на скрытое от глаз пространство между фигурой и тканью, которое дает телу необходимую свободу и раскованность, а материалу возможность двигаться, танцевать вокруг плеч, талии и бедер. Костюм, создаваемый японским модельером, предназначен не только для улицы или учреждения, но и для музея—это выставочный экспонат, произведение искусства. Утилитарное здесь неотделимо от художественного. Прилежные ученики природы, японцы и в одежде используют цвета природной гаммы: оттенки земли, увядающей зелени, камня или цветка сакуры. Часто фактура грубой неокрашенной ткани подчеркивается дополнительными эффектами—разреженным переплетением, спущенной петлей. Главное, чем Страна Восходящего Солнца завоевала себе место среди законодателей мировой моды,—это переосмысление своих национальных традиций. Во все времена, от японского театра Кабуки до поэтического образа Чио-Чио-Сан, выражением изящества и достоинства японской женщины было кимоно. Облаченная в него, она становится пленительно хрупкой, женственной, как бы сошедшей с гравюр Утамаро. Кимоно не просто халат с характерными атрибутами, это и традиция, и ритуал, и искусство. Стиль кимоно существовал задолго до выхода Японии на мировую арену моды, он проявлялся в форме рукавов, запахе слева направо, широком поясе и т. д. И когда токийские художники-модельеры 70-х годов заявили о себе, мало кто в мире ожидал от них большего, чем просто перепевов на тему национального платья. Разрушить это предубеждение предстояло Ханаз Мори, незаметно завоевавшей один за другим бастионы «от кутюр» (высокой моды), Кензо Такада, захватившему умы молодежи спортивной линией, Иссеи Миякэ, привнесшему элементы национального костюма в современную одежду для всех возрастов. Работая более тридцати лет в такой «эфемерной» области, как мо-



Светлана
АНИЧКИНА

НОВЫЙ НАРЯД СТРАНЫ КИМОНО

Молодежная
мода

да, Ханаз Мори всегда считала женственность и отточенность непреходящими достоинствами моделей. Ее произведения созданы умом и рукой большого мастера, хотя они и несколько консервативны, сухи, что, впрочем, свойственно для высокой моды. Десятилетия, проведенные Ханаз Мори в Париже, не затушевывали чисто японского изящества моделей, будь то элемент икебаны в прическе манекенщицы, пояс-оби с характерным узлом на спине или цветочный мотив росписи на вечернем платье. Иссеи Миякэ—модельер, использующий фигуру как каркас, на котором ткань драпируется, образует естественные складки и меняет очертания при движении или просто дуновении ветра. Кензо Такада занял место среди ведущих художников, показав на одном из шоу хлопчатобумажную одежду для зимы. В ней все было необычно: и само использование летнего материала для холодного сезона (правда, он был утеплен на манер «сашико» стеганой подкладкой), и роспись ткани в национальном духе. Одежда Кензо так проста и невесома, так удобна и современна, что покорила Париж и другие столицы. Второму поколению художников Токио предстояло расширить диапазон звучания «первой волны». Если «отцы» новой японской моды вдохновлялись тканью как источником идеи, то «дети» возвели свойства материалов в культ. Они полностью отвергли принцип европейского моделирования—раскрыть кусок ткани, чтобы потом шить ее заново. Модельеры «третьей волны» апеллируют к молодежи. Одежда с их именами на ярлыке более практична, менее дорога, отличается высоким качеством исполнения. Вдохновляющим примером для них служит стиль 50-х годов. В работах этих мастеров пленяет игра современного и традиционного, переходящего и вечного. Переплетение противоположных начал, свойственное модельерам трех поколений, создает новое направление во всей мировой моде. Сегодня все большее число европейских авторитетов вынуждено потесниться, чтобы дать место японскому стилю, выраженному коротко: удобство, поиск, свобода.



Александр
МАРКЕВИЧ

ПОПУЛЯРНЫЙ, ОДИНОКИЙ

В Италии, как известно, поют все.

Иностранец, побывавший на родине Верди и Пуччини, поражается тому, что уже в самые ранние утренние часы из пиццерий, рестораций и маленьких кафе вместе с позвякиванием расставляемой посуды доносятся звонкие голоса официантов и поваров, распевających арии из классических опер или наимоднейшие шлягеры.

В 1983 году вся страна распевала: «Я единственный итальянец, настоящий итальянец» — строчки из песни, которую сегодня можно назвать музыкальной визитной карточкой Италии.

...После того как автор и исполнитель отошел от микрофона и поклонился (шел очередной сан-ремовский фестиваль), в зале произошло минутное замешательство, которое тут же сменилось бурным и яростным взрывом оваций. Темпераментные итальянцы не скупятся на эмоции. Певца в черной куртке, с белым узким шарфом на плечах буквально забросали цветами. Все — и в зале, и у экранов телевизоров — почувствовали: в бурном потоке однодневок сверкнула песня, которой суждена долгая жизнь. Она (речь идет о знаменитом «Итальяно») была признанием в любви и вместе с тем едким шаржем на своих соотечественников.

В тот вечер вся страна влюбилась в одного человека.

Тото Кутуньо (его настоящее имя — Сальваторе) родился 7 июля 1944 года в семье довольно известного джазового музыканта. Его отец, Доменико, прекрасно играл на трубе. Сам Тото играет на пяти инструментах: на гитаре, контрабасе, фортепьяно, саксофоне и ударных. Он рано начал сочинять собственные композиции и работал не покладая рук, чтобы пробиться в композиторскую элиту: писал много и неровно, но, как ни банально это звучит, труд, помноженный на природную музыкальность, сделал свое дело. Композитор добился того, чего хотел. Причем на двух «фронтах»: на родине и во Франции. Три песни Кутуньо долгое время занимали верхние строчки во французских хит-парадах: «Бабье лето» в исполнении Джо Дассена, «Чао, бамбино» — Мирей Матье, «Напевая» — Мишеля Сарду. Позже общеевропейскую популярность завоевали «Одинокие» в исполнении Адриано Челентано. Но, несмотря на известность этих песен в мире музыки, имя композитора оставалось в тени.

И вот Кутуньо выходит на сцену фестиваля в Сан-Ремо в качестве исполнителя (в тот момент ему было уже под сорок!). Чем решил он удивить «страну певцов», где на эстраде царствовали «рубаха-парень» Челентано, насмешливый рокер Друппи, романтические Пуло и Фольо, эксцентричная Берте и множество других? Чем, наконец, мог он заинтриговать выдавшую виды итальянскую публику, этот редко улыбающийся, статичный на сцене композитор с гитарой в руках? Быть может, уникальными вокальными данными? Вряд ли. Западно-германский журнал «Браво» назвал его голос «прокурненным» и исключительно

из самой расхожей итальянской лексики (аморе, спагетти, бамбино...) в расчете на экспорт. Недаром у нынешней итальянской молодежи сверхспросом пользуется продукция стили-дразилки «новая волна», появившегося как реакция на туповато-монотонные тексты, предлагаемые официальной эстрадой. «Новая волна» в Италии — это прежде всего издевательская словесная абракадабра: все слова знакомы, но стоят в таком порядке (точнее, беспорядке), что смысл фразы полностью ускользает.

Но вернемся к Кутуньо. Его стихи занимают промежуточное положение между этими крайностями. Кое-какие тексты, к сожалению, изрядно присыпаны сахарной пудрой, но в то же вре-

В год триумфа Кутуньо журналисты сбились с ног в погоне за интервью с ним. Но, к их огорчению, Кутуньо избегал и шаблонных расспросов газет, и длинных, многочасовых интервью для толстых журналов. Кутуньо не любит рассказывать о себе, считая, что вся его биография — в песнях. Газетчикам пришлось ограничиться «словесным портретом»: темноволосый, голубоглазый и темпераментный, типичный итальянец, каким его изображают в книгах и в кино. Рост 185 см, при этом всегда ходит на высоких каблуках. Личная жизнь его тоже не дает поводов для сенсаций: Тото предпочитает жить затворником в Милане с женой по имени Карла. Вместе они уже четырнадцать лет, детей не имеют. Любимое занятие Кутуньо, поми-

...Иностранец, побывавший на родине Верди и Пуччини, поражается тому, что уже в самые ранние утренние часы из пиццерий, рестораций и маленьких кафе вместе с позвякиванием расставляемой посуды доносятся звонкие голоса официантов и поваров, распевających арии из классических опер или наимоднейшие шлягеры.

В 1983 году вся страна распевала: «Я единственный итальянец, настоящий итальянец» — строчки из песни, которую сегодня можно назвать музыкальной визитной карточкой Италии.

...После того как автор и исполнитель отошел от микрофона и поклонился (шел очередной сан-ремовский фестиваль), в зале произошло минутное замешательство, которое тут же сменилось бурным и яростным взрывом оваций. Темпераментные итальянцы не скупятся на эмоции. Певца в черной куртке, с белым узким шарфом на плечах буквально забросали цветами. Все — и в зале, и у экранов телевизоров — почувствовали: в бурном потоке однодневок сверкнула песня, которой суждена долгая жизнь. Она (речь идет о знаменитом «Итальяно») была признанием в любви и вместе с тем едким шаржем на своих соотечественников.

В тот вечер вся страна влюбилась в одного человека.

Тото Кутуньо (его настоящее имя — Сальваторе) родился 7 июля 1944 года в семье довольно известного джазового музыканта. Его отец, Доменико, прекрасно играл на трубе. Сам Тото играет на пяти инструментах: на гитаре, контрабасе, фортепьяно, саксофоне и ударных. Он рано начал сочинять собственные композиции и работал не покладая рук, чтобы пробиться в композиторскую элиту: писал много и неровно, но, как ни банально это звучит, труд, помноженный на природную музыкальность, сделал свое дело. Композитор добился того, чего хотел. Причем на двух «фронтах»: на родине и во Франции. Три песни Кутуньо долгое время занимали верхние строчки во французских хит-парадах: «Бабье лето» в исполнении Джо Дассена, «Чао, бамбино» — Мирей Матье, «Напевая» — Мишеля Сарду. Позже общеевропейскую популярность завоевали «Одинокие» в исполнении Адриано Челентано. Но, несмотря на известность этих песен в мире музыки, имя композитора оставалось в тени.

И вот Кутуньо выходит на сцену фестиваля в Сан-Ремо в качестве исполнителя (в тот момент ему было уже под сорок!). Чем решил он удивить «страну певцов», где на эстраде царствовали «рубаха-парень» Челентано, насмешливый рокер Друппи, романтические Пуло и Фольо, эксцентричная Берте и множество других? Чем, наконец, мог он заинтриговать выдавшую виды итальянскую публику, этот редко улыбающийся, статичный на сцене композитор с гитарой в руках? Быть может, уникальными вокальными данными? Вряд ли. Западно-германский журнал «Браво» назвал его голос «прокурненным» и исключительно

благодаря этому «достоинству» сводящим с ума толпы молодых итальянцев. Думаю, что журнал несколько преувеличивает вокальные дефекты певца, хотя он, разумеется, не Карузо. Важнее, наверное, индивидуальность, своя манера пения. И она — правда, простая и неброская — у Кутуньо есть. (Справедливости ради отметим, что голос его не лишен притягательности — мужественный, резкий, а временами теплый и мягкий, из тех голосов, про которые обычно говорят, что они «берут за душу».)

А. может быть, дело не в голосе, а в текстовой основе песен Кутуньо? Действительно, на родине он считается неплохим поэтом. Особенно сейчас, на фоне штампованных песенных текстов последнего времени, ловко сплетенных

ма — всегда! — необыкновенно музыкальны. Впрочем, это известное свойство итальянского языка — говорят, в нем все рифмуется со всем. Главная же особенность стихов Кутуньо — их безусловная искренность.

И все же главный секрет успеха Кутуньо-исполнителя — в его композиторском даровании. Он всегда остается мелодистом. При этом его никогда не подводит профессиональный вкус, он умеет предугадать, чего хочет слушатель. В рамках традиционной итальянской эстрады Кутуньо может делать все. Но к эксперименту не рвется.

...После триумфа в Сан-Ремо, в том же 1983 году, Кутуньо выпускает сольную пластинку «Итальяно», в мгновение ока ставшую «золотой». (Этот диск вышел по лицензии и в Советском Союзе.)

мо музыки, — спорт. Увлекается горными лыжами, теннисом, подводной охотой. Вот, пожалуй, и все.

В настоящее время Кутуньо находится в отличной спортивно-музыкальной форме. Его мелодии постоянно входят в репертуар таких известных коллективов, как оркестры Поля Мориа и Джеймса Ласти. Жизнь его протекает в постоянном курсировании между миланскими и парижскими тон-ателье. Время от времени он устраивает себе гастроли, соглашается принять участие в телешоу разных стран и, конечно, продолжает много работать в студиях. Так что есть все основания надеяться, что этот трудолюбивый «настоящий итальянец» еще не раз удивит музыкальный мир своими проникновенными и оригинальными песнями.





ЭКСТРЕМИСТЫ? ПРОВОКАТОРЫ?

Андрей ГРАЧЕВ

Восемь дней XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов были заполнены великим множеством встреч. Вероятно, ни один компьютер не смог бы с полной достоверностью подсчитать, сколько событий — от потрясающе масштабных, как открытие и закрытие фестиваля в Лужниках, до частных, вроде бы оставшихся за пределами внимания мировой прессы — типа спонтанных уличных дискуссий, — вместил в себя фестиваль.

Не было ни одного сколько-нибудь важного вопроса, касающегося судеб молодежи планеты, который не стал бы предметом делового, конкретного, заинтересованного обсуждения на фестивале. Неодинаковы, часто разительно неодинаковы условия жизни и борьбы молодежи в разных странах мира. У парижского студента и сибирского строителя, индийского крестьянина и южноафриканского шахтера, врача из Ливана и учителя из Никарагуа свои дела и заботы. Это бесспорно. Как бесспорно и другое: понимание проблем, волнующих твоих сверстников в других странах, на других континентах, открывает путь к единству действий — против угрозы новой войны, за мир, демократию, социальную справедливость.

В фестивальном многостороннем диалоге приняли участие представители 157 государств, 86 международных и региональных молодежных и студенческих организаций. Разговор был прямой и честный. Различия в позициях не мешали главному: поиску возможностей совместных действий во имя высоких идеалов мира и справедливости.

Нередко на фестивальных форумах приводились факты о том, как силы империализма и реакции пытаются расколоть международное молодежное движение, отвлечь молодое поколение от реальной политической борьбы, повернув его на путь беспринципного конформизма или на путь оголтелого авантюризма. События последних лет дают много примеров такого рода подрывной деятельности против молодежи.

Актуальнейший для современной политической ситуации в мире — вопрос о правом, и «левом» экстремизме. Какова объективная функция всевозможных экстремистских «теорий» и практических акций? Кто стоит за группировками, причисляющими себя к «крайним»?

Об этом очерк известного публициста Андрея Грачева, автора ряда книг, посвященных молодежному движению современности, различным политическим течениям в его рядах.

11 декабря 1984 года. Бельгия. Шесть взрывов бомб, подложенных неизвестными лицами, повреждают аварийный нефтепровод, обслуживающий ряд объектов НАТО, расположенных на бельгийской территории.

18 декабря 1984 года. ФРГ. У здания военного училища для офицеров из стран НАТО в Оберраммергау найдена невзорвавшаяся бомба.

23 декабря 1984 года. Италия. В результате взрыва бомбы в экспрессе на линии Неаполь — Милан убито 15 человек, более 150 ранено.

31 декабря 1984 года. ФРГ. Взрывом разрушена пристройка к посольству Франции в Бонне.

Июнь 1985 года. Португалия, Греция, другие страны Западной Европы — взрывы, выстрелы, начиненные взрывчаткой автомобили, телефонные звонки в редакции газет и журналов от имени правых и «левых» экстремистских группировок, приписывающих себе организацию «акций партизанской войны».

Шум в западной печати по поводу подъема волны «нового терроризма». Нового?..

Реакция всегда стремилась извлечь максимальную политическую пользу из выходов и преступлений экстремистов. В наши дни провокационная деятельность экстремистов и террористов активно используется империалистическими кругами для того, чтобы отвлечь внимание от острых внутриполитических проблем современного капитализма, а также для того, чтобы дискредитировать идеалы социализма в глазах широких масс населения капиталистических стран. Экстремисты и террористы всех цветов играют роль послушных подручных монополистического капитала, дополняющих арсенал используемых им приемов угнетения и принуждения трудящихся методами террористического насилия, шантажа и запугивания.

Правящие круги буржуазных государств не только с благосклонностью следят за тем, как отдельные группы молодежи вступают на путь безрассудного экстремизма, но и сами активно внедряют в экстремистские движения свою агентуру, задача которой — подталкивать их в сторону авантюры и провокаций. Призывая молодежь к авантюристическим действиям, ее пытаются лишить продуманного политического руководства, а ее необдуманные поступки использовать сперва в качестве пугала для обывателя, а затем — как повод для репрессий.

Существование и деятельность экстремистских и террористических организаций любой политической окраски оказываются не только вполне допустимыми, но даже желательными с точки зрения заправил империалистической политики, в арсенале которой все более заметное место отводится различного рода диверсиям и провокациям. Более того, империалистическая реакция все чаще и все откровеннее берет на себя содержание различных экстремистских группировок, превращая их в послушное орудие своей агрессивной и антинародной политики. Неудивительно, что значительная часть этих организаций и группировок буквально перенасыщена полицейскими агентами, осведомителями и просто платными провокаторами.

Это широко известное и подтвержденное печальным опытом многих поколений экстремистских и террористических движений явление объясняется рядом факторов. Во-первых, самой природой политического экстремизма, главный смысл которого сводится к провоцированию действиями незначительных групп или актами индивидуального террора крупномасштабных политических событий, процессов или перемен. Тот факт, что в качестве подобных «детонаторов» социальные потрясения экстремисты используют самые различные акции, которые могут не иметь ничего общего с теми политическими целями, ради которых они совершаются, открывает широчайшие возможности для политического манипулирования экстремистами извне, для превращения их в заурядных, хотя часто этого и не осознающих, агентов и провокаторов.

«Главной характерной чертой в жизни заговорщиков, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — является их борьба с полицией, по отношению к которой они находятся в таком же положении, как воры и проститутки. Полиция терпит заговорщические общества и вовсе не только как неизбежное зло. Она терпит их как легко поддающиеся надзору центры, в которых сосредоточены самые отчаянные революционные элементы общества, как мастерские по производству мятежей, ставших

столь же необходимым средством управления, как и сама полиция, и, наконец, как место вербовки своих собственных политических шпиков».

Методы полицейского надзора над политическими экстремистами, искусного манипулирования ими совершенствовались в течение десятилетий и даже веков. «Провокационные приемы, — писали Ж. Лонге и Г. Зильбер в книге «Террористы и охранка» (эта книга, написанная внуком К. Маркса — Жаном Лонге и Г. Зильбером, была опубликована в Париже в 1909 году с предисловием Ж. Жореса), — применялись еще полицией реставрации к массовым движениям, к уличным демонстрациям, ко всякого рода оппозиционным выступлениям, которые переодетые шпионы старались превратить своим подстрекательством в резко бунтарские беспорядки, чтобы оправдать и узаконить беспощадную расправу над толпой».

Анархистские организации в Европе прошлого века были буквально наводнены полицейскими провокаторами и осведомителями. Известно, например, что префект парижской полиции П. Андрие имел своих агентов среди французских анархистов и даже субсидировал анархистские газеты.

Анархисты прошлого века помогали полиции создать такой общественный климат, при котором вся левая оппозиция могла бы быть заклеена как террористическая. Западноевропейская полиция активно распространяла в ту эпоху с помощью прессы сенсационные сообщения о наличии «великого международного заговора анархистов», существовавшего лишь в воображении шефов полиции.

Однако, пожалуй, ни в одном европейском государстве ядовитый цветок полицейской провокации не распустился с такой пышностью, как на почве русского царизма. Свообразным зловещим символом агента-провокатора стал состоявший на службе царской охранки Е. Азеф — глава террористической организации боевиков-эсеров.

Рассказывая об атмосфере, в которой действовали под руководством Азефа террористы, один из членов этой эсеровской организации писал: «Казалось, что мы все сидим на гигантской полицейской ладони, под внимательным взором нашего врага — и все-таки ладонь почему-то не сжимается, враг почему-то предоставляет нам заниматься самыми рискованными для него делами».

Вот так описывали авторы книги «Террористы и охранка» действия провокаторов, наводнявших различные анархистские и эсеровские организации начала века в России: «Роль провокатора двойная. С одной стороны, он является обыкновенным шпионом, на котором лежит обязанность присутствовать на всех собраниях революционеров, проникать на конспиративные квартиры, за всем следить, ко всему прислушиваться, обо всем докладывать; он должен, вкравшись в доверие товарищей, осторожно выпытывать обо всех готовящихся предприятиях и затем давать своим начальникам подробные отчеты о собранных им сведениях. Но это только часть и, если можно выразиться, наиболее почетная часть его темной работы. Власть требует от него не только всестороннего внешнего осведомления о деятельности революционеров. Они советуют ему вступать в партийные организации, где он, для того чтобы зарекомендовать себя, всегда является сторонником самых крайних мнений, самых опасных планов, самых рискованных действий. Он не ограничивается одним «освещением». Он искусно добивается преждевременной развязки (провокации) событий, в условиях благоприятных или предусмотренных правительством, которому эти внезапные выступления или покушения нужны для того, чтобы навести ужас на население и тем оправдать худшие репрессивные меры торжествующей реакции».

В период майских событий 1968 года в Париже французские власти активно внедряли полицейскую агентуру в ряды активистов левозэкстремистских студенческих организаций. Группа этих провокаторов, среди которых, по свидетельству Л. Гонсалеса-Маты, были и агенты ЦРУ, образовала отряд «катангцев» (некоторые из них выдавали себя за членов французского иностранного легиона, прибывших из заирской провинции Катанга), которые своими авантюриными выходками пытались скомпрометировать массовые выступления французского студенчества и рабочего класса.

Примечательно, что в последние годы организация различных провокаций как правыми, так и «левыми» экстремистами стала привычным штрихом политической жизни капиталистических стран. Подобные провокации, призванные скомпрометировать левые силы, заставить общественное мнение качнуться в сторону партий «порядка», с поразительной пунктуальностью обычно сопровождают очередные парламентские выборы либо устраиваются всякий раз, когда реакция бьет напугана новыми успехами рабочего движения и коммунистических партий.

Лидерам террористической группы Баадера — Майнхоф,

ОРЫ?

действовавшей в ФРГ с 1970 года, было предъявлено обвинение в 54 убийствах, многочисленных ограблениях банков, взломах и т. п., приведенных, по общей оценке западногерманской печати, к значительному увеличению числа голосов, поданных на очередных выборах за представителей правых сил.

Аналогичный политический эффект дают в наши дни выступления «левых» экстремистов в других странах Западной Европы да и на других континентах. Именно экстремистов бросает реакция против левых и революционных сил, когда те добиваются крупных политических успехов в своих странах. «Левые» экстремисты,—отмечал член Политкомиссии ЦК Компартии Чили В. Теительбойм,—нанесли огромный вред революции в Чили. Они во многом определили исход борьбы в пользу контрреволюции».

Выходки экстремистов, давая возможность реакции говорить о наличии обстановки «неконтролируемого насилия», позволяют ей, ссылаясь на необходимость наведения порядка, применять в ответ широкое и действительно неконтролируемое насилие против всех левых, демократических элементов в целом, в первую очередь коммунистов. Испробованное в ходе борьбы против левых сил оружие экстремистских провокаций правящие классы обращают в последнее время и против других демократических массовых движений, в частности антивоенного. Не случайно в условиях, когда это движение, объединив в своих рядах миллионы людей, протестующих против агрессивной политики США и их союзников по НАТО, начало всерьез беспокоить правящие круги в странах Запада, участились попытки навязать антивоенным выступлениям авантюристические формы борьбы, толкнув их к сектантскому образу действий. Имеется немало оснований предполагать, что за такими выходками, как, например, серия взрывов бомб, устроенных у различных военных объектов НАТО и мест дислокации американских войск в Западной Европе, так же как и за похищением в Италии натовского генерала Дж. Дуэзера (чудесным образом спасенного затем из рук «террористов»), скрывается опытная рука профессиональных манипуляторов из натовских служб безопасности и американского ЦРУ.

Еще в прошлые века политические экстремисты тщетно пытались решить проблему своеобразной квадратуры круга: искали способы обеспечить максимально широкую популяризацию и распространение своих взглядов в условиях крайне ограниченной общественной поддержки их позиции.

Достичь своих целей с точки зрения экстремистов можно в первую очередь с помощью «вооруженной пропаганды» — таких террористических акций и политических провокаций, которые должны привлекать к себе внимание общественных и политических кругов.

Авторы книги «Насилие как средство общения» швейцарский историк А. П. Шмид и голландский социолог Дж. де Графф приводят примечательное высказывание одного из террористов — члена японской «объединенной красной армии», который заявил: «У нас нет другого пути. Насильственные действия, которые мы постоянно используем в борьбе с противником, вызывают ужас. Мы хотим ужасать людей повсюду... Это единственный для нас способ общаться с людьми».

Вот как разъяснял еще в XIX веке «логику» подобного способа «общения» с окружающим миром один из экстремистских руководителей Французской рабочей партии, Поль Брусс: «Удачное покушение на короля или министра, известие о котором будет распространено как национальной печатью, так и международными агентствами новостей, с помощью телеграфа достигнет самых отдаленных уголков планеты, обеспечит бесплатное и надежное средство общения между террористами и массами».

В прошлом для того, чтобы обеспечить широкий резонанс в буквальном смысле этого слова, террористы намеренно выбирали наиболее «эффективные» формы своих действий и «шумные» виды оружия. Поэтому на какое-то время излюбленным инструментом их провокаций стал динамит, к основным достоинствам которого относили главным образом оглушающее и устрашающее действие, которое он производил на окружающих. Динамит в отличие от «тихих» орудий покушения — яда и кинжала — был объявлен идеальным средством «борьбы за свободу»: целые поколения террористов поклонялись ему как чудодейственному и всемогущему снадобью от всех социальных заболеваний. Грохот взрыва на время превращал террориста из отчаянного и слабого одиночки в громовержца, в «творца истории». В 70-х годах прошлого века в США даже издавалась газета под названием «Ежемесячник динамита и освобождения».

На смену динамиту пришли современные средства массовой информации, и прежде всего телевидение, способное в считанные мгновения разнести по всему миру эхо одиночного выстрела или фото похищенного заложника.

«Успех террористической операции почти полностью зависит от степени огласки, которую она получает,—пишет

В. Лакер.— В этом заключалась одна из причин переключения терроризма с партизанских действий в сельской местности на террористические акции в городе в 1960-х годах: в городах террористы всегда могли рассчитывать на присутствие журналистов и телекамер и соответственно на широкую аудиторию. Вот как объяснял это один латиноамериканский террорист: «Если мы подложим даже маленькую бомбу в какое-нибудь городское здание, мы можем быть уверены в том, что попадем на первые полосы газет. Если же «сельские» партизаны ликвидируют три десятка солдат, этому будет посвящена маленькая заметка на последней странице. Город значительно важнее и для политической борьбы, и для пропаганды».

Активное вовлечение западной печати и телевидения в широкое распространение информации об акциях террористов и, по существу, в пропаганду их взглядов и требований приводит к появлению своеобразного рекламного терроризма. Все современные террористические группы нуждаются в рекламе; чем они меньше, тем больше они зависят от нее, и это в значительной степени влияет на выбор их целей, а также методов действий, приводит к возникновению своеобразной «режиссуры» терроризма.

Существует множество примеров фактического сотрудничества между средствами информации и террористами. В ФРГ, например, репортеры «Шпигеля» сопровождали членов группы Баадера — Майнхофа во время закончившегося поджогом налета на дом в Гамбурге. Американские телевизионщики снимали акцию одной из групп ирландских экстремистов с момента погрузки взрывчатки в автомобиль до момента взрыва. Газеты и журналы охотно печатают заявления и ультиматумы террористических лидеров. Пресса стремится придать любой террористической акции масштаб крупного общественного события.

Неприглядную роль не только в пропаганде, но и во все более широкое распространение политического насилия на Западе играют те многочисленные издания, которые служат, по существу, учебными пособиями для начинающих террористов. Вот перечень некоторых заголовков книг, которые широко рекламируются в западных странах и доступны всем желающим: «Руководство по ведению химической и газовой войны», «Военные взрывчатые вещества», «Гранаты и пиротехника», «Снайперы и наемные убийцы», «Как надо убивать», «Секретная история оружия американского шпиона»...

Весьма недостойную роль сыграла итальянская буржуазная печать в трагической эпопее похищения и убийства «красными бригадами» лидера христианско-демократической партии Италии Альдо Моро.

«Природа современных средств массовой информации, их способность мгновенно превращать опыт одного в опыт миллионов сделали из убийства Моро 15 миллионов убийств, по числу потенциальных телесмотрителей Италии. Эта способность средств массовой информации размножать и драматизировать террористический акт является самым существенным, что сообщает современному терроризму большую часть его силы да и во многом является самой причиной его существования»,—пишут авторы книги «Насилие как средство общения».

Спор о том, кто кого больше использует в своих целях — террористы прессу или наоборот, — может показаться схоластическим, особенно если учесть, что как те, так и другие играют роль послушных инструментов, повинующихся палочке одного дирижера — правящей буржуазии.

Английский исследователь Филип Серни в книге «Терроризм: вызов государству» отмечает, что «терроризм превращается в миф, который может быть использован в целях социального контроля. Он вводится в крылатые фразы средств массовой пропаганды и в риторику политикован...».

«На западном горизонте,—писала газета «Монд»,—явно обозначились контуры «полицейской Европы», которую пытаются учредить министры внутренних дел, используя в качестве предлога угрозу, которую терроризм представляет для этих государств. Во имя борьбы с терроризмом основные западноевропейские государства увеличили число запретительных и репрессивных постановлений... Став полицейскими государствами, не передадут ли наши общества социальный контроль в руки полиции?»

Терроризм, в каком бы обличье он ни выступал, дает повод крайне правым, реакционным силам выступать с требованиями введения «твердых» мер, создания «сильных» правительств. «Логика терроризма,—признает А. Жейсмар,—приводит к тому, что он усваивает самые порочные стороны системы, против которой начал вооруженную борьбу. Логика контртеррора государства приводит к тому, что оно, в свою очередь, добровольно принимает методы тех, против кого борется».

Угроза усиления тоталитарных тенденций в общественной жизни ведущих стран Запада приобретает вполне реальные очертания. Западногерманский журнал «Шпигель» писал о том, что вылазки террористов помогли правым организовать травлю прогрессивных сил, зачислив всех противников так называемых чрезвычайных законов в разряд лиц, «симпатизирующих» терроризму.

Полицейские приступили к созданию в Висбадене гигантской картотеки. «В этой полицейской крепости,—пишет французский «Экспресс»,—3000 специалистов, начиная с 1975 года, ревностно заноятся в картотеке (10 миллионов, как утверждают) и в компьютеры (2000 экранов) все, что каким-либо образом касается левой деятельности. Привычки, зна-

комства, «особенности речи», отпечатки пальцев, группировки...—все учтено в карточках. Занесение в картотеку 3,5 миллиона граждан только на том основании, что они взяли в библиотеке книгу «мятежного» содержания, участвовали в демонстрации, либо, как было замечено, ехали в одном поезде с каким-то террористом, очень быстро ведет от охоты за «подозреваемым» к преследованию «потенциально подозреваемого».

Примеру ФРГ начали следовать другие западные «демократии». В августе 1982 года было объявлено о создании аналогичной полицейской картотеки во Франции. На Кэ д'Орлож (где размещается префектура полиции) заведено 3 миллиона поименных карточек и 400 тысяч карточек с отпечатками пальцев, где числятся подозрительные лица еще прошлого века.

Как далеко ушли времена, когда британцы могли кичиться актом «HABEAS KORPUS» (актом о личной свободе), закрепляющим положение о неприкосновенности личности и личной жизни. 27 ноября 1974 года британский парламент без обсуждения одобрил другой акт — акт о защите от терроризма. Начиная с этого времени не только Северная Ирландия, но и все остальное Соединенное Королевство живет в условиях чрезвычайного законодательства. За время действия этого закона было арестовано свыше 5,5 тысячи человек, причем 4900 из них так и не были предъявлены обвинения.

Описывая обстановку в Северной Ирландии, авторы исследования, проведенного общественной организацией «Айриш информейшн партнершип», констатируют, что при допросах арестованных широко применяются насилие и пытки. Согласно действующим «законам», указывается в их докладе, «в случае ареста не существует правил, определяющих практику допроса и его продолжительность». В 1978 году Европейский суд признал Великобританию виновной в нарушении прав человека, «однако до сих пор ни один полицейский или солдат, виновный в жестоком обращении с людьми в Северной Ирландии, не был привлечен к ответственности», говорится в докладе.

Претворение в жизнь программы правозащитных кругов США оборачивается для миллионов американцев наступлением на их демократические права и социальные завоевания.

Социальное кредо этих кругов изложил авторам книги «Калифорния инкорпорейтед» Дж. Коткину и П. Гробиучи бывший меценат актера Рональда Рейгана Генри Сальвадори: «Мы должны заново сформировать общественный порядок. До сих пор люди говорили только о расширении прав и свобод. Но мы открыли, что, если предоставить людям свободу, результатом явится хаос. Нам скорее следует заново сформировать все общество и вновь восстановить минимальный стандарт уважения и порядка. Откровенно говоря, мы нуждаемся в авторитарном государстве».

Полную свободу рук для проведения противозаконной деятельности получают в США различные органы сыска и репрессивного аппарата администрации, снимаются какие бы то ни было ограничения на деятельность ФБР и ЦРУ.

ФБР держит «под колпаком» практически все взрослое население Соединенных Штатов, хранит досье на 34 миллиона американцев, «представляющих потенциальную угрозу для безопасности страны». Если к этому добавить 78 миллионов карточек с отпечатками пальцев, всевозможные «банки информации», то вырисовываются подлинных масштабы репрессивного аппарата полицейского государства, жестко контролирующего весь уклад жизни рядовых американцев.

В американской печати сообщалось, что в строго засекреченной директиве под кодовым названием «Рекс-84» изложены срочные инструкции по «сдаче в эксплуатацию» десяти огромных концентрационных лагерей на важных военных объектах по всей стране. По сообщениям газет, ведется подготовка к «неслыханной операции от побережья до побережья на иностранцев и подозрительных с точки зрения национальной безопасности лиц».

Активность экстремистских организаций в Италии привела к появлению целой серии «антитеррористических» законов. Эти законы позволяют судебным органам держать «подозреваемых» в заключении практически в течение неограниченного времени, что открывает возможности для грубейшего произвола, как, в частности, показывает «дело» Антонова. Полиции разрешено допрашивать обвиняемых без присутствия адвоката; сняты ограничения на применение огнестрельного оружия, облегчена процедура обысков...

Методы борьбы с терроризмом, применяемые итальянской полицией, свидетельствуют о явном намерении властей решить эту сложную политическую проблему «военным» путем.

Именно в этом направлении подталкивают буржуазное государство и акции политического террора, совершаемые экстремистами, и устремления представителей крайней реакции, постепенно захватывающих ключевые позиции в государственном аппарате. Эти замыслы правых сил находят проявление и в рассуждениях многочисленных буржуазных «террологов», утверждающих, что «нерешительная и вялая» западная демократия неспособна вести эффективную борьбу против терроризма и что активное сопротивление ему могут оказать лишь «твердые» авторитарные режимы.

В этом циничном утверждении в наиболее обнаженной форме проявляется стремление мировой реакции использовать политический экстремизм в качестве орудия провокации против левых и демократических сил и как метод жесточайшего подавления прав и свобод трудящихся, жизненных интересов целых народов.



Сергей ЖОЛУС.
Фото автора

Наш бот держит курс на мыс Туманный—где-то в его окрестностях предполагаемый район добычи. Долго идем в густом молоке—похоже, мыс оправдывает свое название. Наконец взошедшее из-за моря солнце отгоняет туман к сопкам; заметно улучшается видимость, а с нею и настроение экипажа. Скоро идет подготовка к предстоящей работе.

Водолазы облачаются в гидрокостюмы, осматривают акваланги. Матросы расстилают стропы—специальные сети для переноса груза, распутывают лоты—длинные веревки с карабинами на концах. Один из матросов точит серпы—основное орудие добытчика морской капусты.

Пока бот идет вдоль берега, старшина водолазов Александр Власенко, свесившись за борт, напряженно всматривается в прозрачную воду. Вот в глубине показались колышущиеся коричневые полосы—есть капуста! С кормы бота опускается якорь, носовая часть закрепляется кошкой за скалу. Можно начинать работу.

Обычно на погружение идут два водолаза. Это необходимо по соображениям техники безопасности и удобно с точки зрения технологии сбора



ОГОРОД ПОД В

капусты. Воспользовавшись разрешением старшины, иду под воду в паре с Леонидом Мячиным. Облаченные в сорокакилограммовые водолазные доспехи — на нас гидрокостюмы, грузовые пояса, акваланги, — погружаемся в море. В воде вес снаряжения почти не ощущим, и мы свободно парим над зарослями капусты, привыкая к новой среде.

Работать «на капусте» в комфортном тяжелом водолазном снаряжении неудобно, поэтому водолазы предпочитают гидрокостюм так называемого «мокрого» типа. Без закладки в нем долго не поплываешь, ведь температура затекающей под костюм воды не превышает 7—10 градусов.

Опустившись на дно, попадаю в полумрак — сомкнувшиеся надо мной стволы плохо пропускают свет (ширина их достигает полуметра, а длина — трех-пяти метров). Здесь своя жизнь. На камнях сидят морские ежи и звезды, красуются своими лепестками актинии...

Держа в одной руке серп, в другой лот, подплываю к «кусту» ламинарии. Охватываю лотом снопы капусты и, зацепив карабин, дергаю за веревку, подавая сигнал на бот. Матрос на борту подтягивает лот, а я подрезаю серпом основание слоевищ. Сноп медленно уходит в сторону бота, а ко мне опускается другой лот. Операция повторяется. Два матроса, обслуживающие водолаза, попеременно вытягивают из воды снопы капусты весом до двух пудов и укладывают их на палубе.

Постепенно подводные джунгли редкуют. Пора подниматься на поверхность. Товарищи помогают мне взобраться на палубу бота, заваленную отменной капустой. Судя по вспотевшим лицам, матросам наверху жарко пришлось, у нас же с напарником после полурасчасового пребывания в холодной купели зуб на зуб не попадает.

Тяжело развернувшись, бот берет курс на базу. В бухте Кит мы сдаем собранный урожай на судно-переработчик, и трудяга бот вновь уходит на добычу...

Когда после рабочего дня уже в сумерках мы возвращались домой, на причале светились огоньки карманных фонариков. Бот причалил к пирсу, и началась выгрузка. Дети помогали отцам нести водолазное снаряжение. А жены просто шли рядом, поддерживая под руку усталых мужей. Я спросил одного шустрого мальчугана, кем он мечтает стать. Водолазом, ответил тот и побежал помогать отцу нести акваланг.

Нелегко этот промысел. Но морская капуста, или ламинария, — необходимое сырье для пищевой, фармацевтической, текстильной, кожевенной промышленности, медицины. Десятки вкуснейших блюд из морской капусты популярны не только в Приморье. Она оказывает лечебное действие на организм человека. Употребление «травы вечной молодости и долголетия» рекомендуется больным атеросклерозом. Альгиновая кислота, которой в ламинарии 25—36 процентов, выполняет важные физиологические функции, способствует выводу из организма ионов тяжелых металлов: цинка, свинца, стронция.

В настоящее время потребность в морской капусте промысловики удовлетворяют менее чем на 10 процентов. Добыча ее плохо поддается механизации, трудоемка и дорогостоя-

ща. Да и не каждый год бывает урожайным, ведь ламинария зреет два года. Поэтому перед наукой и промышленностью была поставлена задача научиться выращивать морскую капусту на искусственных плантациях. Нужны были более экономичные способы добычи.

В 1972 году при рыбозаводе «Валентин» производственного объединения «Приморьрыбпром» был создан опытный участок по выращиванию водорослей, а спустя несколько лет в поселке Глазковка и бухте Кит организована экспериментальная база мариккультуры (ЗБМ), специализирующаяся на выращивании ламинарии. Возглавил ее знаток мариккультуры Олег Тен.

С берега морские плантации выглядят уходными до горизонта строчками разноцветных шарообразных плавков-кухтылей. Осмотреть морской огород можно, только опустившись с аквалангом под воду. Поражают масштабы подводных конструкций. С толстых горизонтальных капроновых канатов, поддерживаемых кухтылями, свисают длинные веревки, густо заросшие широкими слоевищами морской капусты. От возможных смещений во время шторма орудия удерживают растяжки, прикрепленные к большим бетонным тумбам, установленным на дне. Некоторые из тумб облюбовали осьминоги. Вот один из них, очень крупный, прижавшись к тумбе, медленно перебирает щупальцами. Мое появление он встретил с раздражением сторожа, охраняющего свой огород.

Неожиданно из сумрака показались огни, а затем проявились очертания небольшого подводного аппарата. Мигнув мне фарами, аппарат прошел вдоль стены капусты, изменил направление, перешел к следующей «грядке» и растворился в толще воды — идет профилактический осмотр подводных сооружений.

А на поверхности среди кухтылей виднеются большие пластиковые шлюпки. Молодые парни, вытягивая из воды обросшие веревки и ловко орудуя ножами, срезают листья капусты и укладывают их в стропы. Это представители новой профессии — мариводы ведут сбор урожая. Он здесь сказочный — 800—1200 центнеров ценнейшего продукта с гектара.

Производительность труда работающего на плантации вчетверо превышает ту, которой добывается добытчик дикорастущей капусты. Если же принять во внимание стабильность урожая и технологичность его сбора, то преимущества выращивания ламинарии на плантациях становятся очевидными.

Груженные лодки на буксире подвоятся к перерабатывающему морозильному траулеру. Уже через час после сбора пошинкованная, замороженная и уложенная в паки (коробки) морская капуста попадает в трюм.

Рассказывая о проблемах своего хозяйства, которые остро стоят сегодня, Олег Тен особо выделил кадровую. Новое направление освоения моря требует молодых умелых рук, а их пока не хватает. Предстоит большое промышленное и жилищное строительство, в десять раз должна увеличиться площадь плантаций, которые, кстати, кроме капусты, могут давать и другую продукцию — устриц, морских гребешков, мидий. На очереди — разведение лососей. В море устанавливаются громоздкие садки, а на берегу монтируется оборудование завода по выращиванию молодой ценной рыбы, линия по изготовлению гранулированных кормов для рыбодоводства.

Так реализуется программа «Мариккультура», осуществление которой позволит получать в специализированных хозяйствах Приморья многие тысячи тонн ценнейших биологических продуктов.

Алим КЕШОКОВ

Баллада об ослике

*Видишь, из-за поворота,
Где границы полоса,
Излучающие кротость
Осторожные глаза.*

*Посмотри же, как серьезно
Он ступает по камням:
Ослик служит водоносом —
Два кувшина по бокам.*

*Ремешком подтянут туго,
Напряженно-деловит.
Туко-туко, туко-туко —
Он копытами стучит.*

*Рано утром на вершину
По тропинке по витой
Доставляет он кувшины
С родниковой водой.*

*Семенит назад по тропке
Он с усмешкой удалой:
Мол, работник я не робкий,
Сделал все — и с плеч долой.*

*А внизу, поправив косы,
Девушка, тонка, легка,
Возвращенья водоноса
Так и ждет у родника.*

*Зачерпнет кувшины снова,
Укрепит их по бокам.
Ослик чувствует: готово!
И идет по тропке сам.*

*Повернет себе направо
И несет за перевал
Воду
На погранзаставу,
Что таится между скал.*

*А в кувшинах
с гулким звуком
Будто родничок кипит...
Туко-туко, туко-туко —
Раздается стук копыт.*

*Поскорей добраться надо
До нахмуренных высот.
Знает ослик:
Ждут солдаты,
И его награда ждет.*

*Там, у кухни, где ущелью
Дарит тень свою утес,*

*Что солдаты не доели,
Уплетают водонос.*

*Ослик мой,
Спеши не очень,
Пожалей себя в пути:
Ты на службе
На бессрочной,
Увольнения не жди.*

*Два кувшина — все богатство,
А сорвешься — будь здоров:
Трудно будет и подняться,
Не собрать и черепков.*

*Ослик, та, что шлет кувшины
С родниковой водой,
Посылает на вершину
Письма тайные с тобой.*

*Так любви бессмертной сила,
Хитрость черная из книг,
Водоноса превратила
В свой шагающий тайник.*

*Этой девушке ответы
Приносил ты,
И не раз.
И она тебя за это
Целовала между глаз.*

*Скоро службу кончит кто-то,
С вещмешком с горы сойдет,
Эту девушку с почетом,
Как невесту, увезет.*

*И кивнет его подруга
С благодарностью тебе...
Туко-туко, туко-туко —
Бьют копыта по тропе.*

*Ты недаром торопился,
Вот такие, брат, дела:
К роднику вела тропинка,
А к судьбе и привела.*

*Кто теперь сказать посмеет,
Будто ослик глуповат?
Пусть он сделать сам сумеет
То, что ты был сделать рад.*

*И хотя живу непросто,
У тебя, что с виду мал,
Благородное упорство
Словно сам я перенял.*

Перевел с кабардинского Борис ДУБРОВИН.

Михаил ШЕЛЕХОВ

Мое время

*Это время мое! Я не знаю прекрасней времен.
Это воля моя! Мне вольнее неведома воля.
И звезда, под которой я был после битвы рожден,
И по родине боль — нет острее и слаще той боли.*

*Ничего не прошу. Да и дастся ли что от земли?
Мы твои школяры! Заповеданы сердцу уроки.
Я стою на дороге, где деды с победой прошли.
И шумит древний дуб, что придут мои грозные сроки.*

*До последнего вздоха возьми меня, время мое!
Чтобы слово мое — на величие отчего дома.
Пусть летит стороною, не зная пиров, воронье,
Журавлиные гнезда венчают родные хоромы!*

*И за толику жить и стоять на железном ветру,
И за жито полей, что мою колыбель колыхало,
Безымянным туманом на ратной дороге умру,
Безымянной звездой! Чтобы ты повторилось сначала.*

Ирина ЛОБАНОВА

Книга называется «Азарт». Одна из последних книг поэта Андрея Дементьева, книга, выдвинутая на соискание Государственной премии СССР. Наверное, название прозвучало неожиданно для ценителей поэзии. Может быть, и неожиданно, но название это не может быть случайным: не та книга. В ней столько выношенного, выстраданного, итогового. Вот почему здесь стоит задуматься всерьез.

Андрей Дементьев из поколения тех, кто не воевал, но всеми силами детской, мальчишеской души рвался на фронт, туда, где сражались отцы и братья. Из тех, кто не воевал, но полной мерой хлебнул военное лихолетье, кто вступил в мирную жизнь с неутоленной жадной подвиг, с нерастрченным, но требующим проявления желанием защитить, отстоять, не отступить, быть вместе с народом в самых тяжких испытаниях.

*Можно хлеба краюху
Делить пополам.
Половину души
Никому не отдам.*

*Отдавать — так уж всю,
Без остатка, до дна.
Потому что, как жизнь,
Неделима она.*

Не все из этого поколения пронесли через всю жизнь это высокое желание, кого-то подмяли жизненные заботы, кто-то растерялся перед бытом, не устоял перед соблазнами... Но тот, кто остался верен памяти детства, тот по-прежнему готов сопереживать, бороться без громких слов, не отступать.

Андрей Дементьев верит во внушающую силу искусства слова. Вот почему так ясно читается в его творчестве мотив верности и ответственности. Человек может отступить, сломаться. У поэта такого права нет. Он обязан бороться и верить в торжество добра и света в самых тяжелых и трагичных ситуациях. Ибо его личное поражение, его личное отступничество через его поэзию передаются многим. Выраженные в стихах, они входят составной частью в жизненный поток, подрывая силу и веру других. Их не скроешь, не спрячешь за неискренними строками, пусть и самыми изощренными. Есть вещи, есть ценности, где поэт должен быть неуступчивым. Как бы ни определяла



**Андрей
ДЕМЕНТЬЕВ:**

„НЕ ЖАЛЕЙТЕ ДОБ

эту неуступчивость летучая злободневность. Андрей Дементьев умеет это — не уступать, не отступать. Как бы трудно ни приходилось. И здесь тоже видится та вынесенная из нелегких времен готовность бороться за то, что считаешь важным. И знание, какой ценой даются победы.

*Живу не так, как бы хотелось.
Завли света и быт.
И осторожность, а не смелость
Порою мной руководит.*

Или:

*Мы когда-то о жизни своей загадали.
Да сгорели ромашки на прошлой войне.
Не мелели бы души,
Как речки, с годами...
Потому что душа постоянно в цене...*

Это трудно — все видеть, на все смотреть открытыми глазами, не отворачиваться в смятении или расчетливом нежелании знать неудобную правду. И все равно оставаться верным, подвергаясь испытаниям времени, духовным и нравственным ценностям, хранить которые — одна из главных обязанностей поэта перед народом. Андрей Дементьев знает это. Он принял на себя эту ношу. Он живет заботами меняющегося времени. Но он никогда не менял своей жизненной и гражданской позиции, всегда знал, зачем пишет, что хочет сказать людям.

Душа поэта остроранима, это постоянно ощущаешь даже в тех, казалось бы, светлых, настроенных на восторженно-радостную мелодию стихах: «Мир еще полон страданий и мук», «Твои смуглые руки на белом руле. Аварийное время сейчас на земле», «На рассвете посмотри в окно. Не моя ли там дымится рана?». Поэт с пристальным вниманием следит за состоянием души. И душа, и мысли, и дела — все должно быть

подчинено главному: художественной и, стало быть, жизненной правде.

Творчество Андрея Дементьева совпало с бурным, разноречивым развитием нашей поэзии. Выражение «поэтический бум» прочно вошло в арсенал не только критиков и литературоведов, но и социологов. Поэзия лидировала, владела умами, была мода на поэзию, как ни парадоксально это звучит сейчас. «Эстрадики», которым казались малы и самые большие залы, и гигантские чаши стадионов, и громады городских площадей, оттесняли «тихие», но непреклонные лирики и традиционалисты, которых уже подливали «метафористы». И нередко случалось, что и среди тех, и среди других вдруг оказывались одни и те же имена. Таких, кто постоянно, любой ценой хочет быть на гребне, всегда достаточно... Андрей Дементьев не рвал связок, стараясь перекричать других, не переходил на невнятный шепот, не изумлял читателя сногшибательными сравнениями, смысл в которых мож-

но отыскать, только принудив себя сделать это... Хотя и дарования, и мастерства вполне хватило бы, чтобы преуспеть во всем. Но поэт настойчиво и целеустремленно говорил своим голосом. Он верил: чтобы быть услышанным, надо говорить свое и по-своему. Он убежден: правду можно сказать только своим голосом. Только вложив в стихи свою боль, пережитое тобою. Тогда твоя правда дойдет до людей. А заимствованные приемы, искусственно нагнетаемые эффекты тут, в этом важнейшем для него деле, не нужны и, более того, безнравственны.

*Вы все о высших проявлениях духа?
Хоть жизнь сложна, для вас загадок нет.
Поэзия, как мудрая старуха:
Что ни вопрос — уже готов ответ.*

*Вы все о высших проявлениях духа!
Мне вашу бы премудрость одолжить.
Но к чьим-то болям сердце станет глухо.
Как рядом с горем безмятежно жить?!*

Еще в 1944 году Б. Пастернак писал: «Неумение найти и сказать правду — недостаток, который никаким умением не покрыть».

Андрей Дементьев не боится говорить прямо, без поэтических иносказаний и лирического тумана. Он хочет быть понятным и услышанным, он верит: о том, что действительно волнует, нужно говорить открыто. Так, чтобы боль его сердца стала болью других.

*А прораб был на диво холерный.
Руки в брюках, не замозолены.
— Ну-ка, бабоньки! Раз-два, взяли! —
И совсем ничего — во взгляде...
...Среди них он здесь вроде витязя...
Ну, а женщины — это ж сменщицы,
Не врачи, не студентки ГИТИСа,
Даже вроде уже не женщины,
А простые чернорабочие,
В сапожищи штаны заправлены.
А что камни они ворочают,
Видно, кто-то считает правильным.*

Поэт прежде всего волнует правда, его стихи почти лишены каких-либо метафорических изысков. Истоки такого стиля, называемого автологическим (то есть почти полностью исключая метафоры), стиля, который использует простоту выражений, употребляет в поэтическом произведении слова в их прямом, непосредственном значении, восходят к народной поэзии. Им мастерски пользовались и наши классики: Лермонтов в «Завещании» («Наедине с тобою, брат, Хотел бы я побыть...»), Некрасов, Пушкин, Блок. Прием автологии поэт достигает особой реалистичности, его цель — не исказить правду.

Поэт забывает, когда он начинается как поэт. Кажется, он был им всегда, — говорит Андрей Дементьев. — Поэзия живет в каждом человеке. Он носит ее в себе, порой даже не замечая, что она в его душе. А кто-то замечает, потому что она начинает переполнять его. И это новое для него ощущение захлестывает и заставляет взяться за перо. Он

того, к чему призван. Быть может, не все знают, что в юности стихи писали и Мопассан, и Толстой...

Есть нечто утешительное, например, в признаниях Ярослава Смелякова, который рассказывал, что стал известным поэтом потому только, что продолжал писать стихи, тогда как многие его друзья по институту уже к тридцатилетнему возрасту перешли на прозу. А он только к сорока годам смог написать такие стихи, которые были замечены. И хотя понимаешь, что это не совсем так, но как-то спокойнее от сознания, что у каждого поэта (и, наверное, у каждого человека) свой счастливый возраст, свой звездный час.

— В двадцатом веке, считаю, было два гения — Блок и Есенин. К разряду выдающихся отношу Маяковского, Заболоцкого, Пастернака... Блок и Есенин — это были открытия. Но жизнь продолжается, и оценка творчества того или иного поэта может измениться...

«Его верность характеру, — писал о Дементьеве Андрей Вознесенский, — редка в наши зыбкие погоды. «Я ненавижу в людях ложь» — для него не стихотворная фраза, а путь жизни. Это чувствует аудитория. Он весь светится при виде чужой удачи — такая самозабвенная радость нечаста сейчас».

«Аудитория чувствует...» Как важно, чтобы поэтическое слово было услышано, понято. Аудитория для поэта то же самое, что для актера зрительный зал. Сколько угодно можно выучивать роли, прокручивать их дома, на репетициях. Но только на сцене, только в общении со зрителем рождается спектакль. «Ведь мы актеры не для потомков», зритель — соучастник, а нередко и сорежиссер спектакля. Андрей Дементьев чутко прислушивается к слушателям. Он нетерпелив, часто читает свои только что написанные стихи по телефону друзьям, читает дома близким и внимательно ловит реакцию, стараясь поймать впечатление, которое произвели стихи. Понятна ли мысль, достигло ли цели то, что особенно дорого поэту?

— Я доверяю первым слушателям, — рассказывает Дементьев, — по ним проверяю первую реакцию, проверяю, получились ли стихи. Часто из-за этого рискую, потому что не могу удержаться и читаю на ответственных литературных вечерах, на большой аудитории стихи неотлежавшиеся, в которых еще, быть может, надо что-то поправить, изменить. Я не пишу стихи за столом. Они приходят неожиданно. «Стихи не пишутся — случаются...»

Как противовес несправедливости, неискренности, как хранитель чистоты, душевной цельности живет в поэте его память о детстве: «Мы что-то утратили в жизни своей, по-прежнему дети нас учат добру».

*Мы не похожи на своих детей.
Как жаль,
Что на детей мы не похожи.
Они не просто трижды нас моложе, —
Они честней наивностью своей.*

И, может быть, самое страшное для него — крушение юной души.

*Уходит женщина от счастья.
Уходит от своей судьбы.
А то, что сердце бьется чаще, —
Так это просто от ходьбы.
Она от сына отказалась.
Зачем он ей в семнадцать лет!
Не мучит страх ее и жалость.
Лишь только няни смотрят вслед.*

Особый разговор о песнях Андрея Дементьева. О песнях, написанных в содружестве с самыми известными нашими композиторами, о песнях, исполняемых самыми популярными певцами... Но все же самое дорогое в них для поэта — то, что их поют люди, что они звучат не только в концертных залах и студиях — в жизни... И объяснение тут одно: поэт работает над ними столь же истово и серьезно, как над стихами, не делая себе послаблений, не утешая себя иллюзией, что музыка и мастерство исполнителя станут теми подпорками, которые «вывезут» и не лишат крепко сработанный текст. Люди имеют право на хорошие песни. Они должны петь хорошие песни.

— Пока пишу песню, музыка все время звучит во мне. Я прокручиваю мелодию до ста раз, вслушиваясь, какая тема к ней подходит. На это уходит очень много времени. Слова, как правило, приходят неожиданно, чаще всего ночью. Утром я их записываю. Если не успел записать — что-то отвлечло, — они «забываются». Приходится ждать, снова искать...

Некоторые композиторы считают, что слова для песни не так уж важны. Важны одна-две поэтические фразы, которые и запоминают слушатели. Что ж, одна-две фразы — это квинтэссенция стихотворения, это поэтическая мысль, заключенная в образе, который найти труднее всего. Без поэтической мысли я не

РЕКОМЕНДУЕМ МОЛОДОМУ ЧИТАТЕЛЮ КНИГИ АНДРЕЯ ДЕМЕНТЬЕВА

Боль и радость. Стихи и поэмы. М., «Московский рабочий», 1973.
Первый ученик. М., «Малыш», 1973.
Рядом ты и любовь. М., «Молодая гвардия», 1976.
Рождение дня. Книга стихов. М., «Советский писатель», 1978.
Азарт. Книга лирики. М., «Советский писатель», 1983.
Избранное. Стихи, песни, поэмы. М., «Художественная литература», 1985.



представляю стихотворения. Это будет одно формо-творчество. Те поэты, которые предпочитают одни только звуки, мне кажутся бесхребетными.

«Нельзя разменивать смысл на звуки» — не помню, кто это сказал, но полностью согласен с этими словами. Конечно, стихи — это настроение, музыка, ритм, но в основе лежит поэтическая мысль. Именно она волнует. Несомненно, в песне должны быть ударные строки, которые выражают суть стихотворения. Вслушайтесь в начало старой песни: «Эх, дороги, пыль да туман, холода, тревога да степной бурьян...» Это удачно найденная фраза, которая выражает все настроение стихотворения. Она прекрасна тем, что оставляет нам пространство для домысливания темы. Остальные строчки только добавляют, расширяют найденное в первой фразе. Композитору важно, чтобы были найдены те слова, которые делают песню произведением искусства. Трудность заключается еще в том, что создатели песни должны уловить не только определенное состояние души, но и ухватить, выразить дух времени. А выразить время — значит сказать правду о нем. Иные пути бесплодны...

*Никогда не жалеете о том, что случилось,
Иль о том,
Что случиться не может уже.
Лишь бы озеро вашей души не мутилось
Да надежды,
Как птицы, парили в душе.
Не жалеете своей доброты и участия,
Если даже во всем вам —
Усмешка в ответ...*

В духовной и душевной твердости и последовательности стихов Андрея Дементьева, которая кому-то могла казаться монотонной, в последних книгах открыто проявились такой азарт и увлеченность, готовность идти на риск и искренняя взволнованность, такое увлечение жизнью, тревогами, сомнениями и радостями современников, что невольно оглядываешься и вокруг, и на себя с вопросом: а почему же мы так порой легкомысленно не находим интереса в цельности, а увлекаемся раздвиганностью? Почему непостоянство, и — что самое важное — не только внешнее, но и внутреннее, улавливающее чутко самое модное поветрие, представляется нам порой более привлекательным и интересным, более искренним, чем умение стоять на своем, отстаивать дорогое тебе и многим поколениям людей?.. Это еще один из серьезнейших уроков последних книг Андрея Дементьева.

Поэзия Андрея Дементьева убеждает, что он остался верен юношескому порыву к добру и свету, он не устал, не отступил, он с тем же азартом и страстью борется за то, что ему дорого, радуется вместе с теми, кому хорошо, утверждает чувства и мысли, в важность и необходимость для жизни которых он верит.

*За все несправедливости чужие
Несу вину сквозь память и года.
За то, что на одной планете живы
Любовь и боль,
Надежда и беда.*

Его поэзия одухотворена пронзительной, порой ломающей звук, но возвышающей голос художника правдой.

РОТЫ

пытается выразить это в строчках. Остальное зависит от таланта. Я начал писать довольно рано, но как бы неосознанно. Только позже понял, что надо быть строже к себе, ответственнее, что работа поэта — это работа в полном смысле слова. Теперь, когда работал над сборником, из юношеских стихотворений включил в него только два (одно из них было написано в десятом классе), а когда-то стихи тех лет составляли целую книжку... Нельзя все, что написал, нести на люди. Только то, что нужно людям, только то, в чем выложился до конца. Гоголь, написав в юности поэму «Ганц Кюхельгартен», потом отказался от нее, хотя в ней, несомненно, присутствовал талант. Присутствовал, но Гоголю этого было мало... Только гений в поэзии раскрывается сразу. Уже в ранних, даже детских стихах Пушкина и Лермонтова видны признаки гениальности. Но это относится к гениям, опыт же даже выдающихся поэтов говорит о другом, о том, что путь художника сложен и не всегда он начинает его с

МОЖЕТЕ НА МЕНЯ ПОДЛОЖИТЬСЯ

1

Теплым майским утречком меня выгнали из дому.

Но сначала мне рассказали, кто я такой. Ковыряя остывшую яичницу, я узнал, что не отношусь к числу людей, которым стоит заводить семью. Оказывается, семью надо содержать! А я вместо этого содержу свою машину, которая все время ломается, жрет уйму денег и от которой никакой пользы, потому что она или в ремонте, или я мотаюсь на ней неизвестно где, забыв о семье. Тут бы мне самое время не удержаться и спросить Нину, что же она все-таки понимает под этим словом: только себя самое или еще и нашего кота Тимошу? Но я удержался.

Нина между тем развивала тему. Я услышал, что настоящий мужчина не имеет права зарабатывать столько, сколько я, заставляя молодую привлекательную женщину биться в тисках нужды — представьте себе, она выразилась именно этими словами! Машину — единственное, что у нас есть, — и то подарил отец! Где роман, начатый три года назад? Где договор с издательством на книгу очерков? Нормальные журналисты бегают с утра до вечера по журналам, беспреданно ездят в командировки, пишут очерки о хороших людях. (Боже, откуда у нее подобные представления!) И только такие, как я, могут две недели носиться по городу ради какой-то полууголовной истории, чтобы потом создать очередной шедевр и получить гроши. Все мои возражения давно известны, так что я могу молчать.

Я и не собирался ничего говорить. Я пережевывал сухую недосоленную яичницу и думал, до чего мне, столько раз принимавшему участие в чужих семейных драмах, неохота участвовать в своей собственной.

Конечно, я мог бы пожелать Нине, чтобы тот тип, с которым я видел ее возле магазина «Подарки», провзвизывая третьего дня по улице Горького, оказался настоящим мужчиной. Из тех, кому стоит заводить семью. Но промолчал: не дай бог, еще подумает, что я за ней слежу.

Вместо этого я дождался момента, когда Нина на секунду остановилась, чтобы набрать воздуха в легкие, и спросил самым будничным тоном, на какой был способен:

— Ты погладила мне голубую рубашку?

Она посмотрела так, как на моей памяти смотрела лишь однажды: когда ей позвонили и сообщили, что она не прошла по конкурсу в симфонический оркестр. Жена у меня, видите ли, арфистка, их на всю Москву надо не больше двадцати, и место освобождается нечасто. Только тогда, положив трубку, она смотрела в стенку, а теперь вместо стенки был я.

Больше она не сказала ни единого слова. Когда я зашел в комнату, она укладывала мои вещи в «дипломат»: носки, рубашки, платки. Я сходил в ванную и принес зубную щетку и бритвенные принадлежности. Уложив и это туда же, она демонстративно звонко щелкнула замками. Потом отнесла портфель в прихожую, поставила около двери и закрылась на кухне.

Я вздохнул, оглядел напоследок комнату, в которой прожил как-никак четыре года, и вышел вон.

Все шло к тому последнее время, но, насколько я мог судить, выезжая из нашего вечно разбитого, испещренного ослинами двора, взрыв не намечался на сегодня. Вероятно, критическая масса была достигнута внезапно — в 7 часов 10 минут утра.

Наша, с позволения сказать, семья, а моя безработная жена особенно, любит (или теперь уже надо говорить «любила»?) посылать подольше. Поэтому телефонный звонок в такую рань явился достойным началом того, что за ним последовало. Звонил Кригер.

— Как хорошо, что я тебя застал! — Его дребезжащий тенорок ни с каким другим спутать было невозможно. — Ты уже убегаешь?

Я ограничился тем, что сказал «нет», хотя мне хотелось сказать гораздо больше.

— Я послал тебе письмо! — закричал Кригер мне в самое ухо. Его покойница жена к старости стала плохо слышать, и он приучился все время орать, особенно по телефону. Мне показалось спростось, что сама трубка дребезжит у меня в руке. Я отодвинул ее подальше. — Ты получил мое письмо?

Вчера в отделе писем мне действительно передали его, но я собирался звонить Кригеру только сегодня.

— Да, Эрнст Теодорович, — сказал я, стараясь приглушить голос.

— Что? — закричал он. То же, что ли, стал глухнуть, подумал я с досадой и, отчаявшись, сказал громче:

— Да! Я вам позвоню попозже, ладно?

И, не дожидаясь ответа, положил трубку.

Нина лежала рядом с открытыми глазами. Лицо у нее было мученическое.

— Почему? — сказала она. — Почему твои приятели позволяют себе звонить, когда им вздумается?

— Это не приятели, — обреченно ответил я. — Это Кригер. Мой старый школьный учитель.

Я сделал ударение на слове «старый».

Нина села на постели. У нее был сосредоточенный вид человека, нашедшего наконец последний аргумент в трудном споре. Я уже знал, что она сейчас скажет.

— Тем более! — сказала она.

2

В коридоре редакции первым, с кем я столкнулся нос к носу, был наш ответственный секретарь и мой непосредственный начальник Глеб Завражный. Я люблю Глеба, а Глеб любит меня, но при этом между нами нет ничего похожего на дружбу. Глеб любит во мне хорошего работника, я в нем — хорошего начальника, он знает, что я постараюсь ни в коем случае не подвести его, я знаю, что он, будет надо, прикроет меня грудью. Нас обоих очень устраивает, что так сложилось. Мы помним, что в таком месте, как газета, где все время что-нибудь случается, дружба с начальством есть постоянное ее испытание. А нам всяких испытаний хватает и без этого.

Вообще же Глеб — мужик добрый, очень работающий, вот разве только излишне светлый.

— Наконец-то! — закричал он так, будто тут, в коридоре, ждал меня с раннего утра. — Зайди. Ты мне нужен.

И помчался в свой кабинет.

Здесь мы расселись: я — в мягкое низкое кресло у журнального столика, он — на вращающийся стул за своим рабочим столом, заваленным бумагами, и Глеб сразу стал вертеться туда и сюда, перебирая эти бумаги.

— Сейчас... — бормотал он. — Сейчас... Зачем-то ты был мне нужен.

Я терпеливо ждал. У ответсека в нашей суматошной конторе адская работа. Он планирует номера, дает задания отдела, читает, на ходу правя, все материалы, засылает их в наборный цех, размечает гонорар, делает еще тысячу разных мелких, но необходимых дел, и по каждому из них встречается, беседует, ругается с массой людей, так или иначе причастных к этому ежедневному фокусу — выпуску газеты. Так что если он хотя бы помнит, что я ему нужен, — уже удача.

Наконец Глеб протянул мне конверт.

— На, читай. Очередная «телега» на тебя.

У меня упало сердце.

Сколько лет работаю в газете, а все не могу привыкнуть к «телегам». Да, наверное, никогда и не смогу. При этом слове сердце у меня каждый раз вот так же ухает, а в животе появляется неприятное чувство: то ли холода, то ли голода. Иногда жалобы приходят лично. Бывает, приводят с собой родственников, друзей, представителей общественности, целые, как выражается Завражный, «телегачи».

С первых строк я понял, что пишут по поводу моего последнего судебного очерка. Я провозился с ним больше

месяца. А история такая. Восьмого марта в общежитии электротехнического техникума два третьекурсника хотели выпить за Женский день непременно в женском обществе. Но ни в одной из комнат, где жили девушки, взаимопонимания не встретили: оба в этот день уже немало выпили в мужской компании. Наконец, они попросту принялись ломать дверь — в разных объяснительных и докладных это будет называться потом шалостью. На шум вышел в коридор первокурсник, здоровенный парень из сальской местности. Он просто взял шалунов, вывернул им руки, отвел к выходу на лестницу и легонько пнул под зад. Вокруг вопроса о правомерности его действий развернутся впоследствии такие дебаты, что не столь уж значительным представится то, что было через полчаса. Шалуны вернулись, прихватив с собой троих тоже очень шаловливо настроенных приятелей. Один из них вызвал первокурсника на лестницу, там на него набросились и здорово измолотили: разбили в кровь губы, вышибли зуб, подбили глаз, насажали синяков и кровоподтеков на ребрах.

История грязенькая. Но сама по себе она бы меня еще не заинтересовала. Интересно мне стало, когда я узнал, что было на следующий день. А на следующий день в общежитии было собрание.

Бог ты мой, сколько уже до меня писано было и говорено про этот самый «сор», который то ли надо, то ли не надо выносить! И сколько будет после. А я все завожусь и завожусь в каждом конкретном случае. В общем, на собрании двум главным шалунам дали по строгому выговору с предупреждением, а троим привлеченным — просто по выговору. Формулировка была такая: за то, что не разобрались в обстановке. Оно, конечно, разобраться им было мудрено: все пятеро были «в стельку». Я так прикинул, что с точки зрения Уголовного кодекса это соответствовало примерно вот чему: шалунам — года по четыре, а тем, неразобравшимся, — по три. Но самое пикантное состояло в том, что они и первокурснику умудрились на том собрании «строго указать»: что вывел хулиганов — молодец, а вот пинка под зад давать не следовало, с пинка, может, все и началось. Обиделись мальчишки...

Но и на этом дело не кончилось. Стали тут на нашего первокурсника давить все кому не лень, даром что у него еще садины не подсохли. От администрации кто-то из кураторов, из комсомольского бюро, просто доброты. Тут все шло в ход: «лицо техникума», «переходящее знамя», «тебя сюда приняли, так неужели ты...», «учти, тебе здесь еще учиться», ну, и так далее. Короче, никуда не ходи и писем никаких не посылай.

Парень оказался по-крестьянски крепкий. Но молодой все-таки. Послушал-послушал, потом плюнул, пошел к директору, написал заявление, забрал документы, сгреб манатки и отбыл в родную деревню в Тульской области. Письмо в редакцию написали девушки из той комнаты, куда ломились хулиганы.

Когда я приехал в техникум, там уже про все забыли. Долго не могли припомнить что к чему. Кто-то там с кем-то не поладил, да? И ребята помахали руками? Но ведь, кажется, наказаны уже все? Э, так не годится, зачем ворошить? Я разворочил и увидел вещи удивительные: ни один из пятерых не только не раскаялся — даже ничего не понял!

Публицистический пафос напрасливался сам собой: вот злонаравия достойные плоды! Вот результат практической безнаказанности! Вот он, сор, не вынесенный вон! Но дело обстояло хуже. Сор не просто лежал себе в углу, он прел тихонько, он гнил и уже давал запах. Из беседы с теми пятерыми я узнал о том, как хулиган-первокурсник, здоровенный детина, грубо оскорблял и даже пинал ногами их товарищей, мирно пришедших поздравить девушек с праздником. Как подошедшие трое других стали укорять его, требовали прекратить хулиганить, он бросился на них, и тогда им пришлось защищаться. Самое непостижимое: они, кажется, действительно в это поверили. Ну, или скажем так: почти поверили. Отчего ж не поверить, если тебе от этого будет лучше?

Я своими глазами увидел, как это происходит. За немногими исключениями, те в техникуме, кто еще что-то помнил об этом деле, представляли его себе именно так. Сомневаться не приходилось: поглядите, кто остался учиться в столице, а кто с позором убрался вон!

Их губила наивная вера в то, что не так важны сами факты, как важна оценка. Наивная вера, да не всегда обоснованная, к несчастью. В недрах протоколов мне удалось найти те самые факты от девятого марта и другие. По свежим следам там все было написано как есть. А оценки у меня имелись собственные.

Пришлось прокатиться и в Тульскую область. Был бывший первокурсник оказался действительно неплохим парнем. Синяки у него сошли, осталась одна глухая обида. Я ему кое-что растолковал.

А потом я написал очерк, очень злой, и его напечатали. Хотя я знаю, что редактору звонили из техникума. И первый ответ на него мы уже получили — из прокуратуры. О том, что по нашему выступлению факты проверены и возбуждено уголовное дело.

Я стал читать письмо.

«Поведение, недостойное советского журналиста...» Это, вероятно, обо мне. Так чем же я достоин? «Обманным путем, минуя руководство техникума, получил у технического сотрудника документы служебного назначения...» Ну уж обманным! Я представился тетке — комендантше общежития и попросил показать мне папку с протоколами собраний студсовета. Она не спросила, зачем мне это нужно, а сам я не стал навязываться. А что минуя — это да, это грешен. То есть

потом я, конечно, побывал у директора, но вот дал бы он мне так же легко ту папочку, нет ли—это бабушка надвое сказала...

Читаем дальше. «Борзописец...» Так, понятно. Где же факты? Ага, вот! «... который не курит и никогда не курил». И еще: «... никакими грамотами за подписью секретаря комитета комсомола техникума не награждался». А это резюме: «Этими и многими другими неточностями изобилует заметка корреспондента И. Максимова. Но дело, разумеется, не в них! Страшно, что подобной недобросовестностью грешит сама интерпретация автором событий, он извращает, а кое-где и прямо подтасовывает факты». Дальше в том же духе.

Да, на том жидком материале, за который они вообще смогли уцепиться, составлено было грамотою. Даже, пожалуй, слишком грамотно, напоминает самостоятельность, которую можно увидеть в кино. Похоже, они успели обзавестись адвокатом.

Работают точно: если в критическом материале обнаружится хоть одна, пусть совсем маленькая ошибка, можно постараться свести на нет всю статью. Это я усвоил давно, с тех пор, как на заре туманной юности написал про девушку, которая пришла в компанию и так там себя вела, что из-за нее приключились скандал и драка, кончившиеся ударом ножа. Так вот, у меня было сказано, что с ней пришел «молодой человек, кажется, даже жених». Что тут началось! Сто писем в разные инстанции: мы ославили несчастную девушку, а мой «жених» не жених вовсе, он давно женат, но теперь вынужден разводиться... Все это был в основном треп, но цель оказалась достигнута, про суть дела забыли, и отбиваться пришлось теперь уже нам. Вот тогда я завел себе правило: все факты, даже самые незначительные, выписывать на бумажку и вычеркивать по мере проверки.

Итак, что там у них? Я написал, что мой первокурсник незадолго перед дракой спокойно курил в обществе таких же, как он, трезвых товарищей на той самой лестнице. И второе—насчет грамоты. Оба факта имелись в моей бумажке. И оба были зачеркнуты. Парень рассказывал мне, что действительно не курит, но иногда может подымыть, не затягиваясь, если за компанию. Это подтвердил и его бывший сосед по комнате. «Грамоту за хорошую работу на картошке», подписанную секретарем комитета комсомола, я держал в собственных руках. Только комитет был не техникума, а совхоза, где студенты работали. Как говорится, чур, не моя ошибочка!

— Ну что? — спросил Глеб с беспокойством, когда я отложил письмо. Он тоже знает, что такое ошибка в судебном очерке.

— Ерунда, — сказал я. — Все в порядке.

— Ну, слава богу, — сразу повеселел он. И перешел с места в карьер: — Ты чем сейчас занимаешься?

Я вспомнил о письме Кримера.

— Есть тут одно дельце...

— Интересное?

— Пока не знаю.

— А к следующему воскресенью не успеешь дать хороший кусок? У меня дыра.

Завражный всегда говорит, что у него дыра. Но если я не сдам ему «кусок», газета все равно выйдет. Просто ответсек должен быть записан.

— Попробую, — сказал я, вставая. Такое обещание ни к чему меня не обязывало.

— Попробуй, — сразу согласился Завражный и углубился в свои бумаги.

И, только выйдя из его кабинета, я вспомнил, что меня сегодня выгнали из дома. Надо решить, где ночевать. Впрочем, я знал, к кому обратиться.

3

В тесной комнатке нашего фотокора Феликса Громова, как всегда, было не повернуться. Двое литсотрудников из сельского отдела азартно играли в настольный футбол. Кротов, заведующий школьным отделом, судил. Сам Феликс сидел на высоком табурете перед своим столом, засыпанным фотографиями, как осенняя мостовая опавшими листьями. Перед ним стояла незнакомая мне девушка. Феликс недовольно ей выговаривал, перебирая в руках карточки.

— Ну почему они у тебя стоят, как на митинге, все в ряд? Я тебя посылаю сделать мне репортаж, а что ты принесла? Знаешь ты, что такое ре-пор-таж? Не можешь поймать подходящий для съемки момент — организуй его! Мне нужна картинка из жизни, а не открытка «на память об отдыхе в солнечном Геленджике!»

Я остановился в дверях.

— Здорово, Игорек, — бросил мне Феликс, все еще хмурясь. — Вот женщина-фотокор, виданное ли дело! Прислали, понимаешь, на стажировку.

Женщина-фотокор совсем, похоже, не была напугана Феликсовым разномом. Наоборот, она улыбалась. На вид ей было года двадцать три, не больше. Мальчишеская фигура, и одевается по-мальчишески: джинсики, куртка на «молнии». Лицо мелкое, с остренькими чертами, а глаза большие и серые, стрижена коротко. Короче, осмотрев я остался доволен. Я решил, что мне сейчас самое время обращать внимание на молоденьких женщин. Пусть даже фотокоров.

Феликс презрительно бросил фотографии в общую кучу и повернулся ко мне.

— Что нового?

Я замалел. Меня смущало присутствие посторонних.

— Как тебе сказать, — начал я. — Помнишь, у тебя за шкафом стояла раньше такая раскладушка, она еще жива?

Феликс радостно хлопнул меня по спине.

— Опять тебя Нинка выгнала! Ну хоть на этот раз окончательно?

Я укоризненно посмотрел на него. Все-таки есть что-то неприличное в том, что жена выставляет тебя за дверь.

— А, ерунда! — Феликс — холостяк с большим опытом. Он говорит, что женится на той, которая объяснит ему, зачем вообще надо жениться. — Вот тебе ключ, где что лежит, ты знаешь. Бudeшь в городе, купи какой-нибудь еды.

Навстречу мне по коридору шла, тяжело ступая, секретарша редактора Нора Яковлевна. Это не женщина, а дворец. Посторонние, попав к нам впервые, принимают ее за начальство, но говорят, тридцать пять лет назад это была стройная, тихая девочка. Она пережила одиннадцать главных редакторов.

— Максимов, — сказала она мне, слегка отдуваясь, — я тебя иду по всей редакции. Тебе третий раз звонит какой-то гражданин. Иди в приемную, он ждет у телефона.

Это, конечно, был Кример.

— Мой мальчик, мы как-то не договорили с тобой утром. Я тебя случайно не разбудил?

В голосе его была тревога.

— Нет, что вы, все в порядке, Эрнст Теодорович, — ответил я, прикидывая, как бы это деликатно сказать ему, чтобы он больше не звонил по тому телефону.

— Так ты можешь ко мне приехать? В письме я не стал всего писать, а с тех пор выяснилось, что дело гораздо хуже. Гораздо хуже! Мне нужно, чтобы ты приехал немедленно. Я могу на тебя положиться?

Я подумал, что его выражения так же архаичны, как он сам.

— Можете, Эрнст Теодорович. Вы дома?

— Да, да! Все время дома. Разве только спущусь за газетами. Жду тебя!

Я пошел в свой кабинет, сел за стол и еще раз перечитал письмо Кримера.

«Мой мальчик! Я надеюсь на твою помощь. Один из моих бывших учеников (ты знаешь, я теперь на пенсии, но кое-кто из ребят меня навещает) попал, кажется, в дурную компанию. Ужасно, потому что это школьник, сын вполне приличных и интеллигентных родителей, весьма одаренный молодой человек. Я хорошо знаю его и вначале даже отказывался верить, но факты убедили меня. Боюсь, здесь дело не обошлось без каких-то весьма и весьма нехороших людей. Если ты и твоя газета сможете помочь, это будет святое дело. Подробности расскажу при встрече. Позвони мне, мой мальчик!»

Кример жил в районе Колхозной, рядом со школой, в которой работал, где учил меня и десятки, и сотни таких же «мальчиков» и «девочек». Несколько лет назад, когда его дом, так же как когда-то и мой, собирались снести, он получил вместе с женой однокомнатную квартиру на самом верху шестнадцатизатяжной башни, одной из тех, что строились на месте наших прежних развалюх. Некогда и я приложил кое-какие усилия, чтобы помочь ему добиться этого: старику предлагали переехать в новый район, но он категорически отказывался расстаться со школой, в которой проработал почти тридцать лет, и в итоге мы пошли, наконец, навстречу.

Я остановился прямо перед подъездом, вызвав заметное неодушевленное у старушек на лавочке, решил уважить старушек и отогнал машину в сторону.

Взбежав по ступенькам, я догнал женщину с двумя сумками и галантно придержал ей дверь. В ту же секунду буквально у меня под рукой промывнули двое мальчишек лет по десять и опретью бросились вверх по лестнице. Я видел, как один из них нажал кнопку лифта, двери распахнулись, оба с грохотом ввалились в кабину и уехали.

Вслед за женщиной, которая бормотала что-то о нынешней невоспитанной молодежи, я поднялся на площадку и нажал кнопку второго лифта, но она выскочила обратно.

— Этот не работает, — сказала женщина, устало ставя сумки на кафельный пол. — С одним целую неделю мучаемся. Все обещают да обещают...

На световом табло зажглись цифры. Лифт шел на самый верх: 13, 14, 15... Наконец, зажглась цифра 16.

Я подумал, что нет хуже без добра. При отсутствии второго лифта мне никак не удастся разминуться с Кримером, если даже ему именно сейчас взбредет в голову пойти за газетами.

— Кнопку нажми, — попросила женщина.

Задумавшись, я действительно забыл об этом и сейчас протянул руку, но уже не было нужды: лифт сам двинулся вниз. 15, 14, 13...

Подошла еще одна женщина, тоже с сумками.

— Поместимся все? — весело спросила она.

— Поместимся, — бодро ответила ей первая.

Я отошел в сторону, пропуская их вперед. Двери распахнулись. Женщины шагнули было в проем, но замешкались. Они почему-то смотрели на пол, но из-за их сумок я не видел, что там такое. Тут они обе стали вдруг пятиться и расступились. Но, прежде чем двери начали автоматически закрываться, я увидел на полу человека с неестественно вывернутой шеей. Старого моего учителя.

В последний момент я успел сунуть ногу между дверями. Жест этот выглядел дико, но достиг цели. Сработала автоматика, двери раздвинулись.

— Инфаркт, наверное, — сказали за моей спиной.

Народ в подъезде прибывал. Неловко толкаясь, удерживая все время норовящие закрыться двери, мы вынесли старика из лифта и положили на пол. Одна из женщин сунула ему под голову сумку, но он вряд ли уже в этом нуждался.

После короткого совещания мы позвонили в ближайшую квартиру, перенесли Кримера туда и положили на диван в кухне. Вызвали «Скорую». Какие-то люди входили и выходили. Для меня уже не было сомнений, что Кример мертв. Но врач со «Скорой», подняв безжизненную руку, пощупав пульс, приоткрыл веко.

— У него было больное сердце, — тихо сказал я.

— Посторонних попрошу выйти, — не оборачиваясь, произнес врач, а фельдшер, приехавший с ним, сделал такое движение, будто хотел обнять всех нас сразу, и зашептал: «Выходите, выходите, доктор сердится».

Мы вышли. Через несколько минут вслед за нами выскочил фельдшер и скорым шагом понесся к машине.

Я снова зашел в квартиру и приоткрыл дверь на кухню. Врач стоял у окна и курил. Я кашлянул, он вопросительно повернулся. Я показал ему свое удостоверение и несколько путано объяснил, что ехал к покойному по делу, но вообще я его старый знакомый.

Врач, довольно молодой парень, небрежно повертел в руках мой документ. Потом окинул меня оценивающим взглядом.

— Это не инфаркт, — сказал он.

Я промолчал, ожидая продолжения.

— Это колющая рана. Проникающее ранение грудной клетки в области сердца.

Затянувшись напоследок, он выкинул окурочек в форточку. И уточнил:

— В самое сердце. Думаю, смерть наступила мгновенно.

4

До Феликса я добрался только поздно вечером. Я так устал, что, остановившись у его дома, долго не мог собраться с силами и выйти из машины. Сидел и тупо прокручивал в голове обрывки сегодняшних событий.

Для одного дня впечатлений было больше чем достаточно. Множество однообразных интервью, данных разнообразным милицейским чинам, количество которых, переходя в качество, непрерывно росло. Потом поездка в морг, куда раньше уже отъезжали Кримера, для опознания. Оперуполномоченный с Петровки, который ездил со мной, извинялся, говорил что-то о формальности, но был тверд.

— Понимаете, — объяснял он, — у него же нет никаких родственников.

Как будто это не я сообщил им, что родственников у Кримера нет.

Тело лежало в прозекторской на оцинкованном столе, покрытое простыней. Меня попросили подойти ближе. И вдруг в голове моей мелькнула дикая мысль, что на самом деле никакая это не формальность. Что меня привезли опознавать Кримера, а это не он. Потому что кому могло понадобиться прятать милого, доброго, беззащитного учителя на пенсии острым предметом в большое сердце?

Санитар откинул край простыни. Это был Кример.

Потом мы поехали на Петровку, и там я опять повторил свои показания, теперь уже в письменном виде. Оперуполномоченного, который всюду меня сопровождал, звали Николаем Суховым. Он сказал мне, что, видимо, ему придется заниматься этим делом. Я заметил, что работа свидетеля показалась мне очень нелегким занятием, и спросил, нужно ли еще что-нибудь от меня. Не моргнув глазом он ответил: да! Он хочет, чтобы завтра с утра я вместе с ним подъехал домой к Кримеру. У меня уже не было сил возражать, и я согласился. Он дал мне номер своего телефона и, наконец, отпустил.

С Петровки я заехал в редакцию. Там уже почти никого не было, кроме дежурных по номеру. Только в скупо освещенном коридоре слонялся Валя Протасов, конкурирующая фирма: с тех пор как он с женой развелись, он чуть не каждый вечер ошивается в редакции допоздна.

Конечно, если соблюдать хронологию, то это меня следует называть конкурентом Протасова, как-никак он работает в нашей конторе лет на десять больше. Когда-то он тоже, как я сейчас, бегал по городу, влезая в разные скандалы, но со временем ему все это как-то надоело. Теперь он перешел на другую систему: моральные очерки пишет из головы.

Надо признать, они у него получаются довольно ловко, а главное, гладко. Он, как и я, имеет много знакомых в судах, в прокуратуре, в милиции. Услышав какую-нибудь историю, он ее додумывает, а потом выводит мораль. Ему, конечно, гораздо легче, чем мне, он может придумать такие подробности, которые мне и не снились, дать сюжету любой поворот. И, разумеется, он застрахован от ошибок. Надо мной он посмеивается.

Но однажды у нас с ним вышел серьезный разговор.

— Что ты добиваешься? — спросил он меня. — Ну, пару мерзавцев отправил в тюрьму, одного невинного оттуда вытаскил. Ты лезешь в отношения людей и организаций, ты пытаешься навязать им свое мнение. Но поскольку ты для этого используешь газету, мнение твоё считается общественным. Ты что, действительно считаешь, что можешь говорить от имени общества?

Я ему ответил, что на мои статьи приходят официальные ответы. Газете сообщают о принятых мерах, мы публикуем эти сообщения. Разве это не поддержка со стороны общества?

Он сказал:

— А вот сие, голубчик, просто вредно. Люди видят, что справедливость достигнута тогда, когда вmeshалась газета. И думаю: а если бы не вmeshалась?

Я возразил ему, что каждый случай восстановленной

справедливости работает на справедливость вообще. А он ответил:

— Справедливость вообще — чувство. Справедливость бывает только конкретная. Но газета делается не для одного человека, не для десяти и не для ста, а для сотен тысяч читателей. И этим читателям абсолютно безразлично, насколько у тебя фамилия в статье или придуманные. Мои судебные очерки ничуть не хуже твоих, хоть я и трачу на них гораздо меньше сил, то есть работаю производительнее. Наше главное дело — воспитывать. Давать пищу для размышлений, утверждать определенную мораль, а не копаться в грязном белье. Чужой опыт никого еще от беды не спасал. Свой, впрочем, тоже. Все это глупости, будто история повторяется. История — абстрактная наука, вроде теоретической математики!

Демагог чертов. Я тогда решил не залезать в дебри.

Сегодня Протасов схватил меня за рукав и не отпустил:

— Ну что, опять влез в историю?

Я хмуро кивнул и хотел пройти мимо, но он не дал. Стал приставать, откровенно ехидничая:

— Игорец, дай сюжет, у меня творческий кризис.

— Поищи у Конан Дойля, — сказал я.

В кабинете на столе все так же лежало письмо Кригера. Сухов просил завтра привезти его с собой. Я подумал, что надо бы сейчас зайти в машбюро и попросить, чтобы с него сняли копию. Потом я взялся за телефон: мне хотелось сегодня же поставить в известность родственников и кое-кого из знакомых об изменениях в моем семейном положении.

Когда я открыл дверь в квартиру, то увидел, что Феликс еще не спит. Он сидел в кресле и читал. Моя раскладушка была разложена и застелена чистым бельем.

При виде меня Феликс отложил книгу. У него огромная библиотека, которую он собирает много лет. Она довольно специфическая: его интересуют философия, история, социология, но только не художественная литература. Я посмотрел, что он читает с таким увлечением. «Филипп Август в его отношении к городам». Боже мой!

— Хочешь супу? — спросил Феликс. — Возьми на плите.

Я выложил на кухонный стол свои покупки: сыр, колбасу. Феликс тоже пришел, достал тарелки. Я рассказал ему обо всем. Он выслушал, но от комментариев воздержался. Уже лежа на своей раскладушке и натягивая одеяло на подбородок, я полусонно спросил его:

— Феликс, ты все знаешь. Что такое история?

Он ответил:

— Философия с картинками.

С тем я и заснул.

5

Разбудила меня какая-то мысль. На грани сна и яви я все старался уловить ее и не мог.

Я сел на раскладушке с ощущением тревоги. И сразу вспомнил про то, что я теперь холостяк, про смерть Кригера, про поездку в морт.

На кухне пронзительно свистел чайник, Феликс гремел сковородками.

— Вставай, соня! — кричал он. — Яичница готова!

«Опять яичница», — подумал я. И тут мысль сама скользнула мне в руки юрким словом: как?

Как убили Кригера?

Почему-то этот вопрос не пришел мне в голову вчера. Вероятно, я просто был в некотором шоке от всего случившегося, и мне было не до него. Но сегодня он разбудил меня, и, умываясь, натягивая рубашку и джинсы, завтракая, отвечая невпопад Феликсу, я пытался найти на него ответ.

Кригер сказал, что все время будет дома, разве только выйдет за газетами. Предположим, что именно за газетами он и вышел из квартиры. Значит, старика могли убить в его же квартире, по дороге к лифту, на площадке около лифта или в самом лифте. Больше нигде.

Врач сказал, что смерть наступила практически мгновенно. Стало быть, если убийство произошло в квартире или по дороге к лифту, убийце или убийцам пришлось бы втаскивать тело в лифт. Втаскивать почти то же, что вытаскивать, а я по себе хорошо знал, насколько это неблагоприятное занятие при автоматических дверях. А потом, зачем это вообще могло понадобиться?

С другой стороны, я готов был поклясться, что, доехав до шестнадцатого этажа, лифт задержался там не больше чем на несколько секунд, а потом сам поехал вниз. И, наконец, самое главное: мальчишки!

Те самые мальчишки, которые прошмыгнули у меня под рукой, когда я галантно придерживал дверь женщине с сумками. Они плюхнулись в лифт и доехали в нем до самого верха, нигде не останавливаясь. Они должны были видеть Кригера!

Кригера живого или мертвого. Одно или с его возможным убийцей.

Вчера в своих многократно повторенных показаниях я, разумеется, упомянул и про них, но как-то вскользь, не придавая им особого значения. Позвонив Сухову, я решил ни о чем не спрашивать его по телефону. Он сказал, что с утра занят, и мы договорились, что я заеду за ним на Петровку в час дня. Потом мы с Грозовым поехали к нам в контору.

Увидев меня, Завражный даже вскопчил со своего крутящегося места.

— Ну что? — закричал он.

— В каком смысле? — спросил я, стараясь сбить его с темпа. Но это было невозможно.

— Что с материалом? Будет к-воскресенью?

Я сделал вид, что прикидываю.

— Видишь ли... — Мне неохота было рассказывать ему про все свои злоключения. — Что-то у меня пока осложняется. Завражный упал обратно в кресло.

— Режешь без ножа, — сообщил он. — Протасов стоит у меня на эти выходные, а больше ничего нет. Сходи-ка в «письма», взгляди там что-нибудь.

Я часто пошел в отдел писем, и учетчица Вера Максимовна выложила передо мной целую папку, куда складывалось все, что имело отношение к моей теме.

— Неделю не разбирал, — строго сказала Вера Максимовна. — Вон сколько накопилось. Спиши заодно все отклики.

Взяв папку, я направился к себе в кабинет, который делил на двоих с Протасовым, и стал добросовестно разбирать письма. Одни откладывал налево: на них надо было срочно ответить или, сняв копию, переслать их в милицию, в прокуратуру, в исполком и так далее. В основном это всякие жалобы, их нельзя оставить без внимания, но и темы они не дают. Другие письма я, прочитав, складывал стопкой справа. Это так называемые отклики, в которых читатели выражают свое отношение к нашим материалам: ругают, хвалят, возмущаются или благодарят. Кроме редких случаев, ответа они не требуют, часто даже бывают без обратного адреса. Но их-то я всегда читаю особо внимательно, потому что там попадают очень интересные «аналогичные случаи», благодаря которым я написал несколько острых материалов.

Письма разложились на две аккуратные стопки. Посередине не осталось ничего. Ни одного письма, которое, как говорится, «позвало бы в дорогу».

Я пошел и доложил об этом Завражному. Он поднял глаза от стола с бумагами и секунду-другую смотрел, явно не понимая, что мне надо.

— Ищи, — сказал он. — Думай. Время пока есть.

И снова углубился в бумаги.

6

Ровно в час я остановился напротив знаменитого здания, многократно описанного в детективах. Сухов вышел из проходной не один, а с товарищем, долговязым парнем в клетчатой кепке. Я подумал, что если это тоже сотрудник уголовного розыска, то он совсем себя не бережет: мало того, что виден за версту, так еще и кепочку завел, как у Олега Попова. Сухов сел впереди, а кепчатый, изломавшись, как складной метр, на заднее сиденье. Сухов называл его Вадиком.

— Кепка не мешает? — спросил Вадик, имея в виду задний обзор.

— Мне нет, — ответил я.

На этом обмен любезностями закончился. Мы поехали.

По дороге я сказал Сухову о мальчишках и спросил, что он думает по их поводу.

— Проверяется, — ответил Сухов как-то уж совсем неопределенно, и я понял, что меня поставили на место. Дескать, мой номер восемнадцатый, нужно будет, меня позовут.

У кригеровского дома он через плечо сказал Вадиду:

— Ты давай в жэк за управдомом, или кто там у них. И пусть понятия захватит. А мы пока поднимемся вверх, разведаем обстановочку.

В полумраке подъезда (в полумрачности, сказал бы я теперь) ничто не напоминало о вчерашней трагедии. Только на дверях первого лифта появилась теперь лаконичная табличка: «Ремонт».

Зато второй стоял на первом этаже. Сухов ткнул кнопку. Двери разъехались, но Сухов остался на месте. Подождать в недоумении, двери стали съезжаться, но тут Сухов сунул между ними ногу. «А?» — спросил он меня, и я согласно кивнул.

— Ну, тогда поехали, — сказал он.

В этих многоэтажных человеческих поселениях жизнь располагается симметрично по обе стороны от двух важнейших артерий: шахты лифта и шахты мусоропровода. Два коридора по четыре квартиры в каждом, и никто не обижен чрезмерным удалением от метрополитана.

— Какая, говоришь, у старика квартира? — спросил Сухов, разглядывая наши невнятные изображения в матовом стекле коридорной двери.

— 125-я, — ответил я, не сомневаясь ни на миг, что Сухов сам прекрасно знает, какая.

Одно изображение подняло руку. И не успел я ахнуть, как Сухов нажал на кнопку под номером 125.

Резкий, дребезжащий звон запыргал в мутном зазеркалье. И почти сразу, будто неизвестный только того и ждал, послышался звук открываемой двери. В коридор выпала полоска света, прошелестели легкие шаги и замерли по другую сторону стекла.

— Вы к кому? — спросил робкий женский голос.

— Мы, гражданочка, из милиции, — солидно ответил Сухов.

Осмыслив эту информацию, язычок замка удовлетворенно цокнул.

— Здравствуйте, — сказал Сухов, просовывая в образовавшуюся щель руку с удостоверением.

— Ой, заходите, заходите, — запричитала женщина и сразу повернулась к нам спиной, как будто утратив всякий интерес. — Вот ведь дела у нас, дела...

Я с облегчением увидел, что свет исходит из квартиры № 128, прямо напротив кригеровской. Мы с Суховым преследовали женщину по пятам и как-то так всей командией прошли в открытую дверь, хотя никто нас туда не приглашал. В прихожей женщина наконец повернулась, дав себя разгля-

деть. Разглядывать, собственно, было нечего: вся она походила на маленькую серую мышку с худой невыразительной мордочкой, на которой выделялись только глазки, юркие, острые, горящие.

— Кругляк Анна Тимофеевна? — спросил Сухов, демонстрируя отличную осведомленность.

— Так точно, — неожиданно по-военному ответила мышка.

Тут в прихожую открылись еще две двери, и появились толстый дядька в штанах армейского образца, в майке, перекрещенной подтяжками, как пулеметными лентами, и толстый школьник, не успевший еще снять пионерский галстук. В нем я сразу признал одного из вчерашних мальчишек.

— Кругляк Дмитрий Михайлович? — спросил Сухов, продолжая поражать эрудицией. — А это, вероятно, Кругляк Михаил?

Оба кивнули. Но Сухов уже оставил их.

— Вы что же, Анна Тимофеевна, всегда выходите, когда звонят в соседние квартиры?

Та, кажется, слегка потерялась. Забормотала:

— Так ведь... Известно же... Я думаю, кто?.. Звонок у них очень громкий! — Она нащупала почву под ногами. — Супруга покойница у них глуховата была — вот и приспособили!

— А вчера, — спросил Сухов, — в это же время вы были дома?

— Была.

— И никто к вашему соседу в дверь не звонил?

— Никак нет!

— Это точно? — настойчиво спросил Сухов.

— Ну, я-то, слава богу, не глухая! — обиделась она.

Я толкнул легонько Сухова в бок, показывая глазами на ее сына. Он сразу все понял.

— А теперь, молодой человек, — сказал Сухов, обращаясь к Кругляку-младшему, которого, как, впрочем, и старшего, вполне можно было бы назвать кругляком с маленькой буквы, — давайте побеседуем с вами.

Буквально через пять минут мы знали все. Они с Димкой Корякиным сразу после уроков побежали сюда, к Круглякам, потому что он, Мишка, поймал во дворе редкого жука — дровосека и завернул его в бумажку, а он там все время шурушал, и они боялись, что обожит, а им хотелось поскорее добавить его к Мишкиной коллекции, то есть добавить хотелось Мишке, а Корякину хотелось посмотреть, как жука будут припиливать булавкой к доске. В процессе рассказа нас пригласили в комнату младшего Кругляка и в качестве вещественного доказательства продемонстрировали всю коллекцию проткнутых булавами насекомых. Жук-дровосек действительно выглядел самым свежим экспонатом.

Так вот, на площадке шестнадцатого этажа они увидели Кригера. Кригер был один. Они вышли из лифта, а он вошел.

— Миша, — задушевно спросил Сухов, — а не заметил ты случайно, на какой этаж он нажал?

— А он не нажимал, — ответил Миша.

— То есть как это?

— Очень просто. Я сам нажал ему на первый. Нажимаешь, а сам никуда не едешь, понимаете? Я всегда так делаю, мне все соседи разрешают, спросите кого хотите.

— А что Кригер? — не выдержал я.

— Ничего, — удивился Мишка. — Улыбнулся, и все...

Я представил себе Кригера, который улыбается мальчишке-соседу, а двери автоматически закрываются перед его улыбкой.

Потом я попытался вспомнить, была ли улыбка на лице у Кригера, когда мы увидели его на полу лифта. Но не смог.

7

Пришел Вадик с двумя понятиями и элегантно, ухоженной женщиной лет сорока, которую представил нам как управдома товарища Соколова. «Товарищ Соколова, познакомьтесь...». «Товарищ Соколова, пройдите сюда...». Все это Вадик говорил с очень серьезным видом, отчего мне показалось, что его тоже забавляет этот контраст между формой и содержанием.

Мы вышли на площадку. Квартиру Кригера еще вчера опечатали, и бумажная полоска белела на двери, как стерильная повязка. Управдом товарищ Соколова с треском поддела ее лакированным коготком, и мы всей гурьбой свалились в прошлое.

Назвать иначе я это не мог. Потому что все, что было связано с Эрнстом Теодоровичем, окончательно стало теперь прошлым. Единственный сын старика, Теодор, был после войны комсомольским работником где-то в Поволжье и тогда же, в конце сороковых, умер. Марта Ивановна ушла от Кригера в небытие года три назад, оставив ему несколько коричневых от времени фотографий: девочка в кружевном кринолине, сухощавая девушка с невыразительным лицом в глухом платье со стоячим воротником, вооруженная зонтиком дама на курорте под пальмами... Эти картинки былого, окантованные ажурной жестью, составляли единственное украшение выцветших обоев на стене, свободной от книг. Я знал еще, что в побитой переездами горке из красного дерева между чайной посудой, лекарствами и разным стеклянным, хрустальным и металлическим хламом должна храниться конфетная коробка с засохшей магнолией, с некоей истершейся на сгибах запиской и другими утерявшими теперь навсегда свой смысл безделушками.

Товарищ Соколова откланялась и ушла. Понятие толклись в прихожей, а мы прошли в комнату.

— Хорошая библиотека, — сказал Вадик, подходя к полкам. — То-то родственнички обрадуются.

— Тут в основном по истории, — сказал я. — А родственников у него совсем нет, я уж рассказывал.

— Да ну? — удивился Вадик и потянул за кожаный корешок одну из книг. «Уложения царя Алексея Михайловича». Антикварная вещь!

— Не отвлекайся, Вадик, — хмуро бросил ему Сухов. — Поиди лучше на кухню, осмотрись там.

Не знаю, что хотел найти в квартире Сухов. А еще мне было непонятно, зачем он притащил с собой меня.

Сухов сидел у кригеровского письменного стола, выдвинув большой центральный ящик, и без видимого энтузиазма перебирал бумажки.

— Нашли что-нибудь? — спросил я.

Он живо ко мне обернулся.

— А что я должен искать?

Я пожал плечами, подошел ближе и встал у него за спиной.

— Погляди-ка, — сказал Сухов, — это по вашей части.

Он протянул мне стопку листков. Сухов, как видно, разделяет мнение, что человек, который работает в газете, имеет прямое отношение к литературе. В стопке были стихи. Почерк мало походил на кригеровский, да и вряд ли старик стал бы вдруг на склоне лет баловаться виршами. Просмотрев несколько страниц, я понял, что они скорее всего принадлежат какому-нибудь культурному юноше, томимому неясными чувствами. Я представил себе розовощекого акселерата, тоскующего над листом бумаги. Первое стихотворение начиналось так:

*За что же мне такая мука?
И долго ли ее терпеть?
Наука будет впрямь, наука!
Да только... будет это «впрямь»?*

Литература, конечно, призвана ставить вопросы, но не в таком количестве. Я отдал стихи обратно Сухову.

— Белиберда? — спросил он.

— Не Байрон, — ответил я, и он понимающе кивнул.

На кухне гремел посудой Вадик.

— Ну что там у тебя? — крикнул ему Сухов.

— Старичок жил небогато, — отозвался тот.

— Это все?

— Пока все...

— Послушайте, — сказал я, — а у меня тут какая роль?

Сухов взглянул как бы с интересом.

— Вы сами-то как считаете?

— Не знаю, — честно ответил я.

Он помолчал в задумчивости, а потом заговорил, перейдя почему-то на «ты»:

— Подумай сам, что мне делать? Убили человека — да еще не поймешь, каким образом. Убили не в квартире, так что это не место преступления. Ограбить не хотели, да и нечего тут грабить. Что же тогда? Нужны, стало быть, связи, нужны знакомства, хоть какая-нибудь зацепка. Я тут могу двое суток все перерывать, стены могу простучать и полы, а все без толку. Потому что я не знаю не только где искать, но даже что искать.

— И я не знаю, — сказал я.

— Не знаешь, — согласился Сухов. — Но тебе есть над чем подумать.

И вдруг сказал просительно:

— Подумай, а?

Я оглядел комнату. Я не очень-то верил, что мы найдем что-нибудь в квартире. Что это может быть? Письмо, записка, дневник? Кригер был человек одновременно увлекающийся, открытый, рассеянный и прямой. Конспиратор в моем представлении из него был бы никудашный. Если даже это «что-то» было в квартире, куда он мог его деть? В книги? Исключено! В последние годы он становился все более рассеянным, всегда не помнил, куда сунул очки, забывал, платил ли он уже в этом месяце по счетам, и сам над собой посмеивался. Нет, в книги он не сунул бы ничего ценного, боялся бы потом не найти. Тогда куда? Кроме застекленной, открытой со всех сторон горки, других шкафов в доме нет, всю свою одежду Кригер держал в стенном. Там? И тут я вспомнил про конфетную коробку.

— Где она у него лежит? — спросил Сухов.

— Всегда лежала в горке.

Сухов быстро осмотрел горку снизу доверху.

— Какого она примерно размера?

— Большая. Сантиметров тридцать на двадцать.

— Тут ее нет.

Осмотрели стенной шкаф в коридоре. Безрезультатно.

— Где еще не смотрели? — спросил Сухов.

— Антресоль, — ткнул пальцем из кухни Вадик.

— Залезай, —скомандовал ему Сухов.

Вадик принес табуретку. Я подумал, что при таком росте ему можно было бы и не утруждаться. Искать он не долго.

— Фу, ну и пылища там, — сказал он, слезая на пол. — Эта, что ли?

В руках его была коробка, перевязанная лентой. Пыли на ней совсем не было. Я сказал:

— Эта.

Сухов принял ее у Вадика и перенес на стол в комнате. Мы все встали у него за спиной. Сухов развязал ленту и снял крышку.

Врять не буду: эффект был потрясающий. Поверх записок, безделушек, поверх засохшей магнолии лежал, нахально придавив все это, черный пистолет.

— «Макаров», — ахнул у меня над головой Вадик, а Сухов быстро накрыл коробку крышкой. Но я успел разглядеть на

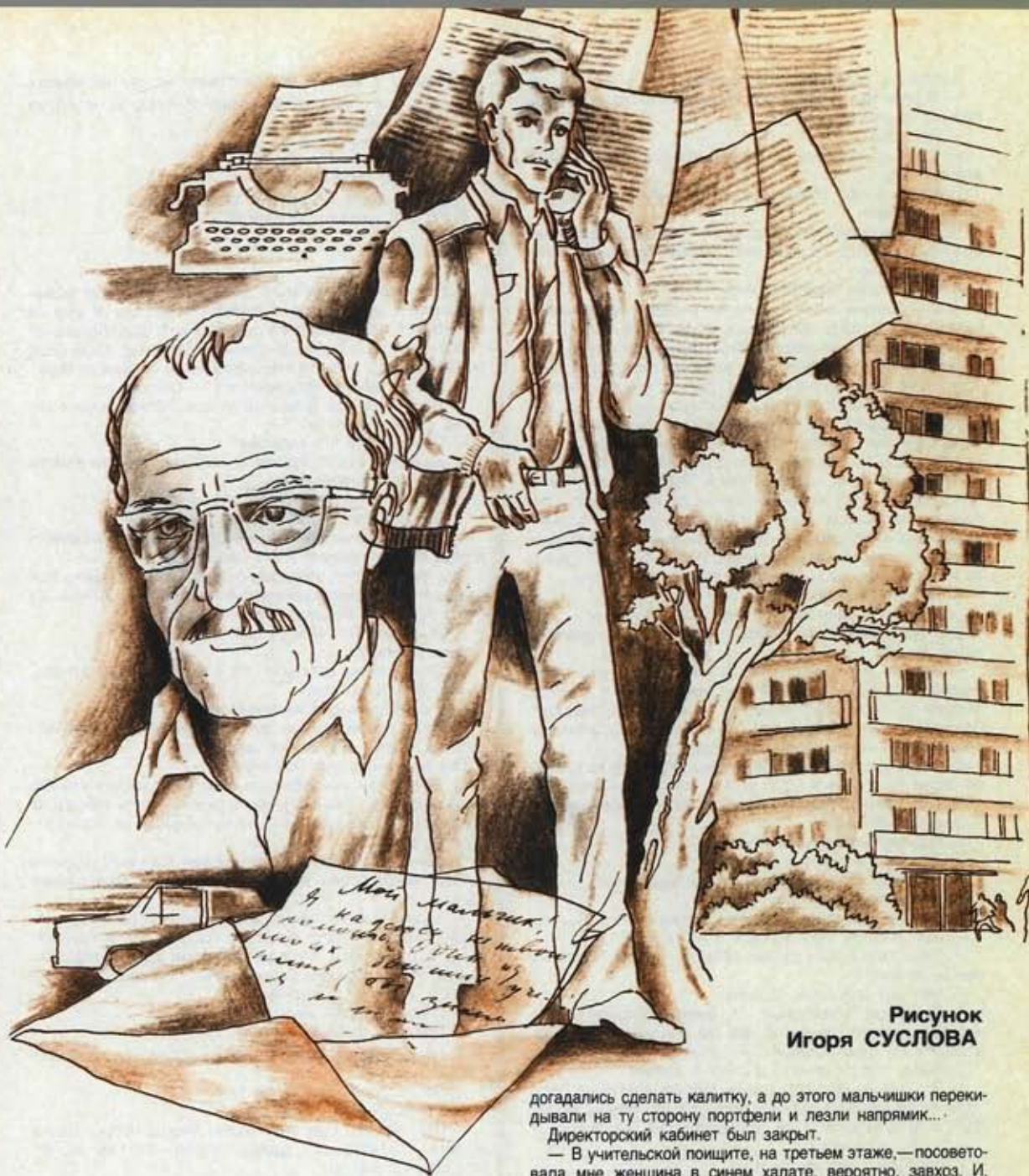


Рисунок Игоря СУСЛОВА

рукоятке пистолета металлическую пластинку с дарственной надписью.

— Вадик, — сказал Сухов, не отрывая рук от коробки, — звони в отдел, скажи: нашли ствол. Тот самый. Пусть присылают группу, будем искать тут подробней.

— Какой «тот самый»? — спросил я у Вадика, крутившего диск.

— Три недели назад обчистили, сволочи, квартиру у одного генерала... — начал он.

— Петренко!!! — рявкнуло у меня над ухом, и я увидел, как Вадик сделался меньше ростом.

Сухов отпустил наконец коробку, но теперь повернулся к столу спиной, закрывая ее телом.

— Вас, — обратился он ко мне, — я больше не задерживаю. Спасибо за помощь.

Я пожал плечами и пошел к выходу.

— Не обижайся! — крикнул он вслед. — Если что узнаешь — звони!

Только выйдя на улицу, я понял, что не обижаюсь.

У каждого своя работа, вот что подумал я. И, между прочим, пора мне вспомнить о своей. Часы показывали без десяти минут три, я прикинул, что вполне могу застать кого-нибудь на месте, и пошел не к машине, а в противоположную сторону, через двор. Дорогой, которой ходил тысячи раз.

Все тут поменялось. Их двор теперь и дворм-то, если по-честному, не назовешь. Так, пространство между домами. Во всей округе остались стоять два-три пятиэтажных каменных дома довоенной постройки да еще пара маленьких, имеющих, как сейчас выяснилось, важное историческое значение. Все остальные сломали, а вместе с ними сломали гаражи, сараи, сарайчики и голубятни.

А все-таки я узнавал места своего детства. Как угадываешь знакомого актера под гримом новой роли. Вот здесь стоял мой дом, а здесь был забор, он отделял двор от школы. Школа была видна из нашего окна, но идти к ней приходилось в обход, огибая целых два квартала. Это потом здесь

догадались сделать калитку, а до этого мальчишки перекидывали на ту сторону портфели и лезли напрямик...

Директорский кабинет был закрыт.

— В учительской поищите, на третьем этаже, — посоветовала мне женщина в синем халате, вероятно, завхоз. И, равнодушно отвернувшись, побрела по пустынному коридору, гремя ключами.

Странное ощущение: все здесь знакомо, а меня принимают за постороннего. Будто я слетал ненадолго в соседнюю галактику и вот, вернувшись, не нахожу ни одного родного лица. В сущности, это не такое уж нелепое сравнение.

Если память мне не изменила, учительская должна быть прямо рядом с кабинетом истории. Кригер входил со звоном, небрежно кидал журнал на стол и оглядывал нас отсутствующим взглядом. Он никогда не ждал, пока в классе наступит тишина, не смотрел пристально на расшумевшегося ученика, не стучал указкой. Он просто начинал говорить. Потом как-то он объяснил мне, что не считал себя вправе заставлять слушать, если неинтересно. Это было правдой и позой одновременно. Кригер знал, что неинтересно не будет, что класс будет сидеть, замерев, как один человек.

Эрикт Теодорович был хорошим учителем.

Рассказывая, он бегал по комнате, ероша свою густую тогда шевелюру, так что после урока с объяснением нового материала у него бывал вполне безумный вид.

«В 1147 году Юрий Долгорукий назначил свидание своему другу и союзнику князю новгород-северскому Святославу Ольговичу, — слышу я его не дребезжащий еще тенорок. — Он послал сказать ему: «Приди ко мне, брате, в Москву». Святослав ждал себя не заставил, и на следующий день по его приезде хозяин устроил гостю, как сообщает летописец, «обед силен», и было многое питье и естие князю и приехавшей с ним «мале дружине». Надо сказать, что предки наши любили и умели вкусно покушать. Собственно, это считалось по тем временам одним из основных развлечений. И уж если обед удостоился внимания летописца, это было что-то грандиозное! Быть может, благодаря этому пиру и попала в летопись встреча князей. А мы с вами, милые мои, получили первое в истории известие о Москве...»

Человек пятнадцать из его учеников стали историками. Как, черт побери, мог у него на антресоли оказаться пистолет какого-то ограбленного генерала?

Я открыл дверь в учительскую. Две женщины, пожилая и молодая, разговаривали, стоя у окна. Обе замолчали и вопросительно повернулись в мою сторону.

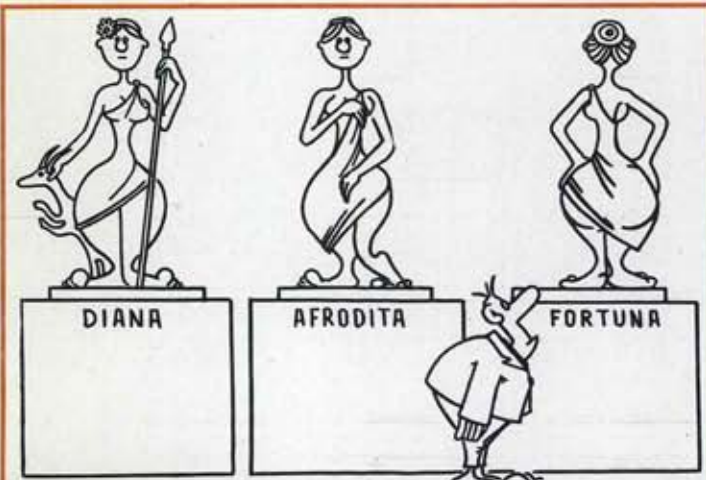
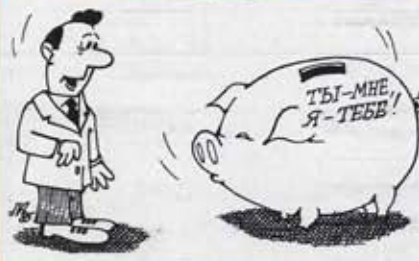


Рисунок Юрия БОРЯКИНА, Фрунзе

Рисунок Александра ЛЕВИТИНА, Куйбышев

Рисунок Николая ЧЕРНЫШЕВА, Челябинск



«ЮМОР-86»

Продолжается наш традиционный конкурс юмористических рисунков. Сегодня мы обращаемся к многочисленным городским клубам карикатуристов. Присылайте нам свои лучшие работы вместе с короткими рассказами о жизни клуба. Желаем успехов!

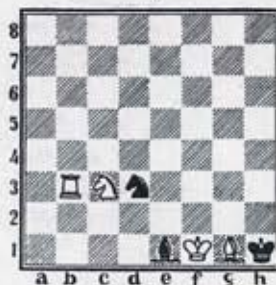
27-я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией гроссмейстера Виктора ЧЕПИЖНОГО
РЕШАЮЩИЙ ТУР

Сегодня «Смена» заканчивает публикацию заданий очередной шахматной олимпиады. Накал борьбы за призы нашего журнала сохраняется до последнего дня. И уже сейчас ясно, что число претендентов на награды намного превысит число учрежденных организаторами соревнования призов. Обращаем внимание участников олимпиады на то, что при равенстве баллов прежде всего будет учитываться точность и полнота ответов, указание побочных решений и т. д.

Ответы на задания последнего тура должны быть отправлены в редакцию до 1 ноября. Ни одно письмо, отправленное позже этой даты, не будет рассматриваться судейской коллегией.

Четырнадцатый тур



Белые: Kрf1, Лb3, Сg1, Кс3 (4)
Черные: Kрh1, Се1, Кd3 (3)
Мат в 3 хода (2 балла)



Белые: Kрd5, Лс3 (2)
Черные: Kрb6, Кf1, пп. а5, f2, f3 (5)
Белые начинают и делают ничью (3 балла)



Белые: Kрh1, Сс4, Ке5 (3)
Черные: Kрс8, Сg5, пп. с7, f4 (4)
Белые начинают и выигрывают (4 балла)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «27-я шахматная олимпиада. 14-й тур». Решения всех заданий необходимо привести полностью. Ответ на задание сегодняшнего тура просим прислать на отдельной открытке! На всех открытках, кроме решения, участникам необходимо указать фамилию, имя, отчество, профессию и спортивный разряд.

3-я ШАШЕЧНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией заслуженного тренера БССР Виктора КРАМАРЕНКО

ТОЛЬКО ВПЕРЕД!

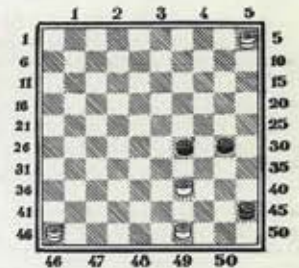
«Уважаемая редакция! Рассказывают, что шашист койсололец Панганис в годы Великой Отечественной войны совершил героический подвиг и был удостоен звания Героя Советского Союза. Напишите, как это было. В. Цыганков, Калининград Московской области».

В ожесточенных боях на Дону расчет орудия, которым командовал Игорь Панганис, уничтожил несколько танков, десятки вражеских солдат и офицеров. В критический момент боя раненый сержант, не прекращая огня, действовал у орудия один и продолжал

сдерживать фашистов. Разрывом снаряда орудие было выведено из строя. И тогда Игорь Панганис, взяв в руки четыре противотанковые гранаты, бросился навстречу танку. Гитлеровскую машину приподняло взрывом в воздух. Атака была отбита.

3 марта 1944 года при освобождении Нарвы выдающийся шашист, чемпион СССР Василий Соков погиб смертью храбрых. Не вернулись с полей сражений чемпион Белоруссии И. Гордон, чемпион РСФСР С. Дьячков, чемпион Киева А. Ефремов, чемпионы Москвы С. Лиознов и И. Марголин, чемпион Украины В. Могилевич, известный тренер С. Натов и многие другие спортсмены.

Четырнадцатый тур
К. Турий, Одесса. Публикуется впервые.



Свои новые работы одесский мастер Колман Турий посвящает воинам-шашистам, погибшим в боях за нашу Родину.

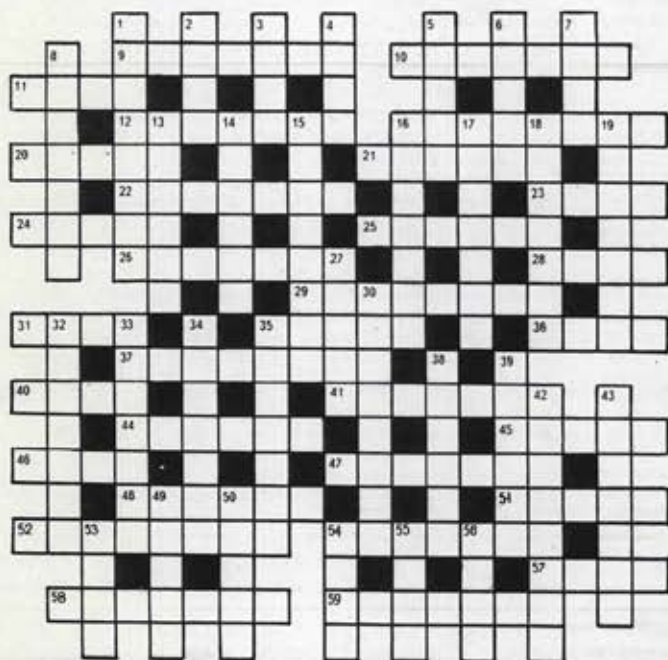
Во всех позициях ход белых. Читателям предлагается сделать анализ и оценить эти позиции: выигрывает, ничья или проигрывает белых (по 4 балла за каждую позицию).

Ответы на задания четырнадцатого тура присылайте не позже 1 ноября.

Слева вверху на открытке сделайте пометку: «3-я шашечная олимпиада. 14-й тур, «100», и свой регистрационный номер. Каждое задание выполняйте на отдельной открытке — так легче вести учет и проверку.

КРОССВОРД

Составила Е. ЖАВОРОНКОВА, Москва



По горизонтали:

- Столица, название которой по-русски звучит как «Город любви».
- Адмирал, который мог взять в плен Наполеона, если бы выполнил приказ М. И. Кутузова.
- Кувшин с крышкой.
- Самая длинная прямая, соединяющая две точки окружности.
- Луговое растение с ядовитыми корневищами.
- Музыкальное произведение, свойственное Баху, Генделю.
- Французский художник, автор картины «Плот Медузы».
- Один из двух кораблей, проложивших первый трансатлантический кабель.
- Разрывной снаряд.
- Река, которую изображали Кустодиев, Репин, Левитан.
- Фармацевтическое учреждение.
- Человек, увлеченный постоянной идеей, мыслью.
- Петербургский типограф, напечатавший в 1784 году первую в России книгу американского автора.
- Складной цилиндр.
- Обычай, правило.
- Каминная заслонка.
- Полудрагоценный камень с радужной окраской.
- Крупный широкий водопад.
- Город на юго-востоке Польши.
- Кровеносный сосуд.
- Приспособление для кругового вращения пушки, пулемета.
- Дмитрий Донской (титул).
- Дерево, семена которого подсказали английскому изобретателю Хиссу идею гребного винта.
- В верхнем течении — Оксу, в среднем — Мургаб, в нижнем — ...
- 48.

- Житель государства в Азии.
- Город на острове Хонсю в Японии.
- Русский печатник конца XVI века.
- Ловкость, сноровка.
- Дорожный сундук.
- Место, где летом обычно работал Б. Шоу.
- Категория философии, обращенной в будущее.

По вертикали:

- Испанский народный танец.
- Прогулочное судно.
- Озеро в Эфиопии и Сомали.
- Мощное нападение, атака.
- Питающая электролиния.
- «Отец» очень популярного солдата.
- Пьеса Э. Верхарна.
- «Началось с неумения надевать чулки, а кончилось неумением жить» (название романа).
- Первая из крупных поэм с героиней Еленой.
- Пристань в нижнем течении Оби.
- Стенная птица, уничтожающая саранчу.
- Выше всех, дальше всех или быстрее всех.
- Электрически заряженная коллоидная частица.
- Цветок, страдающий от любви.
- Хиновое дерево.
- «Визитная карточка» государства.
- Старейшая на рода.
- Отрицательное, подавляющее влияние, воздействие.
- Работник животноводства.
- Речь управления самолетом.
- Народный поэт Киргизии.
- Степень родства.
- Загородная прогулка компанией.
- Город в Ташкентской области.
- Поэтическое название окраски весенних полей и лугов.
- Школьная сум-

- Лапка мягонька, а коготок востер.
- Обманщик.
- Ящик для голосования.
- Буква старославянского алфавита.
- В Испании — Тахо, в Португалии — ...

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 16

По горизонтали:

- «Чародейка».
- Рельеф.
- Манера.
- Бадминтон.
- Формула.
- Юстиция.
- Завистник.
- «Индiana».
- Жировик.
- Раскраска.
- Совершенство.
- Электровентилятор.
- Ингальяция.
- Ледерин.
- Хрисипп.
- Гейнсборо.
- Нильгау.
- Носорог.
- Шантажист.
- Ефимов.
- Хромка.
- Выклятник.

По вертикали:

- Уаза.
- Холм.
- Верн.
- Окно.
- Графтио.
- Олдридж.
- Депутат.
- Пантера.
- 10.
- Шевцова.
- Зарянка.
- Базар.
- Давос.
- Инсар.
- Тонус.
- Нюкка.
- «Апшерон».
- Канавка.
- Актиния.
- Кромичи.
- Бойль.
- Щелка.
- Маляр.
- Чирок.
- Планшет.
- Идиллия.
- Прогноз.
- Ингуш.
- Гайдн.
- Ласка.
- Цромка.
- 42.
- Яхонт.
- 43.
- Миссури.
- Диорама.
- Эпиграф.
- 52.
- Акын.
- 53.
- Толк.
- 54.
- Жуть.
- 55.
- Спич.

Дорогие друзья!

Приглашаем вас подписаться на журнал «Смена». Воспитание советской молодежи в духе самых высоких понятий, выработанных в нашем народе, всегда было важнейшим делом Ленинского комсомола. Эту же задачу, как самую главную, ставил и ставит перед собой комсомольский журнал «Смена».

В год XXVII съезда партии диалог с читателем будет вестись с особой искренностью и честностью, доверительностью и взаимной требовательностью. Журнал будет вникать в самые насущные, животрепещущие проблемы. Здесь интересы читателей и журнала полностью совпадают.

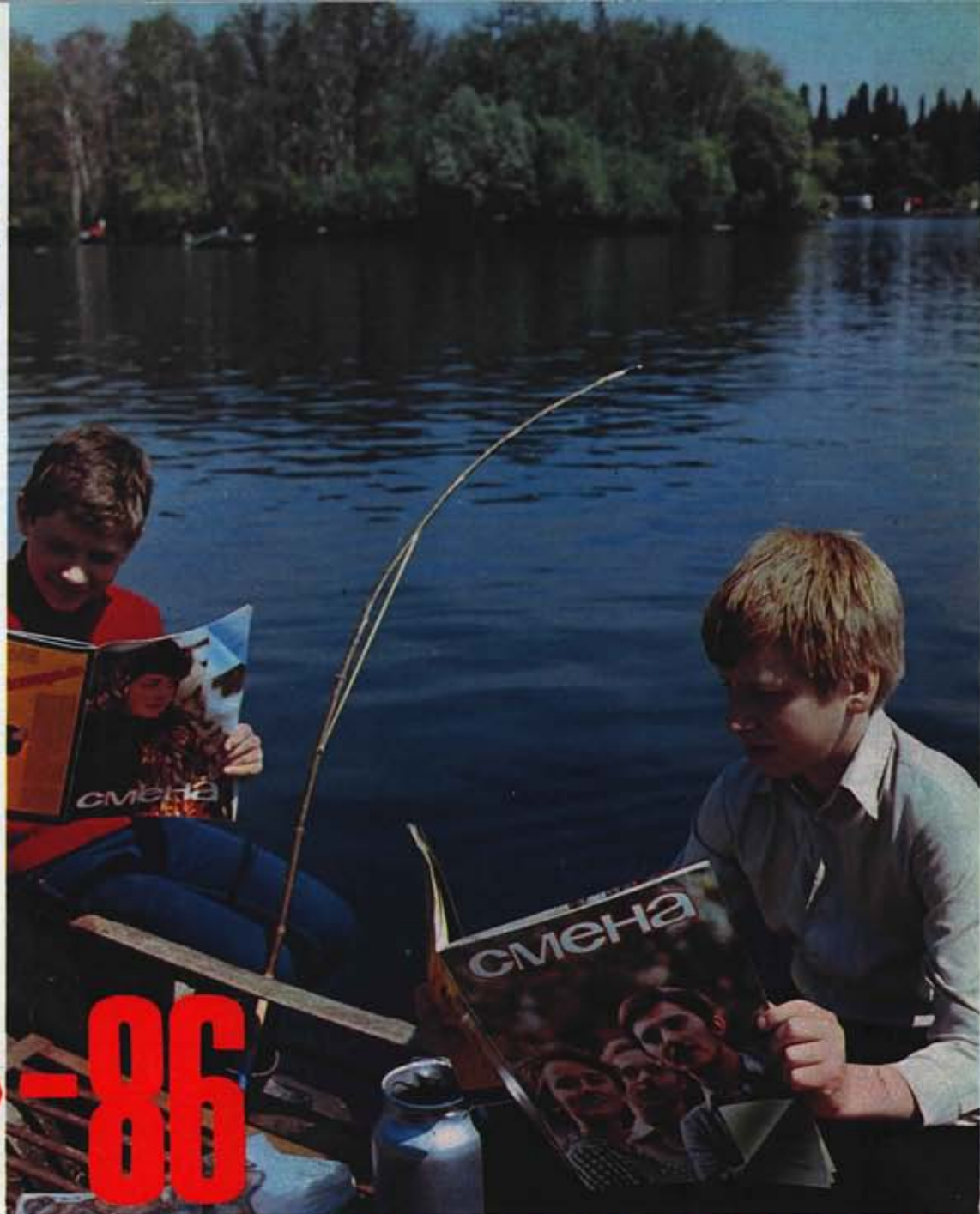
И сегодня, когда еще есть время уточнить планы, внести в них акции и рубрики, особо интересные читателям, созвучные требованию дня, мы обращаемся к друзьям «Смены», ее подписчикам, настоящим и будущим: пишите нам о своих пожеланиях и предложениях. Совет читателя во многом определяет творческий поиск журнала. В письмах читателей — адреса, по которым едут наши корреспонденты. Голос читателя постоянно звучит на страницах «Смены».

В 1986 году журнал намерен пристальное внимание уделить вопросам партийного руководства комсомолом, рассказать о том, как коммунисты-ленинцы передают молодым свой богатейший жизненный опыт борьбы и труда, тот опыт, то знание жизни, которые помогают выйти на верную дорогу, стать активным участником жизни страны, верно разобратся, в чем состоит долг и право человека и гражданина нашей страны. Рубрики «Письма из райкома», «Беседа с партийным руководителем», «Автобиографии», «Жизнь замечательных людей» интересны тем живым, положительным примером, о котором должен знать каждый человек, а молодой — в особенности.

На страницах журнала люди военные расскажут о подвигах солдат Великой Отечественной, на живых примерах раскроют суть таких святых для каждого советского человека понятий, как «долг», «товарищество», «честь». Очерки и репортажи постоянной рубрики «Служу Советскому Союзу!» ближе познакомят вас с напряженными буднями армейских комсомольцев, защитников Родины.

Ценность человеческой жизни определяется прежде всего тем, что ты сделал для людей. Труд — мерило, по которому в нашей стране судят о человеке. Вот почему «Смена» всегда особо внимательно относи-

Фото Владимира Чейшвили



«СМЕНА» - 86

лась к трудовой деятельности советской молодежи. Производственная жизнь непроста. Она полна конфликтов, борьбы и противоречий. Тем важнее здесь верные и надежные ориентиры. Вопросы дисциплины и организованности, ответственности и пассивной исполнительности, трудовых и нетрудовых доходов волнуют сегодня многих. И вы сможете участвовать в разговоре о них на страницах журнала.

«Смена» расскажет о роли научно-технического прогресса в наши дни, а ее рубрика «Компьютерный всеобщ» поможет уверенно чувствовать себя наедине с самой современной техникой.

Школьник и учащийся ПТУ, преподаватель и мастер производственного обучения всегда найдут на страницах журнала материалы о том, как претворяется в жизнь реформа школы, чем сильны наши лучшие педагоги, в чем их «секреты», о которых они расскажут со всей открытостью. Да, собственно, могут ли кого оставить равнодушными рубрики «Школьные перемены» и «Творческая педагогика»!

Л. Жуховицкий, О. Чайковская, Д. Валеев, И. Кон, И. Зюзюкин, В. Переведенцев, К. Скопина, Ю. Феофанов, Е. Добровольский и другие известные публицисты поведут на страницах журнала разговор о житейских драмах и нравственных испытаниях, выпадающих на долю человека, о тех явлениях, борьба с которыми должна стать делом каждого из нас. Пьянству и хулиганству, стяжательству и желанию пруспеть за чужой счет, рвачеству и бюрократизму можно и нужно противостоять. Как? Читайте материалы под рубриками «Нравственная норма», «Жизнь семьи», «Закон и ты», «Надо обсудить», «Этика поведения». В них молодой человек найдет тонкий и глубокий анализ сложных человеческих чувств и взаимоотношений, нравственные опоры жизни, уроки активного противодействия беспамятности и бездумию, неискреннему высокому слову и жестокому, низкому поступку, умению беззащитно бросаться общими фразами.

Есть дело, в котором должны объединиться все люди доброй воли нашей Земли, — дело борьбы за мир. Прочный мир может быть достигнут только в

борьбе, нашими совместными усилиями. О том, как борется молодежь Земли за будущее без войн и угнетения, вы узнаете из материалов наших корреспондентов и авторов.

В серии «Литературный глобус «Смены» читателя ждут встречи с произведениями мастеров гуманистического направления прозы и поэзии зарубежных стран. По традиции журнал будет отдавать предпочтение произведениям с напряженным действием, острыми моральными коллизиями.

Всегда вызывали особый интерес читателей литературные полосы «Смены». Ведь имена Виктора Астафьева и Андрея Вознесенского, Юрия Нагибина и Евгения Евтушенко, Саввы Дангулова и Евгения Винокурова, Виктора Потанина и Андрея Дементьева, Виктора Лихоносова и Беллы Ахмадулиной, а также многих других постоянных авторов «Смены» любят читатели всех поколений.

Прочное читательское признание завоевали такие рубрики журнала, как «Силуэты», «Литературные уроки», «Хрестоматия «Смены».

На «Конкурс одного стихотворения», который будет проводиться на страницах журнала седьмой год подряд, присылают свои стихи рабочие и студенты, школьники и военнослужащие. Тысячи подборок стихов рассматриваются редакцией ежегодно!

Со страниц «Смены» к читателям пришли герои известных ныне произведений Ю. Семенова, братьев Вайнеров, С. Высоцкого, братьев Стругацких и многих других признанных мастеров приключенческого жанра, особо любимого молодым читателем. Знакомство с новыми героями произведений этого жанра будет продолжаться и впредь из номера в номер.

Откройте номер «Смены» — и вы сможете побывать в самых красивых уголках нашей многонациональной страны. Цветные полосы рубрик «Отечественно» и «Красота родной земли» дадут вам полное представление о пушкинских местах и байкальском острове Ольхон, родине выдающегося художника И. И. Шишкина, и Командорских островах.

Со страниц журнала к вам обратятся чемпионы СССР, мира и Олимпийских игр. Причем собеседника

вы можете выбрать сами, написав письмо в адрес рубрик «Твой собеседник — чемпион» и «Спортивный автограф». А в футбольном клубе «Надежда» ваших вопросов и предложений ждут как футболисты, так и болельщики, известные спортивные журналисты и тренеры. В первых номерах «Смены» 1986 года мы начнем публиковать записки капитана сборной СССР Рината Дасаева.

Техника — повальное увлечение молодежи. Рубрика «Скорость» рассказывает о новинках мототехники, о клубах и объединениях, в которых ребята учатся не только владеть техникой, но и умению владеть собой, чувству товарищества, коллективизма.

Музыка сегодня — безбрежный океан мелодий и ритмов, в котором не так легко ориентироваться. Случается, что из всего этого богатства молодые люди по незнанию выбирают только один-единственный ручеек. «Смена» знакомит своих читателей со всем многообразием музыкальной жизни, уделяя, естественно, внимание особо популярным у молодежи жанрам.

Новинка 1985 года — рубрика «Береги здоровье смолоду» вызвала и интерес, и одобрение. Рубрика будет продолжена материалами о биоритмах, о совершенствовании не только тела, но и воли, характера.

Быть красивым, модным, но не вульгарным, умеющим одеться разнообразно, но не крикливо научит вас рубрика «Молодежная мода», ведут которую как наши, так и зарубежные модельеры и специалисты.

Десятки тысяч читателей из года в год принимают участие в многочисленных конкурсах «Смены». А участники шахматных и шашечных олимпиад завоевывают спортивные разряды, высылая решения по почте. Опытные юристы не оставляют без ответа ни один вопрос наших читателей.

Приглашаем вас, дорогие друзья, подписаться на «Смену». Журнал рассчитан на самый широкий круг читателей, выходит два раза в месяц. Двадцать четыре журнальные книжки, годовой комплект, стоят 8 руб. 40 коп. Подписка на полгода — 4 руб. 20 коп., на три месяца — 2 руб. 10 коп.

Подписка принимается без ограничений.